

Российская Академия Наук
Институт философии

А.Ю. Антоновский

**НИКЛАС ЛУМАН:
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ
В ТЕОРИЮ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ**

Москва
2007

УДК 301.195
ББК 60.5
А-72

Научный редактор

член-корр. РАН *И.Т. Касавин*

Рецензенты

кандидат филос. наук *Т.А. Дмитриев*

кандидат филос. наук *В.А. Емелин*

А-72

Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем [Текст] / А.Ю. Антоновский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : ИФ-РАН, 2007. — 135 с. ; 20 см. — Библиогр. в примеч.: с. 123—135. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0077-1.

В последнее десятилетие в современной западной социологии огромный резонанс получает теория общества, создаваемая на методологической основе теории систем. Между тем практически остается в тени лежащая в основе этой теории социально-эпистемологическая методология, базирующаяся на данных, полученных в кибернетике (Хайнц фон Ферстер), математической логике (Джордж Спенсер-Браун), биологии и нейрофизиологии (Умберто Матурана, Франциско Варела), психологии (Грегори Бейтсона) и философском радикальном конструктивизме (Эрнст фон Глазерсфельд). Заполнить этот пробел и призвана эта книга, которая ставит своей целью показать возможности давней мечты социологов о реальном междисциплинарном синтезе научного знания, куда по праву включалось бы и знание социологическое.

ISBN 978-5-9540-0072-6

© Антоновский А.Ю., 2007
© ИФ РАН, 2007

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ	5
Порядок из парадокса — основной вопрос социологии	6
Понятие коммуникации: информация/сообщение, самореференция/инореференция	9
Междисциплинарный контекст основных понятий теории социальных систем	11
Аутопойезис. Производство и конденсация «собственных значений»	17
Языковое кодирование и его биологические основания	19
Двойная контингенция в обществе и ее биологический прототип	23
ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	28
Конструктивистская логика различений	30
Социальная интеграция как структурное сопряжение	33
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ	38
Социальная система как «машина выживания» коммуникационных смыслов	39
Общий взгляд на биологическую эволюцию	43
От эволюции биологической к эволюции социальной	46
Эволюция идей	48
Память как забвение контекста	50
Стабилизация эволюции как самовалидация собственных значений	53
Существуют ли гены социальной эволюции?	58
Языковое отрицание — главное эволюционное достижение	60
Заключение: теория эволюции Н.Лумана как ответ на вызовы со стороны антидарвинизма	62
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТИНЫ КАК МЕДИУМА КОММУНИКАЦИИ	72
Генезис истины: истина и письменность	75
Истина как средство-медиум	80
К рефлексивной функции ложного	84
Случай критянина: перфекционизм и самоприменимость истины	86
Истина и время	88

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СМЫСЛ КАК КОННЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ В ЯЗЫКЕ, СОЗНАНИИ И КОММУНИКАЦИИ	95
Еще раз о понятии коммуникации	95
Законы формы Дж.Спенсера-Брауна	96
Семиотика и коммуникация	99
Семиотическое понятие смысла: индикация/дистинкция vs. самореференция/инореференция	103
Коммуникация и сознание	112
Психологическое понятие смысла	113
Примечания	123

ВВЕДЕНИЕ: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ *

В этой книге собраны материалы по мотивам ряда статей, которые были написаны автором в качестве послесловий к вышедшим недавно переводам книг Никласа Лумана, одного из самых влиятельных философствующих социологов современности. Данный труд не является переизложением лумановских идей, хотя они как раз и нуждаются в подробнейшем изложении, интерпретации и адаптации их к русскому языку и к принятым у нас постановкам проблем. Возможно, здесь не обойтись и без некоторой адаптации русского языка по отношению к наследию немецкого социолога. Язык Лумана труден, но эти трудности не вызваны традиционной сложностью структуры немецких предложений. Трудности его, прежде всего, вытекают из обилия новых понятий, смысл которых Луман не считает нужным прояснять, в особенности в своих завершающих работах, поскольку, с одной стороны, он не без оснований полагает, что у читателей уже была возможность познакомиться и усвоить значения вводимых терминов в более ранних трудах, а с другой — считает читателя равноправным и равно эрудированным экспертом. Эта книга и ставит себе задачу восполнить этот пробел, причем проясняемые понятия рассматриваются в их теоретико-познавательном контексте, и поэтому их смысл оказывается несколько шире той роли, которую они играют непосредственно в теории социальных систем Никласа Лумана. Именно эпистемологический фундамент социологической теории показался автору проблемой, требующей внимания, и именно отсюда вытекает структура предлагаемого текста.

Краткая биографическая справка:

- Никлас Луман родился в 1927 г. в семье владельца пивоварни в Люнебурге.
- 1943—44 гг. в возрасте 15—16 лет работает в обслуживающем персонале Люфтваффе.

* Книга написана при поддержке немецкого фонда Александра фон Гумбольдта и социологического факультета университета г. Билефельд. Выражаю также огромную признательность профессору социологии университета г. Билефельда Хартману Тюрелю (Herrn Prof. Hartmann Tyrell) за оказанную помощь в период моей работы в Германии.

- 1945 г. — пленение американцами.
- 1945 г. — экзамен на аттестат зрелости в школе Иоханитов в Люнебурге.
- 1946–49 гг. — изучение юриспруденции во Фрайбурге.
- 1952–53 гг. — начало создания знаменитой картотеки Н.Лумана.
- 1954 г. — служба в Высшем административном суде в Люнебурге.
- 1955–62 гг. — референт ландтага в министерстве культуры Нижней Саксонии.
- 1960 г. — брак с Урсулой фон Вальтер.
- 1960–61 гг. — стажировка в Гарвардском университете у Т.Парсонса.
- 1962–65 гг. — референт в исследовательском институте при Высшей школе административных наук в Шпейере.
- 1964 г. — публикация первой книги: «Функции и следствия формальной организации».
- 1965 г. — по приглашению Гельмута Шельски работает руководителем социально-научных исследований в Дортмунде.
- 1966 г. — первая и вторая книги («Право и автоматизация общественного управления») засчитываются в качестве соответственно кандидатской и докторских диссертаций в университете г.Мюнстер.
- 1967 г. — программное выступление под названием «Социологическое просвещение».
- 1968 г. — назначение профессором социологии в новообразованном реформ-университете г.Билефельда.
- 1971 г. — Хабермас и Луман публикуют свою дискуссию в виде книги «Теория общества или социальная технология. В чем достижения системного исследования?».
- 1977 г. — смерть жены.
- 1984 г. — выходит книга «Социальные системы».
- 1988 г. — Гегелевская премия г.Штутгарт.
- 1993 г. — выход на пенсию. Программная заключительная лекция «Что существует? Или что за этим скрыто?».
- 1997 г. — выход завершающего труда «Общество общества».
- Никлас Луман умер 6 ноября 1998 г. в Эрлингсхаузе под Билефельдом.

Порядок из парадокса — основной вопрос социологии

Загадочное название самой главной книги Н.Лумана «Общество общества», завершающей его грандиозный проект, расшифровывается весьма просто. Речь здесь идет о «теории коммуникаций», причем о такой теории, которая в свою очередь воплощается в коммуникативных актах, предлагается для обсуждения и, как всякая коммуникация, не просто тематизирует, но и *манифестирует* общество. Ведь

последнее, вбирая в себя все коммуникации, получает настолько широкое определение, что его теоретические описания уже не могут осуществляться где-то вне его и, следовательно, образуют часть его самого, а именно научную подсистему коммуникаций, социологию, теорию познания. Эта парадоксальная самообращенность, представление об обществе как о «само себя толкующем» — стержневой мотив лумановской концепции. Здесь коренится и фундаментальный мотив всей лумановской методологии: возвращение или вхождение описания предмета в сам предмет описания. Социология («общество общества»), наблюдая, обнаруживает в своем предмете и себя саму, превращаясь в описание описания.

Но в «описании описания» сам первичный предмет рассмотрения словно растворяется. Поэтому из социологии, считает Луман, должны быть изгнаны внешние миры коммуникации — люди, сознания¹, организмы, артефакты, которые теряют свое значение социального факта в его дюркгеймовском понимании: непреложной необходимости, с которой должно считаться любое социальное взаимодействие и которая ранее полагалась предметом социологии. Не предмет, но его описание, а точнее сама тематизирующая его коммуникация, отныне становится главным и единственным социальным фактом. Все предметы коммуникации (ее внешние миры: люди, сознания, объекты) могут быть представлены лишь коммуникативно², то есть внутри системы общества, которое, таким образом, превращается в замкнутую последовательность соотносящихся лишь друг с другом операций.

В социологию этот кибернетический сюжет привносится Луманом из парадигмы так называемой кибернетики второго порядка, развиваемой в Иллинойском университете австрийско-американским физиком Хайнцем фон Ферстером, чилийскими биологами Умберто Матурана и Франциско Варела и др. Этот кибернетический подход должен был помочь решить классическую, поставленную еще Гоббсом, проблему источников социального порядка. Последняя оказывается в каком-то смысле одинаково релевантной как для математики, так и для социологической теории; как для биологии, так и для теории сознания.

В социуме «невероятность» порядка вытекает уже из природы времени:

«Вопрос состоит в том, как вообще возможна социальность в условиях одновременности (=неконтролируемости); и ответ гласит: благодаря конституированию объектов как собственных значений протекающего во времени процесса поведения»³, — пишет Луман.

И действительно, нормы, ценности, консенсус, санкции, взаимный интерес, рациональность, власть и все иные гарантии порядка бессильны перед тем, что происходит в настоящем. Но если реагировать можно лишь на прошлое, что же обеспечивает порядок в данное мгновение? И, с другой стороны, согласия (консенсуса) в обществе может и не быть, но разве перестает оно от этого являться обществом, разве исчезает в ходе конфликта коммуникативное общение, а следовательно, и само общество? Разве асоциальность и аномия локализованы где-то вне его? Разве единственно-возможным определением нормативности не является отсылка к девиантности, к «другой стороне» нормы?

Для ответа на эти вопросы Луман и обращается к системе кибернетических, математических, физиологических и биологических понятий, заимствует понятие собственных значений⁴. И в обществе, а не только в математике, присутствуют собственные значения, под которыми понимаются своеобразные социальные инварианты порядка и которые не могут быть сведены ни к консенсусу, ни к общим ценностям, ни к рациональности. Эти «собственные значения» и обеспечивают какую-то иную, независимую от консенсуса, интеграцию.

Поэтому для объяснения «собственных значений» в обществе как инвариантов социального порядка следовало, по мысли Лумана, обратиться к общенаучной методологии, к тому, как они могут быть интерпретированы в рамках других наук: в математике, физике, биологии, нейрофизиологии.

Луман ищет методологические основания для объяснения того, как возникает порядок из рекурсивных, то есть самообращенных, коммуникаций, как возможен порядок, если обсуждаемые в коммуникациях «объективные» предметы не могут служить основанием для рационально выстраиваемого согласия, поскольку являются результатом самоконструирующей деятельности коммуникации. Коммуникация видит и обращается лишь к себе подобным. Порядок — это результат «кругового отношения» коммуникации к коммуникации, ибо лишь в такого рода круговом, замкнутом самоотношении и рождается так называемое «собственное поведение» системы.

Ниже мы сначала рассмотрим структуру коммуникации, а затем обратимся к некоторым методологически важным категориям, релевантным не только для социологии (по крайней мере, в ее лумановской интерпретации), но и носящим междисциплинарный характер. Особый же резонанс они получили в представлениях «радикального конструктивизма». И вообще, для понимания Лумана очень важно увидеть укорененность его идей в более широком теоретико-познавательном контексте.

Понятие коммуникации: информация/сообщение, самореференция/инореференция

Коммуникация, единственная общественная структурообразующая единица, согласно Луману, обладает и внутренней структурой, а именно конституирована тремя элементами: сообщением, информацией и пониманием. Впрочем, эти элементы не следует рассматривать как самостоятельные данности, существующие и сами по себе (вне, до или после коммуникации). Правильнее было бы сказать, что коммуникация делает возможным отношение этих элементов, конститутивное для нее различие сообщения и информации.

Коммуникация осуществляется в том случае, если осуществляется и это различие: из сообщения выделяется информация. Осознание этого различия⁵ (и одновременно единства) сообщения и информации представляет собой понимание.

Информация есть «различие, которое порождает различие»⁶. «Сообщающий» из всего массива того, о чем можно было бы поговорить, «посылает» именно данное сообщение (первое различие). «Принимающий» сообщение «извлекает» из него информацию, словно создавая определенную конфигурацию из заранее не определенного набора возможностей (медиума), выделяет в нем далеко не все то, что стремился сообщить его собеседник (второе различие). Информация есть то, что изменяет эту коммуникацию, вводит или требует присоединения следующей. Если мне предлагают купить товар, из того, что мне говорится, я выбираю то, что мне нужно, отсеиваю лишнее, извлекая информацию о свойствах товара, которая и влечет за собой следующую коммуникацию (покупку и платеж).

Проблема же состоит в том, что информация в сообщении сама по себе еще не содержится. Информация, «содержащаяся» в сообщении, есть весьма произвольная конструкция — результат коммуникации, а не обнаружение каких-то свойств или объектов, знаний, которые как-то наличествовали там прежде, еще до начала данной коммуникации. Информацию поэтому нельзя «переработать», «сжать» или «накопить» в памяти, «переписать на другой носитель». То, что в памяти компьютера, человека или же коммуникации «хранится» информация, которую в нужный момент можно было бы «истребовать», является заблуждением⁷. Нельзя путать носители (контейнеры, диски, документы, книги, записи), содержащие потенциальную информацию, и саму информацию, которая нигде не хранится, а являет собой актуализирующееся — моментально и только единожды — различие в сообщении, его дифференциацией на то, что остается ин-

дифферентным, и то, что требует продолжения (изменения) системы коммуникации. Сообщение в какой-то мере выступает «носителем», контейнером потенциальной информации; язык, кассета, жесткий диск компьютера — все это функциональные эквиваленты сообщения.

Теперь мы можем ответить на вопрос, что такое память системы (неважно, сознания или коммуникации). Память не является хранилищем записей. Эта структура предпочтений, диспозиций, условие отбора информативного, это система ожиданий, а иногда — весьма произвольный механизм отбора «запомненных» событий и способ конструирования фиктивных историй. В эволюции произошел переход от соматической памяти (реминисценции, требующие буквального воспроизведения) к адаптивной, конструктивной памяти. Хорошую иллюстрацию предлагает память Баудолино — героя одноименной книги Умберто Эко.

Одна из ключевых идей Лумана состоит в том, что «коммуникация является определенным типом наблюдения мира». Здесь нет никакой мистики или метафизики. Коммуникация наблюдает тем, что своими различиями реагирует на различия во внешнем мире (скажем, на коммуникации в других от-дифференцировавшихся социальных системах). В этом и состоит наблюдение. Тем самым актуализируется различие между системой и ее внешним миром. Но различий во внешнем мире системы самих по себе, то есть «объективных» и независимых от системы, не существует. Импульсы, ирритации, исходящие из него, лишь в том случае получают релевантность, если они отбираются самой системой, своими внутренними селективными механизмами превращающей их в информацию. Различия привносятся в мир наблюдателем.

Понимание в коммуникации, по Луману, есть «осознание» различий между сообщениями (внешней стороной формы) и тем, что из них отобрано (информацией — внутренней стороной формы). Для самой простой коммуникативной системы (для интеракции) это может выглядеть так: некто (Альтер) заводит разговор о погоде. В этом сообщении актуализируется инореференция, поскольку темой служит внешнемировая реалья. Реферируя поступившее сообщение, Эго делает вывод и высказывает упрек, что Альтер считает Эго неинтересным человеком, с которым кроме погоды нечего больше и обсуждать. Из сообщения Альтера Эго черпает информацию, отбрасывая то, что Альтер, может быть, хотел сообщить, и именно это направило коммуникацию по новому пути. В коммуникативном вкладе Эго реализовалась опция самореференция/инореференция. В сообщении Альтера Эго мог выбрать первую опцию и продолжить тематизировать

«погоду» (инореференция). Он же своим упреком актуализирует самореференцию, ибо темой коммуникации становится характер протекания самой коммуникации. Вместо вопроса о том, «что» говорят в коммуникации, релевантность получают вопросы о том, «зачем» это говорится. Осуществился переход границы формы. Как только зафиксировано это различие, произошло понимание (неважно, адекватное или нет) и, исходя из этого понимания, происходит следующее коммуникативное высказывание Эго. Эго «понял» коммуникацию, ибо «осознал» различие сообщения и почерпнутой в нем информации.

При всем этом сознания как Альтера, так и Эго остаются когнитивно-недоступными внешними мирами коммуникации. Поэтому проверка своего коммуникативного понимания на достоверность (в данном случае — на его соответствие действительному потоку мыслей Альтера) невозможна дефинитивно, остается коммуникативной реконструкцией сознания как внешнего мира коммуникации.

Для более «продвинутой» системы коммуникаций, скажем для социальной системы науки, инореференцию (открытость этой системы) манифестируют научные теории, ибо в них тематизируются реалии внешнего мира, тогда как научные методы определяют характер протекания научных исследований, а следовательно, и научных коммуникаций, и в этом смысле репрезентируют самореференцию науки, ее замкнутый характер.

После рассмотрения внутренней структуры коммуникации следовало бы перейти к механизмам образования общества, то есть коммуникационной сети. Но для лучшего понимания того, что обеспечивает рекурсивную связь коммуникаций, или, как выражается Луман, их «подсоединение» друг к другу, сначала следует обратиться к источникам лумановской методологии.

Междисциплинарный контекст основных понятий теории социальных систем

Системная рекурсивность и системная замкнутость

Австро-американский биолог, физик и кибернетик Хайнц фон Ферстер предложил систему понятий⁸, которые были положены Луманом в основу его социологической теории. Ферстер же дал и формальное описание закрытого системного процесса, который можно было бы назвать «наблюдением наблюдения с исчезновением наблюдаемого». Элиминация исходного аргумента и волшебное появление

так называемых «собственных значений» (Eigenwerte) и является следствием самоприменимого, или рекурсивного, характера выражений или операций.

Рекурсивность есть обращение к результатам предшествующих операций как к основанию последующих. «Собственные значения» в социальном и биологическом поведении в каком-то смысле аналогичны т.н. «собственным значениям» в математике или физике⁹.

Обобщить эти примеры позволяет следующая формализация фон Ферстера¹⁰. Рекурсивность в наблюдении состоит в том, что наблюдение какого-то положения дел (obs_i) есть результат предшествующей деятельности по координации ($coord$) (то есть трансформации, конструированию, модификации) с начальным положением дел: $Coord(obs_0)$.

$Obs_1 = Coord(obs_0)$.

$Obs_2 = Coord(obs_1)$, отсюда

$Obs_2 = Coord(Coord(obs_0))$.

Конечная формула гласит:

$Obs_{\infty} = coord(coord(coord(coord...))$

Эта формула показывает, что сам вопрос о предмете наблюдения (или, словами Лумана, «что-наблюдения?») элиминирован. Релевантным остается лишь вопрос «как-наблюдения?», то есть вопрос о том, посредством каких операций осуществляются наблюдения.

Обобщая, можно сказать: «собственные значения» представляют собой своеобразные различия, «дифференции», средства наблюдения, которые, различая, только и конституируют элементы (различия) и благодаря этому делают их наблюдаемыми. Мы видим только различия, но не видим различений, то есть того, с помощью чего формируются различия (объекты, слова, идентичности, понятия и т.д.). Так в случае знаменитой проблемы «квадратуры круга» наблюдению и измерению доступны диаметр и окружность, в то время как конституирующее их отношение (их единство), а именно «собственное значение» π , оставалось ненаблюдаемым.

Этот общий методологический подход использует Луман, пытается найти «собственные значения» и в социальном мире. И здесь должны обнаруживаться такого рода «латентные медиумы», являющиеся и результатом рекурсивных процессов (коммуникации, обращающейся к коммуникации), и средством для их конструирования. Такими средствами оказываются коммуникативные коды-различения, обеспечивающие рекурсивность коммуникаций, замкнутый характер социальных систем, то есть подсоединение одних внутрисистемных коммуникаций к другим внутрисистемным коммуникациям:

политических — к политическим, научных — к научным, массмедийных — к массмедийным. Сами эти коммуникативные коды как «средства различения» и наблюдения, связывающие элементы системы в единство, остаются ненаблюдаемыми (по крайней мере, на уровне простого наблюдения). Наблюдать их можно лишь на уровне наблюдения (наблюдения второго порядка).

«Собственные значения», как уже говорилось, являются результатом автологических, самоприменимых процессов. Их функция как раз и состоит в обеспечении автономности этих процессов, их независимости от внешних воздействий, закрытости системы и ее дифференциации и от-дифференциации. Таким образом «власть» (коммуникативный код и «собственное значение» в политической системе) ориентирует политические коммуникации так, чтобы они не зависели от «внешнего мира»¹¹ (индивидуальных желаний, физиологически фундированных влечений, а также от коммуникаций в других социальных системах, от науки, экономики, интимных отношений, религии, искусства, являющихся в обществе «внутренними внешними мирами» и т.д.).

Но в условиях от-дифференциации социальных систем их независимость от «внешнего мира» одновременно требует и своего рода «подчинения», ориентации исключительно на свой собственный внутрисистемный код, являющийся одновременно и следствием бесконечно выстраиваемой сети коммуникаций, и средством (причиной), обеспечивающим такое выстраивание.

Самым простым определением закрытого характера системы было бы совпадение начала и конца ее операций, их причин и их следствий. Система должна возвращаться к заданному состоянию. Например, «деньги» (коммуникативный код и «собственное значение» в экономической системе) являются и причиной, и следствием «платежа» как элементарной экономической операции. Однако здесь мы, по видимости, сталкиваемся с парадоксом, поскольку — обуславливаемая закрытым характером оперирования — автономия системы теряет в своей свободе, если начало ее операций должно как-то «совпадать» с результатами предыдущих операций и наоборот. Ведь в этом и состоит ее закрытый характер. Но как совместить эту автономию системы и замкнутый характер системных операций? Закрытость — как совпадение начала и завершения операций — как раз и требует появления собственных значений, обеспечивающих от-дифференцированность¹².

Итак, системы коммуникаций не зависят от их внешнего мира уже в силу того факта, что их конструкции произвольны. Им ничего не соответствует в реальном мире. Коммуникация приспособливает-

ся не к внешнему миру, а только к развившимся в ее рамках институциям (кодам, ожиданиям — своего рода «генотипу коммуникации»). Это не означает отсутствия каузальных воздействий внешнего мира на коммуникацию (без воздуха, транспортирующего звуки, и без бумаги, переносящей письменные знаки, она, естественно, не состоялась бы). Но она не является приспособлением к внешнему миру, подобно тому, как и индивидуальный организм не может приспосабливаться к среде, не может вырваться из рамок, задаваемых генетической информацией. Следует говорить не о процессе приспособления к нему его от-дифференцировавшихся форм (например, приспособления форм жизни к химическому и физическому миру, коммуникации — к сознанию и к жизни как ее внешним мирам), но об обратном процессе: о диверсификации мира, об усилении его выделяющихся, отклоняющихся форм. Очень приблизительно можно реконструировать этот процесс.

Первой познавательно релевантной биологической дифференциацией у одноклеточных можно считать появление аксона, что привело к отделению «места познания» от «места реакции» и соответственно отделило время познания от времени реакции. Исчезла пространственно-временная «непосредственность реакции», появилось своего рода время для «обдумывания»¹³. Образование аксонов¹⁴ (дегенерировавших мускульных волокон) и синапсов привело к отделению рецепторного слоя (отвечающего за инореференцию системы организма) от всех остальных нейронных сетей, в которых актуализируется самореференция, сетевая трансляция электрохимических импульсов, «описание описания описания...» и т.д.¹⁵. Это привело к отдифференциации сенсорных процессов от моторных. Возникает закрытая рекурсивная сеть. «Восприятие внешнего мира» в этой рекурсивной сети нейронов являет собой весьма специфический процесс и скорее может интерпретироваться как собственная конструкция последних. В чем же состоит тогда эта конструирующая нейрофизиологическая активность?

Повторное вхождение (re-entry) и его нейрофизиологическая интерпретация

Ученик Х. фон Ферстера Умберто Матурана¹⁶ показал, что само визуальное восприятие состоит не в восприятии каких-то качеств, а в восприятии различий, «восприятии невоспринимаемого». Ведь

передаваемый рецептором импульс (через два так называемых экс-цитаторных синапса) гасится двумя тормозящими (ингибиторными) синапсами (следствием активности соседних нейронов).

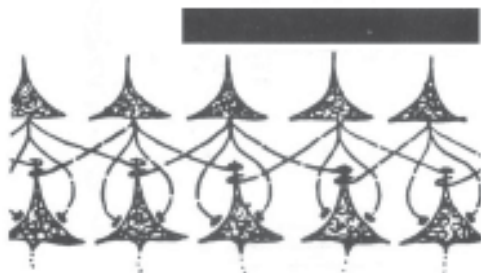

Рис. 5

Лишь в силу того, что ингибиторный синапс под номером 1 не оказывает тормозящего воздействия на соседний рецептор, т.е. ничего не воспринимает, оказывается возможным восприятие границы темного объекта.

Лишь на границе воспринимаемого темного объекта тормозящих (ингибиторных) сигналов становится меньше. Этот процесс можно назвать «повторным входением» (re-entry). В данном случае лишь «другая сторона» воспринимаемого объекта делает возможным его восприятие. Должно как-то проявиться или сказаться именно отсутствие сигнала (пустота, «ничто»), которое является условием возможности восприятия и познания в широком смысле. Именно в этом смысле невоспринимаемое, другая сторона, отброшенное, фоновое, становится необходимым условием восприятия. И в этом смысле оно повторно входит внутрь формы («re-entry»).

Как мы увидим позже, эта «другая сторона формы», горизонт (контекст, фон) всего того, что встало в центр актуального внимания, делает возможным существование мира¹⁷ — потенциального ресурса для отбора актуального, что в свою очередь только и делает возможным селективные и самореференциальные процессы. Пример ингибиторных синапсов еще раз показывает, что не внешний мир, а именно его игнорирование («потенциализация») обеспечивает возможность восприятия и его рекурсивной трансляции по нейронным сетям.

Таким образом, реальность, которую конструирует организм, является разграниченной (между двумя сторонами формы, актуальным и потенциальным, воспринимаемым и невоспринимаемым),

осуществляющейся так, чтобы различие повторно вводилось в отличное (в систему, выделяющую себя из внешнего мира). Различие, дифференция есть единство различного. Данный аксон (под номером 1 на рис. 5) как раз и служит наглядным представлением такого рода единства различного, ведь он репрезентирует другую, внешнюю сторону, некую «пустоту», отсутствие сигнала, но эта пустота «используется» на внутренней стороне формы. Это «единство различий» внешнего и внутреннего вновь операционализируется внутри формы.

Осуществляемое рецепторами «описание» двухмерной проекции в ходе рекурсивного процесса «движения» по нейронным сетям (уже на следующем шаге от рецепторов к биполярным клеткам, потом в постретинальных сетях к ганглиям) сменяется «описанием описания описания» первоначально воспринятого гештальта (точнее говоря, различия, контура, формы). Инореференция сменяется самореференцией. Тем самым словно бы исчезает прототип восприятия, собственно внешний мир. В наблюдении наблюдения исчезает предмет, послуживший первоначальным импульсом процесса.

Понятие «слепого пятна»

Физиологическое объяснение «слепого пятна»¹⁸ (рис. 6) состоит в том, что изображение невидимой фигуры попадает на нечувствительный к свету участок сетчатки, откуда выходит зрительный нерв.

Поражает, однако, то, что мы не видим никакого черного пятна или размытости. В этом случае мы бы видели, что мы что-то не видим. Мы, однако же, не видим того, что мы не видим, но именно благодаря этой «огромной дыре в зрительном поле» (т.е. наличию зрительного нерва)¹⁹ и осуществляется процесс зрительного восприятия.

«Слепое пятно» (в абстрактном, метафорическом смысле) и есть то самое различие, которое делает воз-

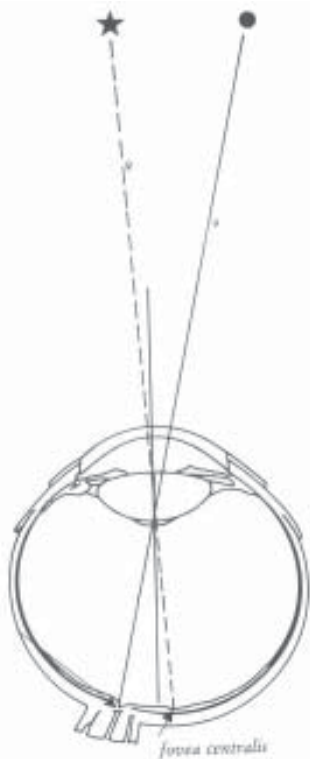

Рис. 6

возможным восприятие (познание) различного, но само — как познавательное средство — остается незримым. Так и процесс наблюдения в ходе его осуществления сам остается ненаблюдаемым: «слепым пятном» наблюдения. Эти биологические и нейрофизиологически-фундированные исследования фон Ферстера, У.Матурана и Ф.Варела послужили отправными точками системного анализа общества у Н.Лумана.

Аутопойезис. Производство и конденсация «собственных значений»

Достижением кибернетики стало открытие «циркулярности», или «рекурсивности», свойственных биологическим организмам, машинам, математическим операциям, сознанию и коммуникации. Под этими понятиями понимаются определенные функции, которые поддерживают и возвращают систему в прежнее состояние, несмотря на внесенное в нее возмущение. Такой подход (отождествление цели и причины, прошлого и будущего ориентиров поведения) позволял приписывать машинам цели («биомимезис» — имитация жизни), а целеориентированное человеческое поведение можно было объяснить причинно. Таким образом, в циркулярных, или рекурсивных, процессах снимается различие между целью и причиной (*causa efficiens* и *causa finalis*). Ведь каждая операция использует в качестве цели результаты ее прошлого процесса, лежащие в прошлом, а значит, обуславливающие не только финально, но и причинно.

Кибернетики сосредоточились на поиске этих «фиксированных точек» в поведении животных, функционировании механизмов с «собственным поведением», «собственных значениях», «аттракторах» — состояниях, к которым система «стремится» и «умеет» возвращаться. В социальном мире этому соответствуют любые универсалии, идентичности, когнитивные инварианты, обозначения — все то, что в староевропейской традиции называлось предметами, вещами и что в ее лумановской «редескрипции» следует интерпретировать как «знаки стабильного типа поведения», или «знаки собственного поведения», или, наконец, «собственные значения», о которых мы ведем речь. Процесс, который приводит к формированию «собственных значений», требует особой логической операции, которую Спенсер Браун назвал «конfirmацией» (подтверждением), а Никлас Луман — «конденсацией».

Все эти рассмотренные выше биологические и математические понятия в синтетической форме Луман применяет в своей концепции смысловых систем, в которых угадывается понятие феномено-

логической редукции. Смысл — понятие, аналогичное рассмотренным выше «собственным значениям». Смысл «конденсируется» наподобие того, как в ходе бесконечного числа рекурсий выстраивались «собственные значения» — средства связи элементов системы:

«Мы повторяем одни и те же наблюдения, обнаруживая тем самым, подтверждаются они или не подтверждаются. Это ведет к «конденсации» смысловых единиц... Мы наблюдаем в разное время одно и то же, в различных ситуациях, с различных углов зрения. Это приводит к дальнейшему обогащению конденсированного смысла и наконец — к абстрагированию значения того, что в различных наблюдениях является как одно и то же. ...Здесь не может быть достигнуто никакой уверенности в согласованности с внешним миром системы. Мы можем быть уверены лишь в том, что можно будет воспроизвести эти состояния»²⁰.

Конденсация не является классическим логическим процессом. Отрицание отрицания, вслед за Спенсером-Брауном утверждает Луман, является усилением отрицания (конденсацией отрицания), оно не приводит к позитивному результату. Это двойное отрицание, собственно, и является дефиницией «слепого пятна». Мы не видим того, что мы не видим. Другими словами: то обстоятельство (какое-то специфическое различие), что мы что-то не наблюдаем, и само остается вне нашего наблюдения.

Исходя из понятия «собственных значений», можно сформулировать и понятия аутопойезиса. Аутопойезис — это «такая организация, которая является своим «собственным состоянием», то есть таким производительным взаимодействием компонентов системы, результатом которого становятся именно эти компоненты. Набор явлений аутопойезиса чрезвычайно широк: кирпичный завод выпускает кирпичи, из которых он сам и строится; организм (органы и клетки), произведенный в результате взаимодействия органов и клеток; язык как особая система, позволяющая говорить о языке, то есть о самой себе, и — через язык — решать вопрос о том, что надо говорить, какие слова произносить. Функцией такого удвоения или раздвоения (дифференциации) всегда является воспроизводство целостности, порождающей ее элементы.

К такого рода явлениям относится и социология (часть общества), выстраивающая свои теории общества, при том что сами эти теории являются коммуникативными актами, а следовательно, представляют собой такое же общество. И теория познания, анализирующая науку, сама является таковой и участвует в построении науки.

Аутопойезис коммуникации

Рассмотренная самоприменимость социологической теории — лишь следствие того, что общество состоит из коммуникаций и помимо них в нем ничего нет. Коммуникация требует других коммуникаций, реагирует на прошлые коммуникации, избегает одних и подсоединяется к другим. Соответственно задачей социологии является поиск законов связи коммуникаций, их неслучайных способов выстраивания, дифференциаций на типы (научные, политические, экономические и др.), фиксация ориентиров или кодов (коммуникативные медиумы: истина, власть и т.д.) для таких выстраиваний. Но эти задачи поисков «латентных кодов» коммуникации можно решить лишь на уровне наблюдения второго порядка, посредством самонаблюдения. Поскольку социология сама является всего лишь особым от-дифференцировавшимся типом коммуникации, это еще раз показывает, что констатация всякого порядка есть произвольная (конструктивная) внутренняя функция самой системы. Порядок в обществе (системе коммуникаций) обнаруживается (наблюдается, производится, конструируется) одной из подсистем коммуникаций, в данном случае социологией.

Как уже отмечалось, такого рода самореференциальный характер свойственен не только системам коммуникаций, но присущ и биологическим системам (организмам), системам переживаний (сознанию), нейронным сетям и т.д. Это широкое понимание самореференциальности дает возможность примерно реконструировать генезис специфически-социальных коммуникативных связей (кодов-различений).

Языковое кодирование и его биологические основания

Эволюция эволюции и возникновение языкового кодирования

В третьем разделе «Общества общества» Луман рассматривает эволюцию эволюционных механизмов. Речь идет, прежде всего, об эволюции коммуникативных кодов. Этот подход развивает и Г.Бейтсон²¹, концепция которого (правда, применительно к биологической эволюции) в какой-то мере проясняет идеи Лумана.

Механизм наследования успешных мутационно-генетических трансформаций в его противоположность эволюции посредством «прижизненных» соматических изменений сам оказался успешным эволюционным достижением. Другими словами, эволюционно-успешной оказалась (мутационная) эволюция популяции, а не наследование соматических изменений в индивидуальном организме. Гипотетические эволюционные преимущества «не реализовавшейся» (но логически-возможной) соматической эволюции были бы сомнительны, хотя и нет никакой логической необходимости в том, чтобы не наследовался прижизненно трансформируемый фенотип. Все дело в том, что сами эти эволюционные механизмы не отвечали эволюционному критерию. Напротив, не-эволюционный характер фенотипических трансформаций, ненаследуемость соматических изменений, их ситуативность и обратимость оказались эволюционно-успешными приобретениями²².

Бейтсон рассматривает соматическое приспособление к текущим конкретным условиям как протонаучение. Генетическое же кодирование являет собой дейторо-научение, то есть приспособление не к конкретным условиям (которым соответствуют индивидуальные соматические реакции), а к классу условий (элементы класса: жизнь на высоте 100 м, жизнь на высоте 4000 метров и т.д.), которые задают рамки вариативности.

Но оказавшийся эволюционно-успешным механизм «дейторо-научения», то есть приспособление не к конкретному условию, а к их классу (к возможности жить и на равнине, и высоко в горах, и т.д.), в свою очередь, мутировал и в его рамках среди прочих гипотетических возможностей возникла возможность помимо генетического кодирования класса реакций использовать механизм языкового кодирования. В результате эволюции эволюции (или эволюции механизмов эволюции) языковое кодирование оказалось эволюционно-успешным приобретением. Этот эволюционный механизм обеспечил возможность эволюции «собственных значений» нового типа, так называемых языковых кодов (слов, понятий, универсалий), которые выступают средствами трансляции коммуникаций, то есть тем, на что ориентируются коммуникации в процессе образования их неслучайных последовательностей.

Биологический генезис языкового кодирования коммуникации

Этот переход от генетического кодирования реакций к языковому кодированию привел к тому, что биологические организмы научились в своем поведении изменять не только конкретные реакции, но

менять (отрицать) целые классы своих реакций, что окончательно освободило его от генетически-заданной однозначно-реактивной определенности.

И языковое кодирование, и кодирование генетическое имеют между собой то общее, что всякому событию они приписывают одно из двух возможных референциальных значений, отрицательное и положительное. Заложенная в языке возможность сказать *да* или *нет* по отношению ко всему происходящему и произносящемуся своими корнями уходит в биологически и генетически определяемое движение в направлении *к* и *прочь* от объекта²³.

В этом смысле оба способа кодирования одновременно являлись способами конструирования, познания мира, поскольку своими «да»-реакциями и «нет»-реакциями (или, как скажет Луман «да»-редакциями и «нет»-редакциями мировых реалий) удваивали его, создавали свою собственную внутрисистемную картину реальности. Кодирование — выступает средством замыкания системы в себе самой, ее от-дифференциации от внешнего мира, ибо система способна выбирать между подтверждающим и отрицающим, между «да-интерпретациями» и «нет-интерпретациями» мира. Вся последующая эволюция будет происходить под знаком особенных манифестаций этих общих языковых особенностей. Например, такое «собственное значение», или языковой код, как «истина» (или коммуникативная ориентация на поиск истины) станет эволюционно-невероятным способом сказать «да» (или «нет») тому или иному коммуникативному предложению или научной концепции в рамках внутринаучных коммуникаций.

Итак, и генетические, и соматические типы приспособления (или кодирования своих реакций) можно рассматривать как формы первичного познания (или познавательных реакций) внешнего мира. Первое — кодирует класс возможных воздействий, второе — кодирует реакции на конкретные воздействия. Первое является потенциальным ответом на возможные реалии внешнего мира, второе — ответом актуальным. Соматическая реакция представляет собой активность выживания, что представляет собой актуальный познавательный ответ, актуальное приспособление к среде.

Различение актуальное/потенциальное в биологическом мире проявляется как различение соматическое/генетическое. Но эта же дифференция актуальное/потенциальное (прошлое/будущее, константное/вариативное) конституирует и специфику социального, лежит в основе всех смысловых схем и различений, представляет собой то, что Спенсер-Браун и фон Ферстер называли «исчислением форм».

Речь идет о различении формы и ее «другой стороны», «неразмеченного пространства» — фундаментальные понятия, входящие в методологический аппарат Лумана. Остановимся на них подробнее.

Познание (наблюдение) в собственном смысле — приспособление к будущему, потенциальному, к неактуальному в данный момент — является функциональным эквивалентом генетического кодирования. Но данное кодирование осуществляется по-иному. Социальное кодирование коммуникации обеспечивает «подсоединение» одной коммуникации к другой, их осетвление и, в самой общей форме, также состоит в различении актуального и потенциального, то есть того, на что направлено актуальное наблюдение системы коммуникации и мира-горизонта, который как фон, как задний план только и обеспечивает возможность восприятия. Одна сторона кода (скажем, истина) символизирует «селегированные»²⁴ в ходе коммуникации истинные коммуникации, другая сторона кода истины (ложь, заблуждение, неистинное) символизирует отвергнутые, то есть нерелевантные, не актуальные — в данной научной системе коммуникаций — коммуникативные выражения. Но эти коммуникации как раз и представляют «другую сторону» формы, горизонт истины, мир, вне контекста которого и сама истина не имела бы смысла. Анализ не-истинного (или проверка истинного) необходим для понимания истины и выполняет рефлексивную функцию. В ходе такого обращения к тому, что являлось контекстом, другой стороной формы, система и осуществляет «кроссинг», пересечение своей собственной границы, о чем мы говорили выше.

Классическая эволюционная теория утверждала, что старое, то есть те свойства организма, которые уже выдержали проверку, вероятнее всего являются более жизнеспособным, чем новое, чем то, что еще не проверено в ходе взаимодействия фенотипа и среды. Но это, очевидно, неверно, поскольку не-реализовавшийся мир возможных генетических форм, несомненно, богаче и, очевидно, мог бы обеспечить более эффективную координацию организма и среды. Эволюционный успех общества (=коммуникаций), в его отличии от биологических организмов, зиждется на том, что, с одной стороны, оно пытается более активно реализовывать все возможные пути, а с другой — ориентируется не на удостоверенное, а на новое. Оно пытается как-то операционализировать и «виртуальный» мир еще-нереализовавшихся возможностей.

В современном обществе, в процессе его коммуникативной селекции социальных событий, получила развитие другая версия отбора, которую Бейтсон назвал «патологией необузданного общественного развития». Новое, а не старое, удостоверенное и закрепленное

отбором, уже в силу одного факта своей новизны признается более жизнеспособным (правда, на чрезвычайно короткое время) или желательным. Это разнообразие усиливается дифференциацией социальных систем и роста т.н. комплексности возможного, что требует ее редукции посредством образования новых коммуникативных кодов, приводящих к новой дифференциации и новому росту комплексности.

Поэтому классическая социологическая проблема социального порядка, проблема согласования расходящихся, разнообразных, контингентных перспектив и ожиданий, возникающих в ходе коммуникации в таком комплексном и функционально-дифференцированном обществе как наше, является ключевой. Эту проблему Луман вслед за Парсонсом характеризует как двойную контингенцию (*Doppelte Kontingenzt*).

Двойная контингенция в обществе и ее биологический прототип

Двойная контингенция — одно из важнейших понятий в теории Лумана. Обычно, вслед за Парсонсом, с помощью этого термина характеризовалась коммуникация «взаимодействующих лиц» (*interactors*) со случайным набором контингентных ожиданий и диспозиций к действию. Проблема двойной контингенции не решается Луманом введением гипотетического набора общих норм и ценностей. Двойная контингенция требует ориентации коммуникаций на общий для них коммуникативный код, который и позволяет «редуцировать комплексность контингентно-возможного», т.е., руководствуясь тем или иным смысловым различием (власть/безвластие, истина/ложь и т.д.), выбрать именно то действие или коммуникацию, которые в данном контексте (т.е. применительно к прошлым коммуникациям) имели бы смысл, т.е. были бы элементами системы. Этот код, с одной стороны, обеспечивает замкнутость и от-дифференциацию социальной системы, поскольку благодаря ему в систему «падают» («подсоединяются к прошлым коммуникациям») исключительно те из них, которые, с одной стороны, этой системе «принадлежат», с другой — являются средством наблюдения: ограничения, различения, отличия «своего» от «чужого», что, впрочем, требует как-то «реферировать» и другую сторону формы, осуществлять «повторный ввод» отличенного в саму систему, выделяющую себя из внешнего мира.

Уже в биологической эволюционной теории двойная контингенция играет фундаментальную роль. В ходе биологической эволюции сталкиваются два массива случайностей: генные мутации и реком-

бинации в половом воспроизводстве, с одной стороны, и случайные отношения фенотипа и окружающей среды — с другой. Из хаоса этой двойной контингенции и возникает так называемый эмерджентный порядок. Случайные изменения или условия, которые накладывает среда (или отношение фенотип/среда), служат в качестве источника информации: ограничителями неопределенности. Они редуцируют комплексность нежизнеспособных вариаций на генном уровне. Случайные мутации, с другой стороны, тоже служат ограничениями, задают пределы соматических реакций (мышечная сила не может расти беспрдельно — как реакция на потребности выживания в среде).

Как уже было отмечено, генные мутации (кодирование) обеспечивают «приспособление» к классу или некоторому множеству контингентно-возможных событий (возможных координаций фенотип/среда). Данному процессу, но на социальном уровне, соответствует коммуникативное приспособление ко множеству событий. Это обеспечивается социальным кодированием, в котором языковой код служит референцией для класса событий (коммуникаций, предметов, слов, явлений и т.д.). Рассмотрим это наглядно на примере, приводимом Г.Бейтсоном.

В Институте океана на Гавайях дрессировщики, наблюдая за играми дельфинов, после совершения дельфином нового эффектного движения подают сигнал свистком. Дельфин, повторяя данное движение, получает пищу. После трех повторов оно считается разученным и может по свистку воспроизводиться на следующем представлении. Таким образом, дельфин выучивает некоторые простые правила, которые конденсируют его действия, свист, демонстрационный бассейн и дрессуру в некоторый паттерн. Однако этот паттерн относится лишь к одному-единственному эпизоду. Дрессировщики же хотели показать не выученные навыки, а сам процесс дрессировки, и поэтому дельфин был вынужден постоянно отказываться от этого простого паттерна, чтобы оперировать с некоторым классом подобных эпизодов. На следующем представлении дельфин «по привычке» совершает знакомый, разученный на прошлом выступлении трюк, однако не получает свистка дрессировщика. На это он реагирует «ударом хвоста» — типичным выражением эмоции недовольства. И именно после этого действия следует свист, при помощи которого закрепляется данный вид эффектного поведения. На следующем представлении это воспроизводимое дельфином новое выученное действие (удар хвоста) вновь не получает поощрения. В конечном счете дельфин научился иметь дело не с паттернами конкретного поведения, а

с паттернами паттернов, классом возможных событий, и всякий раз, когда он попадал в демонстрационный бассейн, он изображал какой-то новый эффектный трюк²⁵.

На этом примере отчетливо виден переход (кроссинг) к новому типу ориентации, где играет роль не ориентация на установившиеся образцы, а ориентация на сам этот переход от одного образца к другому. Свист символизирует теперь уже не конкретное действие, а переход от одного его типа к другому, символизирует и маркирует то, что Луман, вслед за Спенсером Брауном, называет процессом пересечения границы формы от внутренней стороны к другой стороне формы.

При этом рефлексивируется (маркируется, получает имя) уже не та или иная сторона формы, а сама форма (различение), т.е. то, что делает возможным то или другое конкретное действие. Другими словами, в первом случае свист выступает в роли дифференции, символа, маркирующего конкретное действие, имеющее смысл в данном контексте, то есть внутреннюю сторону формы, и оставляющего в модуле потенциальности, горизонта все остальные возможные действия. Во втором случае свист маркирует само различение между старым и новым, между типами старых, разученных, актуальных и новых, неопробованных, потенциальных действий. Дельфин ведь уже не просто различает между актуальным (выученным) трюком и потенциальным (остальными возможными «не поощряемыми» трюками), но актуальным становится само различение между актуальным и неактуальным.

Итак, уже на биологической стадии мы в той или иной форме сталкиваемся с характерным для социального процесса наблюдения процессом «re-entry» (повторным входом) — процессом, который делает возможным возникновение порядка из встречи контингентного.

Социальный порядок и девиантность

Такой новый тип «ориентации на новое само по себе» означал преодоление биологически определенной однозначности реакций и возникновение социальной контингенции, т.е. принципиально необозримых возможностей социального действия. Языковое кодирование было призвано «обуздать» возможный хаос, привносимый «двойной контингенцией», и обеспечить новый тип порядка. Для этого в системах коммуникации возникают собственные средства. С одной стороны, язык — с его возможностью двузначного («да»/«нет») кодирования — создавал возможность отклоняющегося поведения, зарождения и от-дифференциации новых типов коммуникаций. Однако,

как известно из многочисленных антропологических исследований, в примитивных обществах огромную роль играет именно позитивный полюс данного различия, мощнейшее интеграционное давление, возникающее в ходе интеракций²⁶. Именно это интеракционное давление и обеспечивало социальный порядок. Как же могла преодолевать подобная социальная «стагнация» типов коммуникаций, а девиантность — получить легитимацию?

Двойная контингенция в биологии ограничивается половыми отношениями. ДНК соответствующих гамет обеих особей в ходе слияния хромосом словно «сравниваются» друг с другом, и там, где различия между ними чересчур велики, оплодотворения не происходит. Таким образом, девиантное (крайне отклоняющееся, экстремальное) в свою очередь оказывается отклоненным. Поэтому должны существовать механизмы, благодаря которым «необузданные» мутации могли бы преодолевать барьеры половых отношений, могли бы возникать новые генотипы и отклоняющиеся формы могли бы закрепляться. В биологии таким механизмом может выступать близкородственное скрещивание, поскольку в этом случае крайности не отбраковываются — ведь у обеих особей они идентичны. В конечном счете кроме «уродливых», эволюционно-обреченных форм выкристаллизовываются и новые, эволюционно-успешные формы. На биологической стадии именно это обеспечивает «вероятность» появления «невероятного».

Общество сталкивается с подобным же вопросом. Ведь проблема контингенции на уровне простых социальных систем (интеракций — личных встреч) принуждает к согласию, силой мощного интегративного давления делает невозможным появление отклоняющихся форм, элиминирует возможности девиантного поведения, а следовательно, и дифференциацию социальных систем. Но что же тогда обеспечивает появление и закрепление «невероятных коммуникаций»? Как может осуществляться от-дифференциация систем специфических действий или коммуникаций, ориентированных на свои собственные специфические коды? Как может отклоняться отклонение отклоняющихся «ожиданий»? Очевидно, что на социальном уровне должны существовать какие-то функциональные эквиваленты «близко-родственного скрещивания», которые бы лежали в основе появления и стабилизации новых типов социальных систем. Таким функциональным эквивалентом в этом смысле является случайная и сама по себе невероятная встреча («подсоединение») родственных коммуникаций с ожиданиями, ориентированными на общий коммуникативный код. Условием эволюции (системной дифферен-

циации) в данном случае — от-дифференциации системы науки стал механизм, сделавший возможной саму по себе невероятную (ввиду временного фактора) коммуникацию между Лютером и Августином, Коперником и Николаем Кузанским, т.е. обеспечивший «вероятность невероятного».

Таким механизмом, по мнению Лумана, явилось возникновение письменности, обеспечивающее растянутое во времени сравнение (общих в своей девиантности) отклоняющихся «социальных генов» (ожиданий, предпочтений). Механизм редундантности (т.е. избытка возможностей интерпретации) усиливал позиции нового типа коммуникации, обеспечивал Лютеру возможность сослаться на Августина, придавал новому легитимацию старого. Письменность обеспечивала появление и стабилизацию (на значительные промежутки времени) отклоняющихся коммуникаций, защищенных от давления «современности», от условий интеракции, личной встречи коммуницирующих лиц, сводящих вариативность лишь к одной-единственной «да-редакции» обсуждаемого содержания.

Письменность сделала возможным re-entry, «повторный вход» того, что, несомненно, было бы отклонено на данной («современной» для отклоненной коммуникации) стадии развития общества, сделало возможным кроссинг, пересечение границы формы и ориентацию на новые коммуникативные коды, возникновение и дальнейшую от-дифференциацию социальных систем.

Проблематика медиума письменности, возникающей вместе с ней системы науки, массмедий и соответствующих самоописаний, будет более подробно рассмотрена в главе, посвященной эволюции социальных систем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Теория социальных систем имеет дело с ключевой социологической проблемой: парадоксом (пусть и относительного) социального согласия в условиях тотальной расчлененности всей человеческой деятельности. Можно сколько угодно спорить о степени социальной интеграции, указывать на войны и конфликты, но факт остается фактом — в обществе продолжается диалог.

При этом (и это первая и основная предпосылка предлагаемого Н.Луманом подхода) сам этот диалог (письменная и устная коммуникация) идентичен обществу. Общество, полагает Луман, есть общение, а там где его нет — нет и общества. Но если общение конституирует общество, что конституирует само общение? Или другими словами, почему при наличии столь устрашающего непонимания, вызванного многообразием современных языков или дискурсов (науки, политики, искусства, экономики, любви и т.д.), все еще не развилось новое вавилонское столпотворение?

И конечно, ответ Лумана оказывается столь же парадоксальным. Условием временной и пространственной континуальности общества, утверждает мыслитель, как раз и является его дифференцированность, или по-другому: условием общения выступает разобщенность. Впрочем, как всякий парадокс, данный тезис допускает метафорическую тривиализацию: чем больше в корабле отсеков, тем труднее его затопить, чем меньше общения, тем меньше конфликтов. Причем сами конфликты институционализируются и задействуются как важнейшие условия системной динамики уже в обособившихся частях общества. Ученые спорят с учеными, а политики спорят с политиками, но вот поспорить друг с другом у них как-то не

получается. И именно такого рода коммуникативные барьеры все еще (но как долго?) удерживают на плаву «мультисекционный» общественный корабль.

Итак, что же такое дифференциация? Не углубляясь, перечислим ее основные составляющие на этапе ее современной *функциональной* стадии. Речь идет о приватизации религии; возникновении бюрократически управляемых территориально-национальных государств; появлении собственности, отделенной от власти, и легитимации стремления к овладения ею; об оправдании любопытства как мотивации поиска знаний; о высвобождении искусства из-под давления государственно-религиозных функций; о правовом ограничении политической власти и правовой регуляции изменения права (правовой регуляции); о страсти как самооправдании и основании брака и любви; о редукции обширных в прошлом родственных единиц к семье, состоящей из одного-двух поколений; об обязательном и всеобщем образовании. Форма функциональной дифференциации сменяет центрально-периферийную дифференциацию, базирующуюся на эндогамии аристократии, которая, в свою очередь, наследует сегментарно-семейные формы социальной дифференциации. Но мы не будем далее заниматься пересказом, а сосредоточимся на теоретико-познавательных основаниях данного подхода, которые представляют собой своеобразную «эпистемологию социальной дифференциации». В основе ее лежат понятия различия, или различения.

На первый взгляд, представляется, что лумановская концепция дифференциации следует в русле дюркгеймовского подхода о разделении общественного труда как основании нового вида (уже не сегментарной или механической, а органической) солидарности, допускающей аномию и девиацию (и соответственно конфликты) как эндемические общественные реалии. Конфликты — это ведь тоже формы коммуникации. Но все-таки радикальность, если не сказать экстремизм, Лумана намного превосходит индивидуалистский подход Дюркгейма. Само понятие *солидарных* индивидов теряет у Лумана всякое теоретическое значение. Пусть либерально настроенный Дюркгейм как раз стремился защитить индивидуализм — как не только допускающий, но с необходимостью предполагающий солидарность, узы которой оказывались даже прочнее коллективных связей сегментарной солидарности, требовавшей насилия, что компенсировало ее слабость. У Лумана уже сами индивиды вытесняются во внешний мир общества, а единственное, что остается — это мир коммуникации, мир текстов, мир обособившихся дискурсов (=системно-специфических языков). На этом мы остановимся ниже, а пока

рассмотрим методологическое основание учения о дифференциации, которое, несомненно, мало интересовало Дюркгейма, а именно — представление о границе или о различении как таковом, развитое в логико-математической теории Джорджа Спенсера-Брауна.

Конструктивистская логика различений

Луман довольно поздно обращается к логике различений Спенсера-Брауна, которой в конечном счете было суждено стать краеугольным камнем теории дифференциации социальных систем и конструктивистской теории познания. Лишь в 1988 г. он публикует работу «Жены, мужья и Джордж Спенсер-Браун», где использует эту логику для формального описания социальной дифференциации и границ между отдифференцировавшимися системами. Единственной операцией в этой логике является различение, разделяющее изначально немаркированное пространство на внутреннее «пространство» и его внешний мир. Возникает неравновесие, несимметричность. (Представьте себе проведение окружности)²⁷. Лишь *различение* делает возможным *обозначение* той или иной реалии, дает возможность к этому обозначению обратиться как к какой-то самостоятельной теме обсуждения. То, что отграничено, пребывает «внутри» (т.е. все, что реально произнесено, помыслено, попало в центр внимания, стало объектом желания), становится основанием дальнейших интенций, коммуникаций и переживаний (т.е. подсоединяющихся отграничений). Все же остальное, не попавшее в *круг* обсуждения, — и есть мир, горизонт, набор возможных, но не состоявшихся в будущем коммуникативных актов и ментальных состояний. И все же здесь важна не внутренняя сторона (внутреннее пространство окружности) и не неопределенное неразмеченное пространство внешнего мира. Основную роль играет *само различение*, потому что именно оно является единственной и последней «онтологической» реальностью, если вообще имеет смысл говорить о какой бы то ни было онтологии.

Попробуем проинтерпретировать этот «онтологический поворот». Спенсер-Браун отказывается от представлений, будто существует некоторый мир, реальность, проводя различения в которых мы в конечном счете формируем более или менее «адекватные», хотя и «фиктивные», или «фикциональные», понятия, математические объекты (типа точек или прямых). Отныне единственной все-содержащей реальностью становится различение, вбирающее в себя все сущее, а именно: во-первых, обозначение того, что «внутри», и, во-вто-

рых, необозначенный остальной мир, от которого это обозначенное отличено. И, в-третьих, различие включает в себя и само различие как единство того, что находится внутри и вне окружности.

Если раньше как само собой разумеющееся полагалось, что различения и границы проводятся внутри фрагментов или частей мира, то отныне весь мир оказывается «внутри» различения, что понимается как повторное вхождение (re-entry) отличенного в само это различие.

Эта необычная «онтология» служит Луману в качестве формального описания дифференциации, но одновременно она помогала как-то разрешить античный парадокс границы. Всякая граница или различие представляются в каком-то смысле неопределенными. Как узнать где заканчивается равнина и начинается гора? Приходится вводить вспомогательное понятие «подножья» горы (неопределенную срединную область), но если попытаться определить это отграничивающее подножье, то его в свою очередь приходится отграничивать от горы и равнины, что требует введения новой неопределенной области, новой границы, а затем — все новых и новых разграничений. Так возникает ведущий в дурную бесконечность вопрос о границе между границей и тем, что от нее отграничено. Спенсер-Браун, а за ним и Луман не отказываются, а, напротив, основываются на этом парадоксе.

Сам этот процесс порождения одним различием другого различия, или *различения различений*, можно представить как процесс порождения реальности, объектов, отличных от того, чем они не являются. Граница, или различие, оказываются таким образом «слепым пятном»: определить или локализовать его не удастся, однако оно служит своего рода *средством конструирования объектов*. Зададимся наивным вопросом: какой стране принадлежит граница между США и Канадой? Здравый смысл подсказывает, что ни один из возможных четырех ответов не представляется удовлетворительным. Ведь граница не принадлежит ни США, ни Канаде, ни им обоим (тогда бы это была внутренняя граница), ни никому из них (тогда бы они не были бы разграничены). Соответственно единственным возможным решением было бы признать границы и различия единственной реальностью, а различенные стороны полагать артефактами различия, входящими словно «внутрь» самой границы.

Применительно к обществу такими границами (=формами) как раз и выступают самоотграничивающиеся от остального общества системы специфических коммуникаций, некоторые из которых (и в первую очередь, система науки) способны не просто существовать как обособленные последовательности операций, но в ходе своих коммуникаций задаваться вопросом о собственной отграниченности.

Тематизация наукой (а особенно социологией и ее подсистемой — эпистемологией) своей демаркации, границы научного и ненаучного, как раз и оказывается *формой формы*, о которой пишут Спенсер-Браун и Луман. Ведь наука, рассматривая внешний мир, обнаруживает в том же самом мире и себя самое. В этом, собственно, и состоит рефлексия социальной системы, ее способность сконцентрироваться не только на своем предмете (в случае социологии — это прочие социальные системы: экономика, политика и т.д.), но и выявить формы, отграничить границы, которыми оказываются специфические языки или способы кодирования разного рода коммуникаций. И именно в этом состоит ге-*entry*: введение внешнего мира в круг собственно дискурса как типичной только для этой системы коммуникации речевой практики. Система не является внешним миром, но «втягивает» его внутрь себя. Это Луман называет инореференцией.

Однако система может и сфокусироваться на своей отличности от внешнего мира, понять, что она и *есть собственно различие между ней и всем остальным*, между обществом (коммуникацией) и тем, что в обществе (коммуникации) обсуждается, между сознанием и тем, что в сознании перерабатывается (для систем сознания). Иными словами, система может концентрироваться не на теме коммуникации, а на характере протекания коммуникации, на том, какие средства дискурса она задействует (например, различие истина/ложь в языке науки, прекрасное/безобразное в эстетическом дискурсе). Такое понимание себя как границы или разграничения между чужим и собой обозначается понятием самореференции.

Таким образом, *рефлексируя* себя в качестве такого различия между внутренним (тем, что как тема коммуникации делает возможным продолжение коммуникации) и внешним (горизонтом, коммуникативно не реализовавшимся потенциалом, миром), некоторая система неожиданно фиксирует в своем внешнем мире и другие сходные системы, воплощающие, однако, другие — отличные от ее собственного — различия. Так возникает *наблюдение второго порядка*, т.е. наблюдение над иными наблюдателями, различия между иными различиями. С помощью своего языкового кода *истина/ложь* (обеспечивающего подсоединение одной истинностной коммуникации к другой, а следовательно — и возникновение замкнутой системы науки) социология наблюдает за тем, как самовоспроизводятся (аутопойезис!) другие социальные системы, задействующие для этого свои собственные коды-различия: *власть* (политическая система как последовательность властных решений и их выполнений), *деньги* (экономическая система как последовательность транзакций) и т.п.

Социальная интеграция как структурное сопряжение

Следует иметь в виду, что Луман понимает социальную интеграцию *безотносительно к солидарному поведению индивидов*. Интеграция — это ограничение степеней свободы (возможности выбора в горизонте) частной системы и охватывающей системе общества. Речь идет о взаимной координации систем и их подстройке друг к другу. Например, Луман пишет, что внесение проекта бюджета в парламент может быть событием в политической системе, в правовой системе, в системе масс-медиа и в экономической системе; благодаря этому имеет место постоянная интеграция в смысле взаимного ограничения степеней свободы в системах. Дифференцированные системы сопряжены друг с другом. Но что такое — структурное сопряжение отдифференцировавшихся систем? Речь, как видно, идет о том, что любое значимое событие становится элементом *одновременно* очень многих систем, в особенности, если эти системы оперируют общими медиа. Так, например, сознание как система переживаний (мыслей, восприятий) вынуждено задействовать язык и вне языка мыслить неспособно. Но поскольку язык является одновременно и медиумом коммуникации, то каждое произнесенное выражение тут же порождает свой — вербально определенный — коррелят в сознании участников коммуникации. То, что оставляет обе эти системы радикально недоступными друг для друга, — это *разные истории* и разная динамика внутрисистемных событий. Мысль следует за мыслью, а произнесенное слово следует за произнесенным словом, причем слово не успевает за мыслью, а мысль не успевает за словом. С неменьшим основанием это относится и к структурным сопряжениям самих систем коммуникаций.

* * *

Выше мы говорили о том, что каждая обособившаяся система — это, прежде всего, обособившийся способ кодирования вербальной коммуникации. Поэтому эволюция общества и эволюция языка, в сущности, оказываются равнозначными понятиями. Поэтому единственная возможность описать социальную дифференциацию — это описать дифференциацию текстов и наиболее общих способов их составления, причем каждая обособившаяся подсистема общества представляет собой обособившийся дискурс или речевую практику со своими собственными способами их порождения (кодами).

Итак, производство или составление текстов можно понимать как ориентацию на социально значимые коды или языковые медиумы общения: истину, прекрасное, деньги, власть, любовь, веру, право, здоровье и т.д. Это и есть факторы генезиса текстов, причем являющиеся самодостаточными, самовалидными «собственными значениями», несовместимыми ни с какой телеологией.

Отношение между языком и текстом — это отношение между аморфным медиумом и его упорядоченным выражением или конфигурацией. При этом способы упорядочивания языка и факторы генезиса текстов, или, иначе говоря, ориентиры общения, и выступают индикаторами социальной дифференциации.

Именно поэтому не может идти даже речи ни о каком языковом холизме, ни о какой «целостности» или «единстве» языка, так как его невозможно представить, не обращаясь одновременно к тому или иному способу его упорядочивания, коду (пусть это даже алфавитный порядок слов, с которым мы встречаемся в словаре). Сам по себе (т.е. не облеченный в ту или иную форму) язык всегда остается недоступным. Особое значение имеют, конечно же, гораздо более «притязательные» (скажем, в сравнении со словарным порядком) разобщающие и именно благодаря этому интегрирующие медиа-факторы. Тот, кто в общении ориентирован на истину (упорядочивающее средство для научного общения и научных текстов), неспособен понять того, кто ориентирован на веру как ориентир религиозных текстов, *но именно благодаря этому конститутивному размежеванию ученых перестали сжигать на кострах, а верующих не экзюдируют из социума как слабоумных.*

Возникает языковой парадокс, конститутивный для современного дифференцированного общества: язык перестал быть медиумом понимания в силу разобщения, дифференциации социальных систем общения и соответственно дифференциации речевых практик (дискурсов). И тем не менее язык остается средством социальной интеграции и стабилизирующим фактором, причем именно *в силу своего разобщающего характера.* Дискурс-дифференцированное общество получило иммунитет к конфликтам. Так произошло потому, что коллапс в одной сфере — скажем, в религиозном общении (межрелигиозные конфликты) или в искусстве (отказ от прекрасного как критерия произведения искусства и соответственно базиса эстетического общения и объекта для эстетических текстов), уже не приводит к коллапсу во всех остальных сферах социального общения. И, напротив, это было характерно для традиционных недифференцированных обществ, где отождествлялось все преступное-безобразное-ложное-бедное-нелюбимое-нездоровое-безбожное.

Ведь язык как тотальность, как совокупность слабо связанных элементов (в отличие от его текстовых выражений) имеет рыхлую, жестко не определенную структуру. Грамматика языка оставляет открытым будущее, не задает содержание коммуникативных актов. *Язык делает возможным общество и общение не в силу его тотальной и холистической природы, связывающей индивидов в коллектив носителей одного общего языка, а в силу его несвязности и нестрогости.*

При этом язык сам по себе оказывается (без использования тех или иных функциональных медиа) когнитивно недоступным, но именно благодаря тому он является практически вечным и неизменным медиумом общения. Ниже мы тезисно попробуем уточнить понятие языка в его отличии от понятия внутрисистемного дискурса — речевой практики в рамках той или иной обособившейся сферы общественной жизни.

* * *

Мы не можем подробно останавливаться на *всех* типах отдифференцировавшихся систем и соответствующих им типов дискурсов и поэтому для большей наглядности попробуем сопоставить трансформационный потенциал языка (как «системы абстрактных элементов», безразличной к формам ее выражения: речевым практикам, речевым актам, а значит — тождественной обществу как таковому, обществу как сумме всех возможных коммуникаций) и обособившийся эстетический дискурс, взятый здесь лишь в качестве примера.

1. Эстетический дискурс, как и всякий другой, есть форма *morphe* в традиционном философском, прежде всего аристотелевском, смысле, «отпечатывающаяся» в медиуме языка. Если язык искусства репрезентирует активный принцип, то язык как таковой представляет собой пассивный принцип или своего рода материал, или вещество (*hyle*), приобретающее очертания благодаря тем или иным специфическим (прекрасным, возвышенным и т.д.) выражениям.

2. В отличие от языка как медиума, *нестабильность* эстетического дискурса вытекает из *вариативности его кодирования*. Коммуникативный код есть некое предпочтение при выборе из альтернатив. Если в традиционном искусстве выбор осуществлялся в рамках кода *прекрасное/безобразное*, то современный эстетический дискурс предполагает ряд функциональных эквивалентов кода красоты, например: *подлинное/неподлинное* искусство, *новомодное/старомодное*, *безвкусное/со-вкусом*, *стильное/(в)нестильное*, *совершенное/несовершенное*, *удиви-*

тельное/ожидаемое. Эти функционально-эквивалентные коду красоты способы кодирования эстетического общения делают возможным многообразие коммуникаций об искусстве, что в не последнюю очередь сказывается на многообразии художественных произведений. Более того, эстетический дискурс даже допускает возможность поставить под вопрос само прекрасное как критерий произведения искусства, хотя само это сомнение означает продолжение эстетически ориентированного общения, и следовательно — воспроизводство эстетического дискурса. Язык как абстрактная тотальность, как медиум, безразличный к своим формам, напротив, допускает лишь единственную кодировку: код отрицания, т.е. выбор между принятием и отклонением предложенного смысла.

3. Язык метафорически может истолковываться как фон или горизонт, как своего рода пространство, которое само по себе неспособно принять конфигурацию, пока в нем сама собой не «проступит» форма. То, что в себе не имеет формы или конфигурации, очевидно, неспособно и изменить эти форму или конфигурацию.

4. Эстетическая коммуникация имеет своей функцией реактивацию возможностей, отклоненных повседневностью. Но количество отвергнутых возможностей в горизонте любого общения существенно превышает число актуализирующихся языковых выражений.

5. Напротив, крайне трудно изменить или дополнить такие практически бесконечно-конфигуративные сущности, как язык с его громадным количеством слабо связанных элементов. Ведь такие сущности включают в себя все возможные или потенциальные конфигурации. Язык, таким образом — как потенциал или горизонт возможностей повседневности — остается всегда равным себе, и именно это делает возможными изменения форм или сочетаний жестко связанных элементов. Чтобы что-то изменилось, горизонт должен оставаться неизменным.

6. С точки зрения эволюционной теории эстетические дискурсы и произведения искусства как концентрированные выражения эстетических дискурсов находятся друг с другом в состоянии конкуренции, а значит, соответствуют всем эволюционным стадиям: варьированию, селекции, стабилизации. Язык в его отличии от языка искусства не может изменяться именно в силу своего статуса культурно-генетического пула. Здесь мы наталкиваемся на параллель с генетикой, имеющей дело с огромным разнообразием сочетаний генов притом, что гены сами по себе (четыре типа нуклеотидов) остаются вечными и неизменными. Слова языка обладают аналогичной устойчивостью, лишь их сочетания и формы подвержены трансформациям.

7. Этот эволюционный подход указывает на необходимость беспрестанного обновления дискурсов. Всякое его воплощение в виде произведения искусства или в виде его интерпретации зрителем или критиком могут удивить лишь единожды, а затем превращаются в фон или отправные точки (=эстетический стиль) для обсуждения новых произведений и создания новых дискурсов, обеспечивая непрерывность эстетического общения. Возникает обособленная система эстетического общения отдифференцировавшейся специфической коммуникации, образующая таким образом специфическую историю сменяющихся стилей. Она подвергается давлению времени, требующему новых произведений и новых стилей. Язык как тотальность, напротив, в гораздо меньшей степени зависит от социальной дифференциации. Язык применяется всеми дифференцированными подсистемами общества и не обязан следовать логике социальной дифференциации.

* * *

Всякая подсистема общения, несомненно, создает свой собственный дискурс и сама создается им, однако этот процесс несколько затормаживается вследствие того, что агенты языковой коммуникации (т.е. личности) вынуждены участвовать в нескольких подсистемах общения. В том числе и поэтому ядро языка должно оставаться всегда тем же самым как базис единства сознания личностей. Последнее вытекает из того обстоятельства, что язык одновременно является и средством общения, и медиумом сознания (мышления, потока переживаний) систем личности. Это как раз и позволяет компенсировать ускоряющееся разобщение, ставшее следствием распада некогда единого общества на замкнутые области и соответствующие внутрисистемные языки. Одновременно само это разобщение, несмотря на все эмоционально-негативные следствия этого процесса, оказывается мощнейшим фактором социальной интеграции, поскольку локализует и использует конфликты на уровне социальных систем, не позволяя им определять социальную динамику общества в целом.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

В этой главе мы рассмотрим социальную эволюцию в интерпретации Никласа Лумана. При этом нам показалось уместным предложить читателю некоторую пропедевтику в собственно неодарвинистский подход, что, возможно, поможет проиллюстрировать абстрактную лумановскую понятийность и, прежде всего, прояснить понятие трех *независимых друг от друга* эволюционных функций: варьирования, селекции и стабилизации (что примерно соответствует изменчивости, отбору и закреплению признаков).

Особенно полезным в этом отношении представляется знакомство с известными неодарвинистскими эволюционными подходами, прежде всего с подходом эволюционной этологии, ведущим представителем которой является американский исследователь Ричард Докинз. При этом взгляды обоих указанных теоретиков будут сопоставлены с антинеодарвинистскими концепциями социальной эволюции, где последняя понимается как результат целенаправленной *человеческой* активности, в силу которой будто бы нет смысла различать между указанными тремя независимыми эволюционными процессами. Ведь все, что подвергается изменениям (варьированию), трансформируется целесообразно и планомерно (селекция), а именно *ради того*, чтобы эти нововведения тут же и были внедрены в социальные практики и *закрепились* в них (стабилизация). Мы рассмотрим взгляды видного представителя антидарвинистского подхода к обществу британского теоретика Христиана Холпайка.

Очевидно, что, с одной стороны, антинеодарвинизм и телеологизм, с одной стороны, и, с другой, так называемый «гуманистический подход» в теории общества, согласно которому элементарное

основание общества составляют люди (а не коммуникации, как полагает Луман), логически предполагают друг друга. Полемика с такого рода «гуманистическими» взглядами в значительной мере посвящена предлагаемая глава.

Конструктивизм в этологии и социологии, напротив, означает, что эволюционное развитие не может осуществляться планомерно и целесообразно в силу того, что коммуникации выстраиваются в системы (конструируются) по своей собственной логике, обладают своими собственными средствами конструирования (медиа коммуникации), причем сознание оказывается *внешним миром* социальных систем. Эволюционная теория в ее сопоставлении с теорией коммуникативных систем может способствовать получению ответа на вопрос о том, что же в обществе должно считаться аналогом *генов*, являющихся программами для конструирования живых систем (клеток, организмов). Поиском ответа на этот вопрос и займемся мы в дальнейшем.

Социальная система как «машина выживания» коммуникационных смыслов

Исходный эволюционный постулат вытекает из всей лумановской коммуникативной «онтологии»: эволюция общества означает эволюцию аутопойэтических систем коммуникации. Условием же такой эволюции является наличие «осетевленных» событий (массивов знания для *науки*, массивов денежных платежей для *экономики*, массивов споров и их разрешений для *правовой* системы, массивов эндогамно-выделяющихся, претендующих на *власть* семей). При этом если рассматривать социальную эволюцию в контексте общей теории эволюции и сравнивать ее с эволюцией живых систем, то коммуникации в каком-то смысле выступают аналогом биологических организмов, фенотипов.

Проблема же возникает в том случае, если попытаться определить *ген* или *генотип* эволюции общества. Что в социальной эволюции остается неизменным? Что должно явиться теми элементарными единицами, из которых (или, точнее, согласно программам которых) конструируются все новые фенотипические конфигурации? К сожалению, поскольку Луман нигде прямо не обсуждает, что же является геном социальной эволюции, его ответ на этот вопрос можно только реконструировать.

Так представляется обоснованным предположение, что логика системно-коммуникативного подхода к анализу общества применительно к интерпретации эволюции в ее лумановской версии позволяет в качестве такого *генотипа* рассматривать язык как медиум, как совокупность «слабо сопряженных» и поэтому свободно *конкурирующих* за место в коммуникации элементов. Каждая конкретная конфигурация слов — предложения, тексты, теории, стихи и т.д. — выступает в виде форм²⁸, образованных в медиуме языка. Язык — это «первичный бульон», среда, где конкурируют, поглощая друг друга, социальные гены: конкретные языковые выражения, некоторые из которых стабилизируются и реплицируются дальше и для этой репликации задействуют и образуют все новые и новые социальные фенотипы, связанные в системы коммуникации.

Подход Лумана здесь выдержан в стиле современной неodarвинистской модели, согласно которой на генетическом уровне выживание обеспечивают не альтруизм (или заданный генами альтруизма фенотип), а «безжалостный эгоизм» генов, «стремление» обеспечить саморепликацию, временное осетвление подобных друг другу элементов, где каждый ген ориентирован на порождение своей копии или реплики.

В биологической (а у Лумана и в социальной) эволюции такое «стремление» не несет в себе никакого телеологического подтекста. Оно является выражением того простого факта, что на заре жизни все те органические макромолекулы, которые таким внутренним трендом не обладали, как раз и не реплицировались, а послужили «пищей» для других.

И в эволюции коммуникации господствует сходный принцип «эгоизма», выраженный в принципе ее самообращенности, ее замкнутости на свои внутренние коды — эволюционно-удачные, селектированные, а потом и стабилизовавшиеся гены коммуникации — генерализированные языковые символы: истина, право, деньги, любовь, прекрасное, вера и т.д. Это гены коммуникации и одновременно — ее «обобщения», которые можно рассматривать как *инструкции по конструированию* коммуникаций, указания на то, к чему нужно стремиться в ее выстраивании. Это ориентиры, в самых разных конкретных ситуациях указывающие коммуникациям их «заданное» направление. Это ожидания того, что и остальные коммуникации будут протекать в том же самом направлении — отклонять все неистинное, незаконное, безобразное, недостойное любви, неимущее и безвластное.

Сама же коммуникация и их системы (последовательности) могут рассматриваться в качестве фенотипа — т.е. конструкции, созданной на основе социальных генов как ее максимально редуцированных описаний или инструкций. Если в биологической эволюционной теории под геном понимается своего рода код, «описание», или программа-инструкция для конструирования фенотипа — живого организма, то под геном коммуникации, вероятно, можно понимать *код* коммуникации, на основании которого отсеивается все то, что этой коммуникации не принадлежит, не соответствует сконцентрированным в нем ожиданиям, все *чуждые* элементы социальной системы. Тогда социальную систему можно в этом смысле интерпретировать как «машину выживания» коммуникаций (и соответственно эволюционно удачных языковых кодов). Ведь только создав «социальные системы», основанные на механизмах подсоединения коммуникаций друг к другу, коммуникация может «выжить», что означает: реплицироваться или воспроизводиться, создавая себе подобных.

Здесь можно вспомнить о том, что современный неодарвинизм, особенно в своих радикальных версиях, отказывается от теории группового, видового или популяционного отбора в пользу изменчивости, селекции и закрепления признаков *на уровне самих генов*, которые и выступают «субъектами» эволюции²⁹. Этот поворот в теории эволюции оказался востребован и в контексте так называемой «антигуманистической» социологически-радикальной теории Лумана, которая отказывается от представления о конкуренции обществ или социальных групп внутри обществ, понимаемых как комплексы или совокупности индивидов. Конкурируют не люди в борьбе за ограниченные ресурсы, конкурируют коммуникации за право подсоединяться к прошлым коммуникациям (социо-фенотипический уровень) и вербальные выражения — за право становиться ожиданиями, ориентирами, кодами коммуникаций (социо-генетический уровень).

Уже в биологии *популяционная* теория эволюции приводила к порочному кругу. Конрад Лоренц³⁰ полагал, что вид обеспечивает себе самосохранение тем, что наиболее приспособленные особи благодаря «агрессивному поведению» получают монополию на размножение (главы прайдов, альфа-особи). Таким образом, доступ к самкам и монополия на размножение оказываются следствиями более совершенной приспособленности, в то время как достигнутые тем самым адаптивные преимущества, в свою очередь, являются следствием доступа к самкам и монополии на размножение.

Социальная теория конфронтрует с проблемой аналогичного круга, и поэтому вынуждена отказаться от представления об отборе групп индивидов. Ведь выживание группы в таком случае являлось бы результатом монополии ее наиболее «агрессивных» членов на те или иные ограниченные ресурсы (на власть, деньги, влияние, женщин), а их монополия опять же вытекала бы из того, что они обеспечивают выживание группы индивидов.

Луман, исходя из своей общей методологии, отказывается от представления об обществе как совокупности индивидов. Тот теоретический прорыв, который осуществил Ричард Докинз в отношении популяций, лишив их статуса эволюционирующих субъектов в пользу каждый раз по-новому перегруппирующихся генов, Никлас Луман осуществляет в отношении групп людей. Эволюционируют не группы людей, воплощающие свойственные именно для этой группы характеристики. Эволюционируют системы коммуникации (квази-фенотипы), однако в основе этого процесса лежит эволюция их структур — ожиданий, складывающихся в программы, т.е. вербальных инструкций по выстраиванию коммуникаций, сконцентрированных в ее языковых кодах. Структуры коммуникации — это координирующие ее конструирование коммуникативные ожидания.

Ожидания в этом смысле следует понимать как набор возможных значений слова или языкового выражения, т.е. своего рода весьма вероятные возможные миры, с которыми вынуждены считаться участники коммуникации, как только то или иное выражение будет произнесено. Генотип коммуникаций — это *язык* коммуникации. При этом некоторые его реализации (состоявшиеся, устоявшиеся языковые выражения как формы медиума) в ходе эволюции оказались наиболее эволюционно-успешными, т.е. наиболее генерализованными в той или иной области. Это значит, что они связывают наибольшее число конкретных ситуаций в ожидаемые, т.е. обобщенные, и, следовательно, делают возможной калькуляцию будущего развития положения дел, а в конечном счете — обеспечивают подсоединение ожидаемых в будущем коммуникаций, ориентированных на то или иное языковое выражение.

Очевидно, что таким символическим ориентиром, или кодом коммуникации, может стать практически любое слово, однако наибольшую релевантность получили те языковые символические коды коммуникации, которые в своих значениях «обобщили» самые широкие социальные сферы: системы политики, права, искусства, интимных отношений, хозяйства, религии, любви.

Общий взгляд на биологическую эволюцию

Классический дарвинизм выдвинул тезис о «выживании наиболее приспособленных». Этот тезис допускает обобщение как «частный случай более общего закона выживания стабильного ...Мыльные пузыри стремятся принять стабильную форму, так как это — стабильная конфигурация для тонких пленок, наполненных газом... Кристаллы поваренной соли стремятся принять кубическую форму, потому что при этом достигается стабильная упаковка ионов натрия вместе с ионами хлора»³¹. Такого рода тавтологическое свойство стабильности стабильного напоминает аристотелевское «естественное место», заняв которое стремятся все сущности, в силу чего они и оказываются тем, что они есть, принимают свою собственную форму. Вся эволюционная теория вытекает из этой тавтологии (даже если, в конце концов, оказывается, что «подвижная», динамическая стабильность в каком-то смысле предстает более стабильной и выигрывает в борьбе за репликацию у «косной» стабильности).

Это самое широкое — тавтологическое — понимание эволюции предполагает селекцию стабильных свойств и отбраковывание нестабильного. Так в этой своей «архаической» форме эволюция делала возможным появление молекул, состоящих из нескольких десятков атомов, меняющих свои конфигурации посредством внешнего источника энергии. Однако вероятность появления более высоких — живых — систем при помощи такого «перетряхивания» потребовала бы времени, многократно превышающего возраст Вселенной. Такая «медленная» эволюция не выдержала конкуренции с другим ее возможным типом и сама оказалась отбракованной. Завершающей же стадией этой протоэволюции стало появление гетерогенной среды, «первичного бульона», содержащей такие относительно простые «блоки», как аминокислоты.

Началом эволюции нового типа стало появление гораздо более невероятной молекулы, своего рода самовоспроизводящейся матрицы, способной создавать копии самой себя из имеющихся в изобилии «блоков», содержащихся в первичном бульоне³². В результате появления такого рода невероятных репликаторов эволюция уничтожила условия своего собственного возникновения, т.е. условия возможности прошлой эволюции. С появлением репликаторов в мир вошла другая форма — динамической — стабильности, для поддержания которой необходима *непрерывная* селекция элементов сложной молекулы, что предполагало возможность ошибки в их подсоедине-

нии, т.е. обеспечивало изменчивость или подготовило первичный эволюционный процесс — *варьирование*. Увеличивалось и число факторов стабильности. Способность к долговременной связанности (сохранение пространственных конфигураций) как пространственный фактор стабильности уступает место таким временным факторам, как возрастание темпа самокопирования, что делало возможным большее число «отпрысков», а следовательно — победу в конкуренции некоторого *более быстрого* штамма. Возникает конкуренция между штаммами, эволюционным ответом на который становится появление пространственных границ (белковая оболочка клетки), а также средств пересечения и разрушения этих границ как со стороны «внешнего врага», так и внутренне — путем создания колоний, комплексов клеток, их дифференциации и взаимодействия друг с другом. Создание сложных организмов — «машин выживания» генов — окончательно закрепило победу молекул ДНК над всеми остальными репликаторами (возможно, это были неорганические кристаллы-минералы, кусочки глины), а вместе с тем — «победу» живой материи над неживой. Гены — цепочки из блоков (нуклеотидов) четырех типов — выступают своего рода инструкциями для конструирования белковых тел. Их строительные блоки остаются неизменными, хотя под воздействием мутаций (ошибок в самокопировании) они и меняют свои конфигурации: планы по строительству своих «машин выживания» (мышцы, сердце, глаз и т.д.).

Итак, первичным эволюционным механизмом живых систем является мутация — *варьирование* составляющих гены строительных блоков из нуклеотидов. Но и сам этот эволюционный механизм варьирования, в свою очередь, оказался подверженным варьированию, и здесь мы вновь сталкиваемся с эволюцией эволюции. Само варьирование мутировало вместе с появлением *полового отбора*. Половое размножение сделало возможным перетасовку и перемешивание генов и генных комплексов, «отложение» генов, их «путешествие» из тел родителей в тела самых далеких потомков. Ведь в результате мейоза³³ лишь половина хромосом «делегировается» потомкам, так, что возникает мозаика из перемешанных материнских и отцовских клеток. Генетическая единица — это просто фрагмент хромосомы, и чем обширнее этот фрагмент, тем меньше шансов у него сохранить свою конфигурацию или идентичность в результате мейоза. Напротив, меньшие участки хромосомы оказываются более долговечными.

Здесь важно, что мутации оказываются удачными, в первую очередь, в том случае, если гены объединяющихся субъединиц «согласуются» друг с другом, если участки генетического материала «удачно»

сцепляются в рамках новой генетической единицы, т.е. отвечают *внутренним* условиям своего воспроизводства. И лишь потом в дело вступает *селекция* фенотипических признаков. Таким образом, внешний мир, окружающая природа «вмешивается» довольно поздно — после того, как невероятные мутации и невероятное копирование уже состоялись на эволюционной стадии *варьирования*. На этой стадии образуются кластеры обособленных генов, прочно сцепленные группы. Неразрывность и воспроизводимость подобных кластеров, которые целиком отправляются в «следующее тело» посредством мейоза (собственно, эти кластеры и есть «единые» гены), суть *внутренние* условия, определяющие эволюцию еще до актуализации внешнего, т.е. «естественного» отбора. Эволюционная удачность мутации (варьирования) зависит, в первую очередь, от сохранения этих групп, и лишь во вторую очередь — от свойств отклоняемого (или нет) в ходе селекции фенотипа.

При этом у каждого такого генного комплекса имеется свой соперник, *аллель*, пребывающий в генофонде популяции и словно выжидающий удачного момента, чтобы в результате кроссинговера (перемешивания генов за счет разделения хромосом родительской клетки и их объединение с хромосомами другого родителя) занять место предшественника в том же самом участке хромосом отпрыска. Отношение гена и его конкурента аллеля (с другими инструкциями по созданию фенотипических свойств организма) выражает отношение актуального и потенциального. Генофонд — это, таким образом, совокупность потенциальных альтернативных кандидатов.

Итак, эволюцию *на стадии варьирования* определяет сочетаемость генов еще на генном уровне, а затем — выживаемость эмбриона и развития организма, безотносительно к внешнему миру. Речь идет о структурной согласованности генов: скажем, ген острых резцов (у хищника) должен сопутствовать гену кишечника, способного переваривать мясо, а ген плоских перетирающих зубов (у травоядного) должен сочетаться с геном гораздо более длинного кишечника и другим биохимическим механизмом переваривания. Такая сочетаемость генов, очевидно, не зависит от внешнемировых условий.

За эту же мысль впоследствии ухватывается Луман применительно к эволюции коммуникаций, варьирование в которых, в свою очередь, является делом самой системы и не зависит от «интервенций» из внешнего мира. Итак, мы приблизились к тем постулатам биологической эволюционной теории, которые Луман положит в основу эволюционного подхода к обществу.

Во-первых, варьирование (изменчивость) не зависит от селекции, является случайным, и именно это, как пишет Луман, освобождает порядок вещей от всякой связи с источником происхождения, от «формоопределяющего первоначала». Три эволюционные функции не зависят друг от друга. Причем Луман настаивает на том, что такое определение эволюции является критериальным для всех эволюционных теорий. Селекция (полагаемая в качестве естественного, т.е. природного, а значит, «внешнемирового» отбора), в свою очередь, не является преимущественно внешним, а скорее внутренним фактором, зависит от ко-эволюции структурно-сопряженных систем³⁴. «С системно-теоретической точки зрения варьирование и отбор рассматриваются как «внутренние движущие силы» (sub-dynamics) комплексной системы: «больше нет смысла сохранять это распределение на внутренние (вариация) и внешние (селекция) факторы», — пишет Луман.

Во-вторых, возникает понимание, что эволюция системы вовсе не приводит к более эффективной приспособленности (к внешнему миру) одних систем сравнительно с другими. Соответственно и понимание общества (=коммуникативной деятельности) как адаптивно-адаптирующей активности полагается устаревшим.

От эволюции биологической к эволюции социальной

В соответствии с указанными основаниями общей эволюционной теории возникает вопрос о том, что же является аналогом гена в обществе, а что является его машиной выживания?

Луман пишет: «Об эволюции же социальной системы общества, напротив, можно говорить лишь в том случае, если рассматривать не живую, а коммуникативную систему, которая в каждой своей операции воспроизводит смысл, предполагает знание, черпает из собственной памяти, использует формы культуры»³⁵.

Возникает вопрос и о том, существует ли социальный аналог эволюции самих эволюционных функций, скажем, что-то похожее на механизмы интенсификации варьирования, каковым стало половое размножение, усилившее изменчивость в сфере живых систем. Уже половое размножение и соответственно кроссинговер на биологическом уровне ставит много вопросов. Почему *митоз* (рост в результате деления клеток, т.е. непосредственная репликация) дополнился *мейозом*? И есть ли аналоги мейоза и митоза в социальной эволюции? Является ли половое размножение более эффективным эволюционным приобретением, чем обыкновенный рост организма?

Функция разделения полов, очевидно, состоит в создании так называемого *variety pool*, появления сложности избыточности варьирующихся элементов, ведь ген и его аллель не могут сразу занять свои места в хромосомах. По мнению Лумана, и в обществе существуют аналогичные *механизмы ускорения варьирования*. И в социуме возникают «дополнительные структуры для накопления и ускорения варьирования (подобно тому, как в эволюции жизни биохимические мутации дополняются бисексуальным воспроизводством). В общественной эволюции это осуществляется двояким образом: благодаря такому *средству распространения* коммуникации как *письменность* и с помощью *усиления потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам* в обществе (или другими словами: благодаря отказу от экстернализации всех конфликтов, как это было характерно для сегментарных обществ). Тот факт, что письменность используется как средство распространения коммуникации (а значит, не только с целью записи), приводит к двойному эффекту: коммуникация может оказывать воздействия на больших пространственных и временных дистанциях и высвобождается из-под давления интеракции, т.е. получает большую свободу как в производстве (написании), так и в восприятии (прочтении). Более широкое распространение создает возможность *одним* изменением производить *множество* изменений, причем — необозримое множество»³⁶.

Таким образом, письменность делает возможным операционализацию конфликтов (отклонения коммуникаций, свободу сказать «нет»), а тем самым в конечном счете — варьирование и диверсификацию систем коммуникаций. Письменность в сфере коммуникаций (и особенно книгопечатание, а затем и электронные медиа) оказываются в каком-то смысле функциональным эквивалентном полового размножения, дополняющего и расширяющего механизмы варьирования (мутационных генетических изменений) в сфере живых систем.

Письменность словно осуществляет «скрещивание» различных коммуникационных стратегий, дискурсов и, как следствие, — трансформацию семантик: переход от однозначно-определяемого выбора (селекции) неделимой, морально-фундированной опции Стабильного, Единого, Благого, Истинного, Совершенного, Центрального, Прошлого к независимым друг от друга и от морали семантикам автономных систем: «справедливости» права, «легитимности» власти, «доказательства» истины, «недостатка» денег, «красоты» искусства, «страстности» (=спонтанности) любви и т.д. Разрушением целостности господствующей семантики обусловлена эволюция эволюции (эволюция эволюционных функций), выражающаяся, в частности, в

гипертрофии одной из эволюционных функций, а именно — функции варьирования. Возникает даже особая социальная система масс-медиа, специализирующаяся на внедрении, мгновенной критике и отклонении новых дискурсов и семантик.

Согласно Луману, общество (причем теперь нужно говорить о мировом обществе) — это совокупность всех потенциально возможных коммуникаций, в том числе и отклоняющихся, и не реализовавшихся, а только ждущих своего часа. Как мы видели, так же обстоит дело и с генофондом, который включает как реализовавшиеся гены, так и их конкурентов за место в хромосомах. Кроссинговер и половое размножение делают возможным перетасовку генов. Письменность, книгопечатание обеспечивают функционально-аналогичный процесс для коммуникаций, создают коммуникативный генофонд (=язык как медиум коммуникации), своеобразный бульон, среду, внутренний внешний мир социального гена. Те из социальных генов (т.е. кластеры возможных вербальных выражений), которые получили свою коммуникативную актуализацию, приобретают форму по отношению к медиуму, способны образовывать системы — своего рода фенотипы, «машины выживания» для коммуникаций. Коммуникативные смыслы вечны, их логика организует вокруг себя социальные системы как «машины выживания» смыслов, реплицирующие одни и те же, одинаково направленные, т.е. воспроизводящие один и тот же смысл, коммуникации.

Поначалу же эти «машины выживания» смыслов обеспечивали лишь *пространственные* границы коммуникаций. Так обстоит дело в интеракциях — простейших социальных системах примитивных обществ, которые определяли себя пространственно, через пространственную взаимопринадлежность (соприсутствие) участников коммуникации³⁷.

Эволюция идей

Выше мы уже сталкивались с эволюцией эволюции в сфере живых систем, где именно стабильность, выражающаяся в сохранении пространственных конфигураций, оказывалась эволюционно успешной стратегией. Аналогичным образом высвобождение *письменно фиксируемого* языка из-под интеракционного давления (отклонявшего всякое отклонение) делает возможным эволюцию эволюции и проявляется в появлении особого, нового типа эволюции: эволюции — письменно фиксируемых — идей.

Возникает дивергенция между эволюцией социальных систем (социальная дифференциация) и особой эволюции — получивших самостоятельность — *описаний* социальных систем; дивергенция между социальными структурами (*фактические* отклонения не принадлежащие системе коммуникаций) и семантикой (записанные, *отложенные* на будущее отклонения). Эволюция, таким образом, создает условия для виртуального тестирования возможных вариаций. Именно в этом заключено своеобразие социальной эволюции в ее отличии от эволюции живых систем, практически не способных к виртуальной апробации своих комбинаторных возможностей.

Такая независимость эволюции идей стала условием возможности *памяти* социальных систем, обеспечивающей ускорение их «реальной» эволюции (т.е. социальной дифференциации). Отныне тексты преобразуются в тексты, где сочинитель выступает всего лишь техническим посредником в этом процессе. Причем герменевтически понимаемая интерпретация текстов как раз и выступает в виде обособившейся эволюционной *функции варьирования* в обособившейся эволюции идей. Иными словами, всякое прочтение текста предстает как *вариация* текста исходного, *стабилизация* же усматривается в достижении герменевтически-круговой (а значит — внесубъектной!) *адекватности* интерпретации и интерпретируемого текста. При этом и принципы *селекции* (отбора удачных интерпретаций = вариаций), в свою очередь, варьируются, а ее критерии последовательно принимают вид *убедительности* и *очевидности*, заботу о которых в конечном счете берут на себя системы масс-медиа и науки³⁸.

С конца XVIII в. отдифференцирующиеся социальные системы формируют собственные рефлексии и соответственно собственные эволюции идей, в то время как общеобщественная эволюция идей коллапсирует: «Процесс против Галилея или побуждения к войне за независимость Америки, лиссабонское землетрясение, явившееся для Вольтера желанным поводом обратиться к вопросу теодицеи — всякая опора на в данный момент очевидные обстоятельства здесь была достаточна для селекции [идей]. На этой основе, правда, очевидность не могла взять на себя функцию рестабиллизации»³⁹. Стабилизация в эволюции идей стала возможной только в рамках возникающих социальных систем и благодаря их символическим коммуникативным кодам: «в поисках устойчивого и необходимого вскрываются все новые контингентности — вплоть до случайности (контингентности) самих законов природы», а «такие различия как истинное/неистинное, хорошее/дурное, правовое/неправовое уже не могут быть приведены к согласию»⁴⁰.

Память как забвение контекста

Существенное различие животной и социальной эволюций заключается в том, что последняя гораздо более вариативна. Ведь и сама изменчивость в коммуникации становится фактором эволюции. Инновация в животной эволюции, скажем, как следствие спаривания особей разных видов всегда несет высокую вероятность стерильности (мул в помете лошади и осла стерилен, хотя самка затрачивает огромные ресурсы для его вынашивания), между тем как социальная эволюция благодаря обособившейся *эволюции идей* «проглатывает» больше нового, отбрасывает больше старого, не опасаясь *генетических потерь*. Ведь то, что единожды было *записано*, ныне существует в виде многочисленных «копий». Эти копии «переносят» и сохраняют социальные гены.

Гены для эволюции общества — это смысловые ожидания коммуникации, принимающие форму того или иного слова или вербального выражения со всем множеством его «отнесений». Скажем, поначалу ожидание того, что за деньги, предложенные за товар, можно будет его забрать, было бы невероятным. Слово или символический код деньги, среди прочего, как раз и выражает подобное ожидание. Коммуникация же выступает своего рода фенотипом, т.е. языковой конструкцией, последовательностью высказываний, ориентированных на этот обобщенный вербальный символ, коммуникативный код, обеспечивающий единство всей системы коммуникаций. Магическое слово деньги (конечно, при их фактическом наличии) оказывается как бы катализатором огромного количества самих по себе эволюционно-невероятных коммуникаций (продаж, кредитов, покупок и т.д.). Генерализированный символ деньги — это кратчайшая, всеобщим образом ожидаемая инструкция по конструированию экономических коммуникаций: если есть деньги, надо покупать у того, у кого нет денег; если нет денег, надо продавать тому, у кого есть деньги.

Письменность (записанные коммуникативные выражения) выступает в качестве *средства* сохранения социальных генов (смысловых ожиданий), дальнейшей трансляции и репликации смысла. Агрегации коммуникаций в системы, в их неслучайные последовательности оказываются такими же машинами по воспроизводству одних и тех же смыслов (экономических, политических, правовых, религиозных), каковыми являются организмы — как биологические машины для воспроизводства одних и тех же генов. Система коммуникаций получает такое же единство и индивидуальность поведения, как

биологический организм, который может, например, передвигаться как согласованное целое. Смыслы, ожидания (гены коммуникаций) могут быть вечными, их варьирование меняет лишь их конфигурации, сами же мельчайшие единицы эволюции (как в биологии: четыре типа нуклеотидов; так и в языке, скажем, слова и множества отнесений всякого языкового выражения) словно приобрели иммунитет от селекции, не зависят от внешнего мира. Сохраняясь с помощью *письменности как памяти* коммуникации, они образуют тот самый медиум, своего рода генофонд, фрагменты которого получают свои формы (по отношению к медиуму-генофонду языка) лишь в виде фактических коммуникативных актов. Системы коммуникаций суть фенотипы (фактические реализации) заложенных в генах (ожиданиях) инструкций по их конструированию.

Память возникает как ресурс, позволяющий некоторые актуальные события определять как прошлые, повторные и “привычные”. Память, таким образом, — это средство снять непосредственность реакции на актуальные раздражения, а следовательно, оптимизировать ответ, «выбрать» реакцию, создать избыточность возможных ответов (редундантность). Память, следовательно — это общеэволюционное средство высвобождения системы из-под (актуальной) зависимости от внешнего мира.

Память биологических генов — это «записанные» в них инструкции по синтезу белков. Однако, синтезируя белок и конструируя свои фенотипы, гены не в состоянии контролировать свою собственную эволюцию, — ведь их реакция, обусловленная весьма опосредованным воздействием естественного отбора фенотипов, является чрезвычайно медленной. Поэтому гены вынуждены обращаться к «оперативной» памяти, т.е. к памяти самих биологических организмов, своих собственных конструкций. Аналогичным образом и коммуникация обращается к актуальной памяти систем сознания, выступающей «оперативной» памятью по отношению к более фундаментальной — и собственно коммуникационной — «памяти» книг и записей.

В этом смысле Луман пишет: «Речь, следовательно, идет... не о том, что осознают отдельные сознания. Функция памяти состоит именно в том, чтобы гарантировать границы возможных проверок консистенции и одновременно снова высвободить потенциалы переработки информации, открывая систему для новых раздражений. Главная функция памяти состоит, таким образом, в забвении, в препятствовании самоблокированию системы через окостенение результатов прошлых наблюдений».

Сохранить в памяти коммуникации — значит передать на откуп некоторому автоматизму, системному коду, лишить тот или иной выбор его проблематичности, а тем самым — высвободить потенциал системы для новых проблем. Нечто подобное имел в виду Хайдеггер в своей диалектике *подручного и наличного*. Функция памяти и состоит в забвении, т.е. в переходе наличного в подручное, трансформации нового и неожиданного в старое и известное, а значит, выходящего за пределы актуального внимания. Память — это редукция комплексности за счет «стяжения» различных гетерогенных ситуаций в воспроизводимые, непроблемные или привычные «идентичности» («дома, орудия труда, места, пути или имена природных объектов и людей»), на которых в ходе коммуникации система *не* концентрирует свое внимание⁴¹.

Если говорить совсем просто, память — это забвение контекста (второй, т.е. негативной, стороны любой формы или различия: неистинности, безвластия, неверия). И именно эта функция оказывается условием наблюдения и познания, т.е. того, что лишь одна — маркированная — сторона того или иного различия мотивирует коммуникацию. Благодаря памяти система способна вводить в коммуникацию дифференцию прошлого и будущего, а следовательно, и эволюционировать, ведь именно *будущее* системы оказывается маркированной стороной формы *прошлое/будущее*, а прошлое — предаваемым забвению контекстом. Это прошлое как условие возможности будущих состояний системы теряет для нее всякий интерес, а то и когнитивную доступность. «Помнящая» все, лишенная забвения система ни на чем не способна сконцентрироваться. В этом случае система не имела бы современности как текущей границы между прошлым и будущим состояниями, а жила бы в окостеневшем прошлом или в вечности.

Но общество способно реагировать на свою функцию памяти, а значит, и на свое прошлое, вводя его в коммуникативное обсуждение под названием «культура». Ведь «культура в действительности как раз и является памятью общества, т.е. фильтром забвения/запоминания и задействованием прошлого для определения рамок варьирования будущего»⁴². Именно культура видится обществу набором *стабилизированных* «объектов», «идентичностей», «собственных значений» — одним словом, преходящим в забвение старым контекстом для новых вариаций.

Стабилизация эволюции как самовалидация собственных значений

Стабильность живых систем проявляется на фенотипическом уровне, на уровне организмов и понимается как закрепление результатов удачного отбора. Стабилизация может выражаться в устойчивом соотношении генов, определяющих те или иные свойства организма: например, стабильное распределение полов (50:50) применительно к человеческим организмам. При этом новые, мутирующие гены быстро устраняются из генофонда; отклонения, в свою очередь, отклоняются. Отклонение отклонений (отрицательная селекция) означает возникновение так называемых «собственных значений». Как же они возникают?

Однажды возникшая полезная мутация, прерывая стабильность, сама в конечном счете оказывается стабильной и, как это ни странно, в том случае, если утрачивает свою «первоначальную полезность». Речь идет о так называемой *самовалидации* свойства, становящегося «собственным значением». Например, сексуальная привлекательность партнера уже не может быть выражена содержательно или объясняться функционально, т.е. с точки зрения полезности сексуально-привлекательных свойств во внешнем мире. *Привлекает то, что привлекает*, поскольку тем самым обеспечивается репликация. Скажем, первоначально в основе привлекательности «длинных ног» могло лежать то обстоятельство, что они помогают убежать от хищника и, как следствие, спасти гены ребенка, тем самым защищая гены родителя. Но, приобретя однажды такого рода аттрактивность, они получают и «собственное значение». Партнер отныне будет отбираться в силу самой этой привлекательности, ведь уже ее одной будет достаточно, так как гены, обеспечивающие подобную притягательность, распространятся и будут «бороться» за свое выживание и воспроизводство. Самка выбирает привлекательного партнера не для того, чтобы ее отпрыск смог убежать от хищника, а для того, чтобы ее сыновья, в свою очередь, были привлекательными для самок, а следовательно — сохранили и приумножили ее гены. Так возникает циркулярность. У сексуальной привлекательности появляется, таким образом, совсем другая функция — привлекать партнеров, а значит — сохранять свои гены в следующих поколениях. В стабилизированном состоянии уже не внешний мир (т.е. естественный отбор среды) определяет воспроизводство генов, а внутренние факторы — «*собственные значения*» эволюции. Выбирая непривлекательного партнера, самка не может рассчитывать на репродуктивный успех своих непривле-

кательных потомков *безотносительно* к естественному отбору, т.е. к тому, убегут ли они от хищников, и сколько пищи им предложит их природная ниша.

Как же обстоит дело с собственными значениями в социальной эволюции? Системы переживаний (сознания) выступают как бы задействованными в коммуникации машинами по переработке информации. Сознание, конечно, занимается тем, что исчисляет логику коммуникации, но это говорит лишь о том, что у коммуникации как раз и отсутствует своя собственная системная логика. Эта логика не задается, а воспроизводится целеполагающим сознанием. Сознание ориентировано на особые (коммуникативно-объяснимые) мотиваторы, служащие основаниями для постановки целей.

Эволюция и состоит в появлении мотиваций, свои символы получающей в виде особых обобщений – генерализированных вербальных символов: истины, любви, денег, власти и т.д. Эти мотивации теперь выходят за пределы своей подчиненной роли, определяемой чем-то внешним. Скажем, теперь любовь это не просто биологически полезная для выживания функция, обеспечивающая словно автоматически возникающую взаимную привязанность детей и родителей, партнера и партнерши. Появившаяся лишь сравнительно недавно «любовь как страсть», как случайно возникающая пристрастность, не кажется эволюционно-оправданной стратегией, она не несет функциональную (полезную) нагрузку, в обычном смысле этого слова.

Функциональность любви могла бы выражаться в том, чтобы быть результатом эффективного ухаживания (биологически коренящегося, возможно, в проверке того, не является ли самка беременной от другого самца и, следовательно, несущей чужие гены)⁴³, ведь самец делом (=временем) доказывает свою состоятельность для воспроизводства генов самки и серьезность намерений. В этом была функция любви как ухаживания: как реакции на «женскую скромность» и затягивание самкой времени перед согласием на брак. Но почему же возникает эволюционно-невероятная и функционально-необъяснимая *любовь как страсть* в социальной эволюции?

Даже в условиях недифференцированного сегментарного общества любовь словно «автоматически» или «естественно» вытекала из семейных интересов. С точки зрения *современного наблюдателя* кажется невероятным, что любовь как страсть может оказаться следствием (скажем, в династических или внутрисословных браках) социально-определенного выбора. С точки зрения же *прошлого наблюдателя* покажется еще более невероятным, что любовь

способна возникать вообще «из ничего», как в известном смысле «нефункциональная», «безотносительная» привязанность, когда обоснованием (циркулярным объяснением) любви, собственно, и является сама любовь.

Самовалидация «собственного значения» не требует внешней «полезности», ее функциональность состоит лишь в том, чтобы создать семантическую основу для рекурсивных коммуникаций, ориентированных на один и тот же *общий символ*, в данном случае — коммуникационный код *любовь*: достаточно сказать, что Эго любит Альтера, и вопросы о том, что «означает» такая любовь, каков ее смысл, задачи, цели, отпадают сами собой в силу именно такой циркулярной самовалидации. Функция кода в том, чтобы обеспечить закрытый характер (в данном случае — интимных) коммуникаций, ориентированных на любовь и мотивированных только ею, а не чем-то, для чего любовь служила бы лишь опосредующим обозначением. Излишне повторять, что самовалидация как *гарантия стабилизации коммуникаций* является следствием функциональной дифференциации общества на замкнутые, мотивированные именно этими собственными значениями функциональные подсистемы — политики, науки, интимных отношений, искусства и т.д.

Проблема, которая возникает здесь применительно к эволюции, но Луманом как таковая не тематизируется, состоит в том, как возможно, что такого рода генерализированные символические коды-мотиваторы-инструкции отдифференцировавшихся типов коммуникации все-таки должны как-то локализовываться в мотивационной структуре *сознания* и опосредоваться физиологически. Очевидно, что любовь — это не только коммуникационный артефакт, генерализированный вербальный символ, но еще и соответствующий физиологический процесс и соответствующее переживание в сознании участника системы интимных коммуникаций. Если с мотивационной силой любви (и в какой-то степени с властью) эта проблема стоит не так остро, ведь обе эти мотивации в каком-то смысле явно имеют и физиологическое оснащение, и древнюю поведенческую историю, то как быть с такими вербально-символическими мотивациями или катализаторами коммуникации, как право и истина? Существует ли и в этом случае какая-то более глубокая, физиологически опосредованная тяга или аттрактивность *права*? Или в дело должны вступать другие коды-мотиваторы, скажем, *насилие* как гарантия следованию праву? Но какие механизмы обеспечивают, например, притягательность произведений искусства, ориентированных на символический код *прекрасное/безобразное*?

Если формулировать проблему в более общем виде, встает вопрос: не слишком ли много коммуникация — ради достижения аттрактивности (если используете кальку, то пишите ее правильно!) предпочитаемых опций — отдаст своим внешним мирам, своим «компьютерам»: сознанию, чувственности, «физиологическим» потребностям, оставляя себе одну лишь логику подсоединения следующих коммуникаций и связывания вербальных выражений. Не теряет ли коммуникация в своей реальности, превращаясь благодаря этому в чисто аналитическую данность? Ведь логика коммуникации все равно всегда вынуждена получать свое «реальное» выражение в целях задействованных коммуникацией сознаний, индивидов, а удовлетворенность от подсоединения именно тех коммуникаций всегда «кодируется» физиологически — скажем, как «приятное» или «неприятное».

Поэтому именно сознание часто рассматривается как вместилище социальных генов. У Докинза *мимы* (социальные гены) как раз и конкурируют за место в сознании. С точки зрения же Лумана, такой подход представляется ошибочным — ведь в сознании в течение одной коммуникации как раз можно успеть «прокрутить» огромное количество идей, и все это почти всегда остается без коммуникативных последствий. Мимы, если они действительно существуют, должны, по мысли Лумана, конкурировать за место в коммуникации, за их обсуждение — ведь в сознании им-то как раз достаточно «места».

Как уже указывалось, в биологии устойчиво воспроизводящееся сочетание генов (скажем, генов «плотоядного» желудка и соответствующих зубов-резцов, острых когтей) означает стабилизацию эволюции. Аналогичным образом и в социальной эволюции, по мнению Докинза, сцепление *мимов* (*memes*) обеспечивает эволюционную стабильность некоторой комплексной семантики, скажем, некоторой идейной доктрины. Так мим *адского пламени* (наказания за грехи) оказался сцеплен с идеей-мимом *бога*. Луман вполне разделил бы такой взгляд на стабилизацию, но стабилизация здесь означала бы дифференциацию особой системы, в данном случае — системы религиозных коммуникаций с собственным обобщенным символом-мотиватором: *верой*.

С точки зрения системной теории Лумана здесь стабилизация эволюции обеспечивается *самовалидацией* веры как собственного значения системы религиозных коммуникаций. «Адское пламя» (=неверие) тогда есть всего лишь другая (негативная, а значит, рефлексивная) сторона коммуникативного кода *веры*. Как всякая негативность (нищета, несправедливость, безвластие, нелюбовь и т.д.), она действительно за счет ее рефлексии «поддерживает» свою противо-

положность — позитивную сторону коммуникативного кода, обеспечивает переход к ней, так называемый *кроссинг* границы кода, а тем самым — подсоединение религиозных коммуникаций друг к другу и образование закрытой системы. Рефлексия этой негативности, осуществленная апостолом Фомой, как раз и демонстрирует нам то, как позитивная сторона коммуникативного кода получает поддержку от ее отклонения, указывающего на поведение других, «верующих», апостолов. Это отклонение отклонения и является самовалидацией коммуникативного кода, обеспечивающего стабильность коммуникации: неверие поддерживает веру, а тот, кто не верит в адское пламя, и сам отправляется в огонь.

Но любая стабилизация, по Луману, это условие для производства новых вариаций. Так обеспеченная коммуникативным кодом *веры* стабильность системы религиозных коммуникаций послужила началом новой фазы социальной эволюции, поскольку этот код (культурный ген или *мим* в терминологии Докинза) уступил место своему «аллелю», конкурирующему коду *истины*, т.к. коммуникативный код истины обладал более надежным «симбиотическим механизмом» (возможность отсылки к чувственным удостоверениям знания)⁴⁴. Фальсификация (т.е. выявление ложности научного знания) служит росту истинного знания, истинность которого, как известно, не может получить достаточных гарантий в силу недостаточности его эмпирически-индуктивного обоснования. Функционально-эквивалентный механизм удостоверения религиозного знания — наблюдение чудес — оказался гораздо более «проблематичным».

Здесь, правда, возникает почти риторический вопрос, является ли код истины чем-то окончательно стабилизированным и самовалидированным или же в наблюдениях второго (по отношению к научным коммуникациям) порядка какой-то новой — ныне представляющейся лишь гипотетической — системы он, в свою очередь, будет отклонен как регулирующий «чуждые» коммуникации, как это имело место в науке по отношению к коду веры. Несмотря на трудности представления чего-то более «высокого», более генерализированного, простого и очевидного, чем истина, надо помнить, что когда-то вера представлялась столь же очевидным способом управления или кодирования коммуникаций (т.е. символическим кодом, смыслом, геном, инструкцией по выстраиванию коммуникаций) и претендовала (в споре с политическими коммуникациями) на то, чтобы репрезентировать всю систему общества целиком (скажем, в эпоху спора об инвеституре). Другими словами, если сейчас бездоказательная, слепая вера маркируется (наблюдателем второго порядка — главным

образом, наукой) негативным значением кода истины (как ложное или, по крайней мере, как бессмысленное, ненаучное знание), можно ли представить себе, что в результате эволюции возникнет система коммуникации, код который будет и истину маркировать аналогично? Утверждение о невероятности такой эволюции ничего не добавляет: ведь с точки зрения статистики любой результат эволюции является в высшей степени невероятным.

Существуют ли гены социальной эволюции?

В биологии парадокс эволюции состоит в том, что эволюционируют машины выживания, а не те, кто их задействовал, т.е. мельчайшие фрагменты хромосомы, гены. Что же остается «неизменным» в социальной эволюции?

Докинз полагает, что «новый бульон — это бульон человеческой культуры», генами которой являются мимы: «мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок»... Подобно тому, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, так и мимы распространяются, переходя из одного мозга в другой, с помощью процесса ...имитации»⁴⁵.

Что же в социальной эволюции остается неизменным, а лишь меняет свои конфигурации, сочетания? И есть ли в самих мимах те самые механизмы репликации, каковыми в генах оказываются средства синтеза белковых структур? Если Докинз видит этот механизм в *имитации*, то Луман именно в *воспроизводстве коммуникации*, т.е. в подсоединении друг к другу коммуникаций, ориентированных на общий символ-слово-ожидание, усматривает процесс, аналогичный генетической репликации.

При этом, видимо, *язык* следует рассматривать как аналогичный генофонду мимифонд. Язык понимается как неопределенная среда, которая — в его конкретных реализациях в каждом коммуникативном акте — получает определение (форму) по отношению к языку в целом. Слова языка и связанные с ними ожидания (суммы смыслов) некоторым образом аналогичны устойчивым комбинациям нуклеотидов, определяющим конструирование соответствующих белковых тел.

Вербализованные (а в конечном счете записанные) смыслы или смысловые ожидания и являются собственно генами коммуникации. Ожидания не следует понимать как психическую запрограммированность на определенное событие типа *B* в случае события

типа А. Ожидания, или смысловые ожидания, это сумма возможных отнесений, референций ко всему, что может быть произнесено в коммуникации. Такое понимание слов языка как кластеров возможных отнесений (возможных смыслов и возможных способов употребления), конденсирующихся в некоторое множество символических генерализаций или кодов коммуникации, избавляет нас от проблемы некорпускулярности мимов в смысле Докинза и непрерывности мутирования: ведь в противном случае (если под мимами понимать всю широту культурных феноменов, «мелодии, идеи, модные словечки» и т.д.), передача мимов была бы сопряжена с непрерывным мутированием, поскольку каждая идея, всякий культурный феномен при его обсуждении предстает в той или иной редакции или интерпретации, а следовательно, как раз и не обладает собственным значением.

Репликация — это воспроизводство смысла в коммуникации, или точнее, воспроизводство коммуникаций, ориентированных на общий смысл. Следует отказаться от понимания генетических единиц культуры как бесконечно дробящихся (скажем, симфоний — на музыкальные фразы, последние — на отдельные ноты и т.д.). Более удачным представляется понятие *медиума, среды, variety pool* — слабо связанных элементов, слов языка, как потенциала возможностей, из которого выкристаллизовываются, скажем, конкретные предложения, как раз и конструирующиеся благодаря этому смыслу. Слово языка, в силу вытекающего из него — широкого, но все-таки всегда ограниченного — множества возможных отнесений, множества возможных употреблений, — представляет собой аналог гена или генного комплекса. Смысл — это то, что ограничивает и канализирует коммуникацию, сводит ее в системную последовательность выражений.

Докинз полагал, что мимы нельзя понимать как культурный аналог гена, допускающий взаимозамену своих фрагментов фрагментами-конкурентами, своего рода аллелями. Если же обращаться к лумановской интерпретации социальной эволюции, можно говорить о смысловых матрицах культуры, где именно *отрицание*, возможность сказать *нет* тому или иному смыслу, выступает в качестве такого *аналога аллеля*. При этом отрицание не уничтожает, а умножает, по крайней мере удваивает, любое положение дел, давая ему еще и отрицательную редакцию, переводя его в культурно рецессивную стадию, но всегда готовую (в случае затребования в той или иной коммуникации) к актуализации, пусть даже и в контексте отрицания, как рефлексивное значение, т.е. как необходимое знание того, что не следует делать или знать.

Языковое отрицание — главное эволюционное достижение

Дистанционным восприятием дистанционного восприятия живые системы расширяют свой аппарат чувств. И это — одно из начал коммуникации. Олень видит, как вспархивает птица и «понимает», что ее вспугнула какая-то опасность. В этом восприятии чужого восприятия лежит мощное эволюционное преимущество. Такое восприятие восприятия можно понимать как животную «коммуникацию».

От такого «общения-восприятия» эволюция привела к возникновению языка. Эволюционное преимущество языка состоит в том, что он сделал более четким различие между формами сообщения и выражаемой им информацией. Луман приводит пример: хозяйка сама ест пригоревшую пищу (сообщение), тем самым указывая, что пища вполне пригодна для еды (информация). Тот факт, что подобное поведение является сообщением, невозможно уточнить невербальными средствами. Оно всегда может оказаться не осмысленным сообщением адресату факта съедобности, а естественным отпращиванием потребностей. Невербальная коммуникация (т.е. восприятие восприятия) не позволяет удостовериться (скажем, в форме вопроса) в — фундаментальном для коммуникации — различении сообщения и информации.

Главное эволюционное преимущество языка перед невербальной коммуникацией (т.е. восприятием восприятия) состоит, таким образом, в том, что он сделал возможным различие сообщения и информации и при этом, в силу своей «свободной» грамматики, оставлял открытым будущее: ведь последовательности слов жестко не фиксируются.

Мир увиденного и мир проговоренного отличны по степени абстрактности. Мир проговоренного требует больше времени для своего представления в коммуникации, а значит, должен быть более абстрактным, чтобы охватить или пробежать в одном выражении множество конкретных ситуаций. Осваивая время (будущее и прошлое), мы платим за это большей вербальной абстрактностью. И только благодаря этому язык создает огромные фиктивные миры — горизонты событий: массивы еще-не-воспринимаемого и уже-не-воспринимаемого, а значит — ошибки, а значит — и научение через ошибки. Коммуникация же, основанная на восприятии чужого восприятия, всегда осуществляется в конкретном многообразии одновременно обозреваемого и воспринимаемого. Она не допускает научения, поскольку не допускает ошибок, отрицания и, следовательно, создания фиктивных или возможных миров. Ведь все, что воспринимается, то и существует. А существует только то, что воспринимается.

Фундаментальным эволюционным достижением стало *изобретение отрицания*. Его необходимость состояла в наведении мостов с нормальностью, нормализации необычного. В форме отрицания можно иметь дело с неожиданным, невероятным, оно делает возможным справиться с разочарованием в ожиданиях. Вообще, введение именно коммуникативного, т.е. языкового, отрицания явилось переходом от отрицания поведенческого (движения *от* и *по направлению к* добыче, партнеру, опасности).

Отрицание и язык взаимно обуславливали друг друга. Бинарное кодирование делает возможным бифуркацию коммуникации — т.е. ее распределение по значениям *да* и *нет*, а значит, выстраивание системы позитивных элементов системы, т.е. подходящих к той или иной ситуации коммуникаций, в то время как все, что не принималось, отклонялось как чуждое, неподходящее для обсуждения в коммуникации, все-таки в этом негативном виде тематизировалось и могло быть отложено на потом. Отрицание стало способом бытия рискованной, опасной коммуникации. Но чтобы отрицание заработало на полную мощь своей функции, потребовалась письменность, выводившая рискованные и невероятные формы коммуникации из-под временного давления и временного дефицита устной коммуникации — интеракции.

В контексте всего сказанного можно попытаться прояснить одну из проблем социальной эволюции, заставлявшую исследователей отказываться от понимания социального развития как эволюции. Речь идет о проблеме свойственного живым системам так называемого «узкого горла» эволюции, что, как представлялось, не находило своего подтверждения применительно к социуму. Как известно, у живых систем есть два способа репликации — рост и размножение. В случае размножения новый организм «происходит» из одной-единственной клетки («узкогорловый цикл»), например, из оплодотворенной яйцеклетки.

Если ставить этот вопрос применительно к социальной эволюции, возникает проблема: как осуществляется эволюция в обществе? Свойственен ли обществу кумулятивный рост, скажем, все большее обогащение традиции культурными достижениями, их трансляция и диффузия (биологической аналогией здесь может служить ильмовый лес, представляющий собой растущий, единый и бессмертный организм) или общество «размножается» через селекцию вариаций из генотипа-мимифонда, через селекцию, подкрепленную и стабилизовавшуюся вследствие возникновения обособленных систем коммуникации?

Благодаря «узкогорловому циклу» и смерти живой организм наследует только гены, т.е. «программы конструкции своих машин выживания», а не прижизненные вариации предков. Тогда возникает вопрос, есть ли такое «узкое горлышко» в эволюции социальных систем (их смерть и наследование программы с возможностью ее мутирования). Понимание под *социальными генами* генерализированных языковых символов-ожиданий в качестве программ-инструкций по выстраиванию систем коммуникаций как своего рода фенотипов дает возможность рассматривать именно *тексты* (особенно письменные и печатные, но отчасти и устные) как «узкое горло» социальной эволюции. Именно — всегда системно-специфический — процесс производства текстов из текстов в ходе коммуникации выступает аналогом «узкогорлового цикла» эволюции. Приводя приблизительную метафору, можно сказать, что подобно тому, как живые системы рождаются или реплицируются из клетки, социальные системы рождаются или реплицируются из слова (генерализированного символа, концентрирующего вокруг себя программы-инструкции по конструированию коммуникации, т.е. специальные тексты).

Заключение: теория эволюции Н.Лумана как ответ на вызовы со стороны антидарвинизма

Вызовы системной теории, как и следовало ожидать, формулируются ее главным оппонентом — индивидуалистской, или «гуманистической», парадигмой теории общества, понимаемого как совокупность индивидов. В эволюционном контексте такое общество обычно сравнивалось с биологической популяцией. Другим вариантом того же подхода является «организмическая метафора социального», утверждающая наличие аналогии между обществами и организмами⁴⁶.

При этом эволюция общества и культуры осуществляется, как полагают сторонники индивидуалистического подхода, не благодаря механизмам, функционально-аналогичным процессам размножения (т.е. через «узкогорловый» цикл), а в процессе «широкой» трансляции информации, т.е. через культурную и социальную диффузию, передачу опыта от одной социальной единицы (племени, общества, института, индивида) к другой.

Теория Лумана, отказавшаяся от «организмической» метафоры, «возвращает» социальной эволюции ее *общеэволюционное* свойство — способность репликации (коммуникаций).

Вызов первый: в то время как эволюцию живых систем определяет конкуренция, в обществе господствует кооперация.

По мнению Джулиана Хаксли⁴⁷, в понимании социальной эволюции возникает фундаментальная трудность. Ведь общество является одновременно и *soma* (телом, фенотипом, механизмом самосохранения) и *гермоплазмом* (механизмом репродукции, трансмиссии). В обществе будто бы нет разделения на бессмертное и смертное, филогенез и онтогенез совпадают. Применительно к обществу, согласно Хаксли, оказывается бессмысленной модель генного пула, в котором та или иная «более приспособленная» характеристика социальных систем статистически встречается более часто.

Поэтому-то «базовые единицы наследования» или социальной репродукции, сопоставимые с геном, оказываются ненужными; «единиц отбора» будто бы не существует. Из того факта, что общество не воспроизводит себя «узкогорловым» способом (т.е. через смерть и новое рождение и конструирование «по генетической инструкции»), выводится то, что «дифференциальная частота» той или иной социальной характеристики не выражает степень «приспособленности», «фитнеса». В социальных структурах будто бы нет возможности выявить часто встречающиеся и поэтому «более эффективные» структурные характеристики.

Иными словами, аргументом в пользу *несоизмеримости биологической и социально-культурной эволюции* является то, что относительная частота тех или иных слов, понятий, форм культуры и социальной вообще не свидетельствует об их соответственно большей конкурентоспособности и большей адаптивности.

И действительно, кажется убедительным антидарвинистское утверждение, что *частота и приспособленность* в социуме не являются коррелирующими величинами, как это имеет место применительно к живым системам. «Генералов меньше, чем рядовых», но значит ли это, что последние более приспособлены и со временем совсем «вытеснят» генералов?

Таким образом, утверждается, что общество живет не за счет конкуренции между более эффективным (=учащающимся) и менее эффективным (=все более редким), заканчивающейся затуханием последнего, а за счет — эмпирически фиксируемой — кооперации. Факт кооперации, согласно такому подходу, будто бы оказывается решающей фальсификацией дарвинистской теории в ее приложении к социуму. Но не только люди как элементы социума кооперируют друг с другом. И культурные артефакты (впрочем, как и люди) согласно этому подходу одновременно конкурируют и кооперируют (шариковая и перьевая ручки конкурируют между собой, но «кооперируют» с пергаментом и бумагой).

В русле этого подхода критикует дарвинизм и известный представитель генетической эпистемологии пиажеанец Холпайк. Общество, утверждает он, изменяет свой внешний мир, который соответственно не может быть внешним *селекционирующим механизмом*, а представлен другими «обучающими» и «кооперирующими» обществами. Поэтому селекция как таковая не может быть обособленным эволюционным процессом.

Исходя из этого аргумента (отсутствие «враждебного» внешнемирового давления на эволюционно-неудачные вариации и как следствие — естественного отбора), можно отказаться от неodarвинистского эволюционизма, как это делает Холпайк, но можно обратиться и к аргументации Лумана, признающего данные факты, но делающего другой вывод. Ведущая дифференция *система*(=общество)/*внешний мир* сохраняется, но под «внешним миром» понимается не все социальное окружение (оно как раз является внутренним внешним миром для подсистем общества), а живые системы (биологические организмы) и сознание человека (системы переживаний). Из аргументации, приводимой Холпайком, вытекает лишь факт наличия мирового общества и его неспособность вырваться за пределы своих границ, а вовсе не отказ от разделения эволюционных функций на варьирование, селекцию и стабилизацию коммуникаций.

В основе аргументации Холпайка лежит принцип, согласно которому все, что, с одной аналитической точки зрения, конкурирует, с другой аналитической точки зрения, кооперирует. И что же тогда подвергается *внешнемировой* селекции? Что является аналогом организма, отличного от среды, т.е. от внешнего мира, осуществляющего селекцию? С точки зрения Холпайка, все социальные институты и культурные артефакты словно «размазаны» по всему внешнему миру общества, *совпадают* с ним во всем его объеме. Холпайк аргументирует следующим образом: «С некоторой точки зрения паровой двигатель может рассматриваться как новый тип организма, конкурирующий с другими типами организмов, такими как водяной привод и «животный» привод. Но общество (как его среда), в котором он (паровой двигатель) получил распространение, в свою очередь, было глубочайшим образом им модифицировано, поскольку последний обеспечил передвижение по суше и по морю, удобный и дешевый источник энергии для фабрик, которые размещаются повсеместно. Итак, социальные воздействия парового двигателя могут быть поняты только через анализ экономической, социальной и технологической организации тотальности общества»⁴⁸.

Дарвинист же, по мнению Холпайка, пытается объяснить социальную эволюцию, задавая вопрос о том, «почему данное изменение оказалось успешным?» и измеряет этот успех в терминах относительной частоты инновации. По Холпайку, подлинная проблема коренится в — бессмысленном для дарвиниста — вопросе о том, «что является результатом воздействия этого изменения на всю остальную социальную систему в целом».

Но, повторимся, это опять-таки доказывает, что «общество» не является внешним миром культурных артефактов, мировое общество действительно, в свою очередь, является социальной системой, *внутренним* внешним миром других социальных систем, отличным от таких действительно внешних миров социальных систем, каковым являются системы сознания и живые системы⁴⁹. Отношение между обществом и его внешним миром не являются, по Луману, отношениями приспособления одного к другому. Ведь Луман придерживается общеэволюционного подхода к адаптации и утверждает, что культурная и социальная эволюция вовсе не состоит в достижении более совершенной приспособленности организма (или лучшего адаптирования внешнего мира). Это было давно признано биологами⁵⁰ и переносится Луманом на почву социальной и культурной эволюции. Конкурируют возможные подсоединяющиеся коммуникации, а ее эволюционно-неудачные формы отклоняются. Критерии же селекции одних коммуникаций и отклонения других являются внутрисистемными достижениями.

Вызов второй: социальные изменения не являются случайными, эволюция имеет направление.

Противники дарвинизма настаивают на том, что социальная изменчивость, вариации не являются аналогом мутаций в силу их неслучайного, *целенаправленного, организованного, планируемого, интенционального* характера. Между тем мутация как базовый источник изменчивости, варьирования в живых системах является случайной. В обществе *изобретение* (целевое, ответственное, допускающее диффузию) как фактор социальной изменчивости и варьирования является продуктом культурной традиции, а следовательно, по мнению противников дарвинизма, не может быть социальным аналогом случайной животной мутации.

В ответ на это Луман, с присущей ему софистичностью, указывает, что цели и интенции могут быть и неслучайными, но вот их основания таковыми не являются: «Во-первых, основа для формирования интенций, как правило, если не всегда, оказывается отклонением от укоренившейся рутины (следовательно, никак не является

спонтанно возникающим самоосуществлением Духа); оно само, таким образом, является результатом эволюции. И, кроме того, будущее не ориентируется на интенции, а вбирает в себя лишь интенционально произведенные факты как исходный пункт дальнейшей эволюции. Итак, эволюционная теория полагает (и это не так уж далеко от реальности), что планирование не способно определить то, в каком состоянии окажется система в результате планирования. Соответственно планирование, если оно имеет место, являет собой момент эволюции, ведь уже одно наблюдение моделей и добрых намерений планирующих ведет систему по непредсказуемому курсу. Теория эволюции могла бы по этому поводу высказаться следующим образом: то, какие структуры вытекают из планирования, определяется эволюцией»⁵¹.

Антидарвинистски ориентированные теоретики настаивают на том, что в отличие от слепых, безразличных к причинам и источникам их появления, *биологических* генных мутаций источники *социальных* инноваций чрезвычайно важны для становления и функционирования этих нововведений. Важно знать, *по какой причине* возникли железные орудия труда и централизованное государство, пришедшие на смену каменным орудиям и нецентрализованным племенным образованиям. Соответственно нельзя-де рассматривать изобретение и инновацию как случайные мутации. Холпайк критикует Кэмпбелла и Скиннера, утверждая, что человеческая мысль и определенные социальные обстоятельства являются неслучайными источниками изобретений.

Этот пункт заставляет усомниться в применимости дарвиновской схемы к социальной эволюции. Совместима ли *слепота культурных вариаций* с «сознательностью» изобретений? Действительно, возникает впечатление, будто вариации в обществе специально организуются в ответ на воздействие извне. Многие достижения эволюции можно, например, свести к общей культурной тенденции: к расширению подконтрольного обществу пространства. Тогда культурные достижения воплощают определенным образом направленное развитие, каждый этап которого вытекает из предыдущего. С этой точки зрения важнейшими шагами эволюции становятся все более адекватные пространственные представления, организация «действий на расстоянии»; в этом же контексте речь может идти и о выходе коммуникации за пределы интеракции, и об (изобретенном в Китае) огнестрельном оружии как дистанционном способе ведения войны, — впрочем, эту же общую тенденцию выражают самые гетерогенные феномены: от магии и путешествий до изобретения телефона и Ин-

тернета. И тогда действительно такие процессы, как указывает Холпайк, не являются случайными, а лежат в контексте этого постепенного завоевания и освоения пространства (в том числе и весьма неадекватными средствами алхимии и галлюциногенов).

Такой отказ от случайного понимания варьирования помогает решить другую проблему — многообразия культурных черт и дефицита социального времени, недостаточного для «опробования» различных сочетаний культурных характеристик и форм социальности. «Сознательность» изобретения якобы обуславливает более эффективную возможность синтеза многообразия самых гетерогенных культурных черт в некоторое единство. (Особо об этой проблеме — в следующем пункте.) Тогда изобретение огнестрельного оружия стало результатом синтеза алхимически и магически культивируемого в Китае огня и дыма, как и свойственной для китайской ментальности идеологии «воздействия на расстоянии», факта произрастания бамбука как прообраза металлического дула, а также развитой металлургии. Таким образом, целенаправленное *мышление* обеспечивает такое варьирование, при котором селекция (в свою очередь, «сознательная») осуществляется уже не между *бесчисленными* и *случайными, независимыми друг от друга* гетерогенными культурными достижениями, а между синтетическими комплексами, вбирающими в себя и синтезирующими это многообразие.

Все это позволяет некоторым эволюционистам утверждать, что в социальной эволюции *нет жесткого различия между варьированием и отбором*, как это имеет место в органической эволюции. Поскольку социальные инновации изначально конструируются индивидами, последние не привносят инновации из вакуума, считает Холпайк. Вариации сознательно организуются индивидами «ради» их последующей селекции, целенаправленного отбора, а следовательно, варьирование и селекция есть единый процесс⁵².

Луман, конечно же, горячо протестует против такой «гуманистической» интерпретации эволюции: «Условие варьирования лежит в многообразии, а не в возможности того, что среди большого числа индивидов с достаточной вероятностью появляются и экземпляры, выделяющиеся особенной инновативностью»⁵³.

Антидарвинист может указать на то, что то или иное изобретение (к примеру, изобретение атомной бомбы) было *сознательно организовано*. Луман бы ответил на это, указав, что причины появления эволюционных достижений (варьирование) — одни, а функции (фактор их отбора) — другие. Причиной создания ядерного оружия могло быть стремление к достижению мирового господст-

ва (или, по крайней мере, обеспечения доминирования в мировой политике), в то время как функция этого оружия (и соответственно причина селекции научных коммуникаций вокруг этой научной тематики) оказалась прямо противоположной, а именно — функция взаимного сдерживания, как раз исключающая такого рода (полное) доминирование в мировой политике. Случайность, таким образом, понимается не как независимый от обстоятельств характер появления нового события, а как независимость *источника появления нового* относительно той функции, которую однажды возникшая вариация будет играть в будущем, в случае ее селекции. Ведь именно функция (=устойчивость символически-замкнутых самообращенных коммуникаций), а вовсе не причина появления нового определяет его возможную дальнейшую селекцию. *Вариации* (новые отклонения коммуникаций) не должны быть ответом на внешние воздействия, вытекать из прежнего опыта, быть следствием научения.

Вызов третий: дефицит времени на опробование возможных комбинаций.

Антидарвинисты полагают, что серьезной трудностью для эволюционного подхода к социуму является гигантское число возможных комбинаций его варьирующихся свойств. Так Мердок⁵⁴ приводит 571 базовую социальную характеристику общества (оружие, терминология родства, брачное поселение, этноботаника, законосообразные нормы, забота о детях и т.д.). Каждая черта несет в себе огромное число ее возможных вариаций. Так брачное поселение может быть амбилокальным, билокальным, матрилокальным, патрилокальным, вирилокальным, неолокальным и т.д. Общее число комбинаций достигает 10 в 143-ей степени⁵⁵. Эта трудность не возникает в применении дарвинизма к живым системам в силу гигантского числа биологических организмов, их популяций и поколений, в силу достаточного времени для эволюции всего многообразия живых систем. Между тем *социальная* эволюция началась сравнительно недавно, и число обществ (как бы их ни определять) никогда не было настолько велико, чтобы исчезать и появляться с частотой биологических популяций в зависимости от успешного или неуспешного отбора. Поэтому общества якобы не способны исчерпать или хотя бы приблизиться к сколько-нибудь полному воплощению возможных комбинаций социальных и культурных черт. И если принять факт — эмпирически фиксируемого — незначительного числа обществ, то придется предполагать высочайшую скорость варьирования и мощнейшее селекционное давление.

Именно в этой связи надо, например, понимать заявление Д.Кэмпбелла о нерелевантности «внешнего» (=естественного) отбора. В обществах «успевает» состояться лишь частичная «случайная перетасовка» вариантов, причем варьирование никак не зависит от внешнемировых условий (от селекции), и в процессе «проб и ошибок» из последних ничему нельзя научиться.

Но в то же время очевидно, что представлению о «случайной перетасовке» явно противоречит, например, тот эмпирический факт, что торговля и военное дело, деньги и транспорт, ремесло и земледелие возникают независимо в различных регионах, что противоречит тезису «рэндомного» варьирования. Такая инвариантность социальных достижений при «рэндомном» варьировании представляется невероятной.

Перечисленные трудности в применении неодарвинизма к социуму решаются Луманом посредством перемещения уровня эволюции — от эволюции индивидуальных, культурных и социальных характеристик тех или иных обществ (все возможные комбинации свойств и форм которых действительно не могут быть «проигранными» сколько-нибудь полно) к эволюции более глубокого уровня. В сущности, в этом и состоит лумановский подход. «Фенотипами», т.е. воплощениями эволюции генов, выступают общества или общество. Но если под обществом понимать последовательности коммуникации, то проблема дефицита времени на опробование социальных событий снимается. Очевидно, что коммуникации и их «пробные отклонения» осуществляются в неизмеримом количестве.

Но что же тогда в обществе варьируется «на более глубоком», *генетическом* уровне? В претендентах на роль социальных генов никогда не было недостатка. Многочисленные неодарвинисты предлагали на эту роль то самореплицирующиеся *образы памяти* (Блюм⁵⁶), то *идеи* (Боулдинг⁵⁷), то *инструкции* (Клоук⁵⁸), а также *мимы* (Р.Докинз). Но все эти «гены» все-таки оставались соразмерными сознанию человека⁵⁹, в котором они будто бы «хранятся» или как-то «локализируются».

Впрочем, в одном все перечисленные эволюционисты согласны: конкурируют не люди или организмы, обладающие или реализующие «инструкции», мимы, идеи, концепты; конкурируют сами инструкции или программы конструирования этих людей, организмов и, в случае общества, социальных систем. Луман скорее следует подходам Клоука и Докинза. Объектом трансляции являлся не *образ сознания*, а правило, инструкция, программа конструирования, алгоритм, текст. Текст в этом смысле действительно является генетической единицей, причем для своего воспроизводства и трансформации в дру-

гие тексты он словно задействует сознание своих «создателей», скажем, ученых, литераторов, производящих новые тексты, исходя из текстов прочитанных.

* * *

Обобщим сказанное. У Лумана роль культурного генофонда (аналогичного генофонду живых систем), видимо, играет язык как слабосвязанная среда, в которой в *неактуальном*, не востребованном виде способны существовать конкуренты *уже актуализировавшихся* выражений, что напоминает отношение актуализированных генов и их конкурентов за место в хромосомах — аллелей. Язык сам по себе ведь структурирован очень слабо, лишь грамматически, что не определяет однозначно актуальную выборку тех или иных слов или выражений в какой-то данной ситуации.

Эта слабая структурированность социально-культурного генофонда (в нашем случае языка) является не препятствием на пути эволюции (Холпайк⁶⁰), а, наоборот — существенным эволюционным преимуществом, оставляющим открытое будущее: пространство дальнейшей эволюции. (Впрочем, в первобытных языках все было несколько иначе. Говорить в определенных ситуациях следовало «высоким языком», однозначно определенными текстами, где каждое выражение предполагало подсоединение строго определенного следующего выражения.)

Проблема, которая возникает при интерпретации языка как генетического пула варьирующих элементов, находится лишь в мнимом противоречии с вытекающим из дарвинизма представлением о том, что варьирования (мутации) должны быть слепыми, в то время как выражения, тексты целенаправленно придумываются, а зачастую и весьма тщательно продумываются. Ведь мутируют, подвергаются варьированию, а затем и селекции, не «краткие» выражения, слова языка, фонемы и т.д., а их сочетания. Здесь довольно очевидной является аналогия с генами живых систем: чем «компактнее» указанные языковые единицы, тем больше у них шансов «выжить». Самые компактные элементы языка в каком-то смысле вечны или, по крайней мере, чрезвычайно устойчивы.

Мутируют, таким образом, не просто элементы языка, а генетические структуры коммуникаций, смысловые ожидания, т.е. задаваемые речевым актом комплексы референций. Если я произношу «А» (слово, предложение и т.д.), следует (ожидать), что произнесут и «Б». В обще-

стве реплицируются смыслы, ожидания, т.е. сгущения коммуникаций или сгущения языка, устойчиво повторяющиеся в сравнительно различающихся ситуациях. Каждое произнесенное слово, скажем, «дерево» — это уже и есть ожидание, указание на возможные его употребления, на возможные свойства реферируемого объекта (тенистая крона, возможность построить деревянную лодку). Любой названный словом объект — это сумма ставших устойчивыми коммуникаций по его поводу, задаваемых ожиданиями, связанными с его названием.

Интерпретация языка как генофонда позволяет уточнить понятие *варьирования*. Варьирование — это такая (отклонившаяся от того, что прежде казалось естественным и самопонятным) актуализация слов, которая задает какое-то одно из возможных отнесений (скажем, «дерево» как деревянное изделие). Будучи отобранным, такое выражение становится устойчивым, а может быть и основным, ожиданием, связанным с данным словом. Появление нового смысла (скажем, коннотация «деревянное»), конденсация в нем всех возможных конкретных ситуаций (скажем, ситуаций, когда мы имеем дело с чем-то деревянным) и является селегированной вариацией. Очевидно, что для селекции такого смысла (т.е. отнесения к другому) слова «дерево», его превращения в новое, самостоятельное *ожидание* нужны были соответствующие условия.

Селекция вариации есть *формирование ожиданий* — *структур коммуникации*. Такое превращение требует повторных произнесений, репликации в сходных контекстах, повторяющихся коммуникаций (например, коммуникаций по поводу производства деревянных предметов). Вариация — это начальное, случайное появление нового, отклоняющегося, *неожиданного* коммуникативного смысла слова, который затем может быть отобран, а впоследствии и закреплён, если применяющие это слово коммуникации получают *системно-воспроизводящийся характер* (скажем, если возникнет специальное ремесло по деревообработке и производству деревянных изделий). Тогда становится очевидным, что эволюционная *стабилизация* ожиданий или структур систем коммуникаций возможна лишь как следствие общественной дифференциации, разделения труда. Новые языковые сочетания (скажем, «деревянная лодка», «деревянный дом») суть генетические комплексы, рождающие как бы фенотипические образования: системы коммуникаций, выстраивающиеся вокруг запускаемых новым словом или новым смыслом (новым генным комплексом) ожиданий.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТИНЫ КАК МЕДИУМА КОММУНИКАЦИИ*

Тот факт, что социология и теория социальных систем может быть релевантной для исследования онтологических или теоретико-познавательных категорий, кажется несколько необычным. Однако в основании современной системно-теоретической парадигмы в социальных науках, ведущим представителем которой как раз и является Никлас Луман, действительно положена весьма своеобразная концепция истины.

Исходным пунктом этой системно ориентированной эпистемологии стало положение о том, что социология имеет предметом (наблюдает) все общественные коммуникации, в том числе и те, что протекают в области философских и научных дискуссий. Социология поэтому не только вынуждена выявлять содержания последних, но даже способна «увидеть» больше, нежели эксплицитно выражено в них самих. Многие социологи, среди которых можно назвать А.Шюца, Т.Лукмана, Н.Элиаса, считали, что социология должна воспроизводить процессы конструирования знания. Несколько иной подход предлагает Луман, требующий экспликации, скорее, «средств» конструкции знания, так называемых «генерализированных символических кодов» или медиа коммуникации, осуществляющих отбор *принадлежащего* системе (т.е. тематизирующегося в ходе коммуникации) знания. Эти *медиа-коммуникации*, в числе которых представители системно-коммуникативного подхода называют власть, истину, пра-

* Работа осуществлена при поддержке РГНФ в рамках гранта «Конструктивистская парадигма в эпистемологии» № 05-03-08244а.

во, искусство, собственность, деньги, любовь, не рефлексированы в наблюдаемых социологией коммуникациях. Они задействуются как бы исподволь, служа разграничителями между знанием, релевантными для обсуждения в рамках коммуникативной системы, и иррелевантным для нее.

Истина как раз и допускает интерпретацию в качестве такого «символического кода» как средства конструкции и селекции достоверного знания в рамках социальной системы науки.

Теории истины выстраивались в прошлом столетии на базе разных теорий, но странным образом, несмотря на различность своих оснований — все они согласуются в своих общих чертах и не могут избежать того, чтобы привлечь в той или иной, более или менее эксплицитной форме *теорию наблюдения* или *теорию коммуникации*. Так Патнем в книге «Разум, истина, история»⁶¹ показывает, что, если согласиться с корреспондентской теорией, возникнет чересчур много соответствий. Если же допустить наличие единственной подлинно истинной теории, своего рода «божественной точки зрения», то, следуя геделевской логике, другие, противоречащие друг другу теории, могут оказаться истинными с точки зрения указанной подлинно-истинной теории. По мнению Патнема, не существует «внешней реалистически-метафизической позиции», которая гарантировала бы знание истины. Подобно другим исследователям Патнем занимает позицию «*внутреннего реализма*», то есть понимает *истину* как «идеализацию рациональной акцептированности», т.е. зависимость суждений от методологических приемов, оценок, теоретически обоснованных типизаций и классификаций, причем условия такой акцептации истинностных суждений могут меняться во *времени* и зависеть от ученого, а в конечном счете от культурного сообщества. Очевидно, Патнем существенно приблизился к пониманию истины как коммуникативного консенсуса.

Почти все исследователи сходятся в том, что истина не может быть трансцендентальной, что у нее нет независимого, вне-общественного или вне-человеческого критерия, отсутствует абсолютная, удостоверяющая инстанция или критерий истины. При наличии серьезных разногласий все также соглашаются с тем, что классическая корреспондентская схема в целом неприемлема и неплодотворна для теории познания, поскольку предполагает наличие *константного* и непосредственно-доступного *внешнего мира*. Ибо то, что «интерпретируется» в качестве «внешнего», является лишь одной из интерпретаций или конструкций, оказывается следствием схематизации, разделяющей внутрисистемные события на внутренние и *как бы* внеш-

ние. Однако схема *внутреннее/внешнее* — внутреннее порождение самой наблюдающей инстанции, и именно поэтому *действительно внешний* мир по самому своему определению является когнитивно-недоступным.

Конструктивизму в версии, предложенной Луманом, наиболее близко куайновское понимание истины. Куайн⁶² говорит уже не об истинности знания, а о его объективности, точнее об особом «пути объективности», двигаясь по которому мы лишь по видимости выходим за пределы индивидуального восприятия, лишь конструируем все большую объективность. В качестве внешней или квази-внешней реальности у Куайна выступает квантифицированный поток раздражений (первый полюс). Правда, эта реальность, в свою очередь, всего лишь теоретический конструкт. Воспринимаемые предметы (ядра «конденсации» раздражений в памяти) образуются благодаря речевым конструкциям, словам (второй полюс). Между этими полюсами и разворачивается движение по «пути к объективности». Так высказывание «О!» является адекватным (соответствующим «реальности», квази-истинным), если сопряжено с болевым ощущением и соответствующим выражением на лице. Но этот способ удостоверения «адекватности» такого рода выражения оказывается, согласно Куайну, результатом «общественной дрессировки», ибо общество своими санкциями и поощрениями дрессирует отдельного индивида, учит его «соединять» или проводить соответствие между (скрытым для других) ощущением и соответствующим высказыванием «О!». Эта же общественная легитимация проявляется и на следующем шаге по «пути объективности». Если человек видит красное и говорит «красное», то некоторый наблюдатель способен констатировать соответствие между словом «красное» и «ощущением воздействия соответствующих световых волн на сетчатке наблюдаемого». Однако этот *второй наблюдатель* осуществляет «замкнутые», внутренние наблюдения, поскольку в действительности он обращается к себе, поскольку красный свет он воспринимает на *своей собственной* сетчатке, и лишь *конструирует* аналогию по отношению к наблюдаемому индивиду.

О гипотетическом *движении к объективности* говорится постольку, поскольку «источник раздражения» (воспринимаемое красное) в отличие от болевого ощущения, объективированного в высказывании «О!», словно *открыт* для наблюдения. Максимальная же объективность характерна для слов-понятий, высвобождающихся из-под давления непосредственного восприятия. Так слово «квадрат» употребляется и при восприятии самих по себе неквадратных проекций на сетчатку. Ведь «подлинный», неискаженный квадрат может быть

воспринят лишь из одной позиции, а во всех остальных случаях предстает как неправильный четырехугольник. Слово, таким образом, «освобождается» от своих чувственных сопровождений. Понятия «откладываются» во времени. Это означает примерно следующее: мы исходим из предпосылки, что нечто *в-данный-момент-не-квадратное* может оказаться и обязательно окажется квадратным *в будущем*, как только мы займем соответствующую позицию. И поэтому уже *сейчас* это нечто является квадратным.

Слово, таким образом, оказывается *средством редукции комплексности* потока восприятия в ситуации ограниченности пространственных и временных ресурсов. Люди не могут одновременно занять одну и ту же позицию «перед квадратом», а могут это делать лишь последовательно, и для экономии конструируют квадратное из неквадратного посредством слов. «Путь к объективности» — есть путь от чувственных раздражений к словам — как переменным естественного языка, которые словно «пробегают» все возможные, принципиально бесконечные и текучие компоненты восприятия. Слово в этом смысле — средство доступа ко времени прошлому и будущему, поскольку сами по себе чувственные сопровождения слова, обозначаемые словами чувственные объекты восприятия не способны стабилизироваться, конденсироваться, синтезироваться и *отлагаться во времени*, если не находят опору в словах, обладающих наивысшей синтезирующей и стабилизирующей силой.

Здесь Куайн подходит к важной конструктивистской идее, впоследствии всерьез занимавшей Н.Лумана. Речь идет о том, что вербальная коммуникация с ее генерализированными медиа, функцию которых может в принципе играть любое слово, сделало возможным конструирование прошлого и будущего, возникновение *времени*.

Генезис истины: истина и письменность

Истина рассматривается в теории социальных систем Н.Лумана, прежде всего, как символ, как обозначение некоторого знания. Несмотря на тривиальность такого определения, из него вытекают некоторые неожиданные следствия. Если истина имеет символическую, референциальную природу, то ее «укоренение» в обществе, превращение в своего рода языковой «институт», освобождение от сиюминутности и мгновенности, свойственных не-письменным языковым выражениям и вообще всему «незаписанному» знанию, стало возможным лишь с изобретением письменности:

«Возможность различать между знанием и истиной является поздним продуктом эволюции. Истина символизирует проверяемость знания. Развитие этой символики по всей вероятности предполагает изобретение письменности, что сделало возможным занять по отношению к текстам, представляющим некоторое знание, — внешнюю позицию и, следовательно, проверить их на проверяемость (Geprueftsein pruefen)»⁶³.

Попробуем проинтерпретировать приведенную цитату. В устной беседе (в социальной системе интеракции, то есть среди непосредственно присутствующих лиц) было невозможно концентрироваться одновременно и на обсуждаемой теме, и на том, насколько достоверны высказываемые соображения, знания, убеждения. При этом само сомнение в примитивных обществах представлялось опасным и, как правило, не допускалось, ведь сомнение влекло за собой конфликты, преодолеть которые небольшие общества были не в состоянии. Очевидно, что всякое знание в дописьменных обществах полагалось как истинное знание. Для дифференциации знания и истины (т.е. проверенного, удостоверенного знания) требовался наблюдатель, не задействованный в конкретном диалоге, в конкретной системе интеракции, который бы словно сортировал высказывания и содержащиеся в нем знания на предмет их достоверности и обоснованности. Лишь в его наблюдениях знание и истина оказались бы отличными друг от друга реалиями. Точнее говоря, они предстали в виде наблюдения наблюдений.

Если прилагать эту абстрактную лумановскую понятийность к конкретному историческому материалу, то этот переход к наблюдению наблюдений, к отдифференциации истины от знания можно исторически зафиксировать у Парменида, в его различении истинных, всегда равных самим себе, а значит, неизменных, идей (неподвижного бытия), и изменчивых мнений (несуществующего небытия). Парменид впервые различил два «доступа» к реальности: истинный и мнимый (ложный). И именно к неподвижному, вечному, неделимому бытию должна, по мнению Парменида, обращаться наука. Тем самым Парменид провозглашает принцип замкнутости, закрытый характер научных наблюдений, неспособных увидеть того, что они не видят, т.е. небытия и изменений — «слепого пятна» научных наблюдений. Однако эта — гарантируемая истиной — замкнутость научных наблюдений, их сосредоточенность на неизменном, вечном осмыслена философом еще не до конца. Поэтому-то истинное знание в интерпретации Парменида требует внешнего гаранта, воплощением которого оказывается «справедливость». Истинности знания оказывается

недостаточно, чтобы обеспечить замкнутость научных операций и от-дифференциацию научных коммуникаций от остальных общественных коммуникаций. Богиня справедливости Дикэ выступает у Парменида таким принципом удостоверения истинного знания.

В процессе общественной дифференциации и истинностное обозначение знания теряет связь с другими формами его символического представления, с его обозначениями как «справедливое», «запретное», «приятное», «опасное», «женское», «старинное», «тайное», «запредельное» etc., свойственными дописменным обществам. И это обособление истины как результат появления особого, дистанцирующегося наблюдателя описывает Луман:

«Для непосредственного наблюдателя знание — всегда истинное знание, а в противоположном случае — вообще не знание. Ему известен лишь один вид знания. Для него и только для него высказывание «X существует» и «истинно, что X существует» логически эквивалентны. Если захотеть проверить, является ли его знание истинным знанием, нужно отойти и понаблюдать с дистанции, а именно с помощью различения истинное/ложное. Для этого наблюдателя второго порядка уже существует истинное и не-истинное знание. У наблюдателя первого порядка еще отсутствует возможность как-то обозначить неистинное знание. ...Лишь на уровне наблюдения второго порядка полностью вступает в свои права дифференциальный код истинное/неистинное, лишь на этом уровне может от-дифференцироваться система науки. Эта система все свои операции сводит затем к этому различению»⁶⁴.

Лишь наблюдатель наблюдателя может развести две части этого медиума, отделить истинное от знания. Если следовать Луману и согласиться с этим — в общем, довольно очевидным — пониманием отношения истины и знания, то приходится рассматривать вопрос об условиях такого дифференцирования знания и истины. Ведь мы интуитивно полагаем, что истина и знание не идентичны, что не все знание является истинным и именно поэтому вынуждены вводить фигуру второго наблюдателя, как особую релятивирующую инстанцию. Истинное для первого наблюдателя, может оказаться не-истинным для второго. Социальная дифференциация (т.е. появление особых наблюдателей, особых общественных ролей и даже особых систем коммуникаций с функцией наблюдения) оказывается таким образом условием различения истины и знания, но самое главное — причиной изначальной релятивности всякой истины.

Другими словами, истина в ее конструктивистской интерпретации теряет самостоятельный (третьейский, судящий) статус, превращаясь в функцию и следствие социальной дифференциации. Требо-

валось появление «пишущего» или записывающего наблюдателя (монаха, философа, ученого), выведенного из текущей, актуальной коммуникации, но наблюдающего и сортирующего все текущие актуальные высказывания посредством кода истина/ложь. Конечно, такого рода оценка в свою очередь является высказыванием, допускающим истинностную оценку, но парадоксальность и самореференциальность в данном случае как раз и исключаются именно посредством выведения наблюдателя из-под давления коммуникации, посредством социальной дифференциации. Он судит именно потому, что не боится, что его суждения тоже осудят (в обоих смыслах этого слова). Не исключено, что двоякая семантика слова судить как раз и отражает факт возможного интерактивного давления на высказывания, доставшегося нам в наследство от функционально недифференцированных обществ. Для конструирования знания в таких обществах имели значения другие способы символизации. Ими могли быть специфические различия «близкое/дальнее», «внешнее/внутреннее», «знакомое/незнакомое», «самопонятное/тайное», служившие для систематизации и концентрации даже и в более поздних обществах, прежде чем возник (от-дифференцировался) символический код истины.

Лумановский тезис о том, что для примерного (базового, основного, непосредственного) наблюдателя все его фактическое знание являлось истинным, следует в русле куайновского тезиса об отсутствии нетеоретического знания. Пусть под наблюдателем понимается одна из существующих теорий. Не ее дело приписывать своим предложениям предикаты истинности. В ней истинность и знания остаются столь же недифференцированными. Проблема истинности ее предложений возникает лишь в случае появления некоторой конкурирующей, словно мета-наблюдающей теории, утверждающей, что (некоторые) предложения первой являются ложными. «С точки зрения процесса образования теории все то, чему мы приписываем свойство «существовать реально» — есть наше установление, и реально существует, — именно с точки зрения этой новообразованной теории. Мы не хотим свысока смотреть на точку зрения теории как на заблуждение, ибо мы не в состоянии достичь чего-то большего, кроме того, чтобы занять позицию той или другой теории, — лучшей из тех, что могут быть предложены»⁶⁵.

Подведем итог. Для отдифференциации истины от знания ключевое значение имело появление письменности. Письменный текст, во-первых, дал возможность «отложить» решение о принятии и само

понимание (предложенного содержания) коммуникации, во-вторых, обеспечил генерализацию и типизацию прежде неповторимого, что сэкономило время на изучение и овладение конкретными ситуациями. Текст создал возможность отложить⁶⁶ понимание понятого, а значит, его переосмыслить, он сделал возможным сомнение, а то, в чем я сомневаюсь, уже нельзя однозначно характеризовать как то же самое, что я знаю. В конечном счете текст — или, точнее, письменная коммуникация, стал основой для дифференциации истины и знания. Письменность континуализировала коммуникацию во времени и пространстве.

Письменный текст выводится из-под давления системы интеракцией, то есть выходит за пределы простой беседы, физически в короткое время достижимого пространства коммуникации, для которой свойственны ожидания жесткой интеграции. Письменный текст может быть воспринят в разных интеракционных системах, а поэтому не обязан был зависеть от какой-то конкретной, со свойственной ей интеграционным давлением. Письменность становится поэтому условием от-дифференциации и других символов или медиумов, а не только истины. Параллельно истине от-дифференцируется символический код власти⁶⁷.

При понимании письменного текста возникает огромное число интерпретационных возможностей, требующих редукции их комплексности и выбора лишь одной. В простой беседе (в ее отличии от письменного текста) не так-то легко вернуться к ее началу и проверить ее на соответствие с позднее высказанными соображениями. Поэтому-то в системе интеракций вполне могут сосуществовать и противоречивые высказывания. В отличие от простой беседы письменный текст мог быть проверен на непротиворечивость и поэтому задает двузначную логику с ее значениями истинности и ложности, которая проецировалась и на онтологию, формируя двузначность: бытия / небытия. И тем не менее эта — вытекающая из логики письменного текста — классическая онтология, как и всякое различие, требует для себя какого-то общего основания различных сторон. Луман же предлагает такую категорию, которую уже нельзя ни от чего отделить. Роль последней квази-онтологической категории занимает смысл. Все, что существует (как, впрочем, и то, что не существует), имеет смысл. Иметь смысл означает указывать на что-то другое и, следовательно, служить продолжению коммуникации, обеспечивать подсоединение следующих высказываний. Смысл нельзя отличить ни от чего, кроме самого смысла.

Истина как средство-медиум

«Как и любая форма, код представляет собой двустороннюю форму, обладающую внутренней стороной (истина) и внешней стороной (неистинное). Единство этой формы посредует между медиумом и формой. Оно определяет (ограничивает) медиум вовне. Надо выбрать эту форму, чтобы иметь возможность оперировать в медиуме истины, а не заниматься еще чем-то. В то же время эта форма оказывается открытой формой, он еще не устанавливает твердо, что и как должно быть связано. Она различает лишь возможные способы упорядочивания значений «истинное» или «неистинное». Код — как форма различения — в свою очередь должен быть отличен в более широком аспекте от программ систем, которые специализируются на том, чтобы выделить условия, при которых правомерно (или неправомерно) характеризовать что-либо как истинное (либо как неистинное). Лишь это различие кода и программы придает медиуму форму, которая маркирует именно те операции, которые позволяют медиуму связывать потенциально истинностные предложения и отбрасывать все остальное». «Истина — кодированный медиум»⁶⁸.

Попробуем проинтерпретировать данный пассаж. Средство-медиум, одним из которых, по мнению Лумана, является истина наряду с властью, правом, деньгами и любовью, — это прежде всего некая активная, притягивающая и при этом неоформленная среда, одновременно выступающая квази-техническим инструментом отбора всего того, что этому медиуму «принадлежит».

Хорошей метафорой или иллюстрацией для понимания медиальной природы символических средств коммуникации служит теория естественных мест Аристотеля и герменевтика жизни Дильтея. Событие маловероятное в чуждой сфере (огонь внизу или вода вверх) становится вполне естественным в рамках его «естественного места» или мирового региона. Лишь в рамках медиума нечто (сущность, элемент, а в данном случае коммуникация) обнаруживает свою форму, эйдос, сущность. Если под медиумом понимать язык, то всякая неслучайная последовательность взаимосвязанных слов и высказываний (коммуникация) имеет форму по отношению к языку вообще, как окружающей среде, внутри которой она формируется, внутри которой она отграничивается. Медиум — это регион, в котором наличествует огромное множество возможностей для образования тех или иных форм данного медиума. Форма, возникающая в медиуме, — конкретное выражение-конфигурация этих возможностей. В герменевтике жизни у Дильтея и Ницше примерно так понималось отно-

шение жизни (среды) и «выражения жизни» (то есть ее проявления, конкретной формы). Средства-медиумы непосредственно не наблюдаются (как нельзя наблюдать саму истину в рамках конкретной науки), ученые лишь формулируют истинностные высказывания как конкретные выражения или формы медиума, всегда обладающие и своей другой стороной. Ведь в медиуме истины всякое истинностное предложение должно быть фальсифицируемым. Попперовская фальсификация превращается у Лумана в другую сторону коммуникативного кода истины. И хотя медиа недоступны наблюдению, они делают возможным наблюдение своих форм — правовых суждений (согласно праву), продаж и покупок (на основе денег), обязывающих решений (на основе власти).

Функция медиума в том, чтобы сделать возможным различие «входящих» в них вещей (притом, что сам медиум вещью не является). Он оказывается средством причисления или исчисления: мы всегда можем решить, относится ли данное выражение к некоторому медиуму или нет.

Медиум это тем самым — измерение. Типичнейшей, если не сказать парадигмальной, метафорой медиума является пространство (особенно в ее картезианской интерпретации) как совокупность всех возможных пространственных форм или конфигураций). Все виды медиумов несут в себе, таким образом, какие-то пространственные или квази-пространственные характеристики: протяженность, способность включать и вмещать, бесконечность конфигураций и деления, способность принимать бесконечное число конкретных форм, разграничивать и одновременно связывать (пространство как пустота).

Но медиум является, кроме того, активным, или, лучше сказать, инструментальным началом, именно так понимается медиум в технике — как средство переноса информации и кодирования информации (жесткий диск на компьютере или магнитная лента). Вообще, Луману близка «техническая» или «конструкционистская» интерпретация истины. Но дело не следует представлять так, что успешное функционирование техники оказывается в каком-то смысле критерием истины. Нет, истина в конструктивистской теории познания сама есть своего рода «техника» или технология или, по крайней мере, символизирует эти технические процессы. Луман следующим образом ставит проблему соотношения истины и техники, которое составляет сущность и смысл всей конструктивистской теории познания и в конечном счете обеспечивается лишь обращением к опосредующему понятию — понятию времени:

«Всякая конструктивистски формулируемая теория познания ... должна как-то справиться с очень серьезным возражением. Мы это называем возражением функционирующей техники. То, что техника вообще функционирует, — поистине удивительно. И это удивление только возрастает, когда мы узнаем, как она функционирует. Чем шире и богаче предпосылки (техники), тем выше степень невероятности, которая должна быть переработана в вероятность. То же самое имеет значение для чисто оперативной теории истины, которая рассматривает последнюю в качестве медиума коммуникации, посредством которого может быть принято весьма невероятное предложение о коммуникации. Но и здесь нужно считаться с возражением: как из этой простой акцептации может быть объяснено, что техника вообще успешно функционирует? Бэкон, Гоббс, Локк и Вико отвечали на это возражение тем, что человек вообще может познавать лишь то, что он сам способен произвести, — неважно, идет ли речь о символической области религии или культуры. Это учение является параллелью теологической догме творения, где Бог, являясь создателем всего, благодаря этому обретает способность всеведения. Чистая параллелизация пред-ставления и со-ставления (изготовления) еще не позволяет нам понять, почему эта привязка к произведенному должна рассматриваться как условие познания и позднее должна быть заменена на трансцендентальную философию. Основание этой привязки к производимости мы полагаем в открытости будущего, ибо если мы соглашаемся с предпосылкой, что будущее недостаточно жестко определено прошлым, это будущее тогда может быть использовано для тестирования возможных вариаций. Если будущее подтверждает конструкцию, если оно дает определенный ответ на открытый вопрос, то вероятность того, что не была совершена ошибка, является достаточно высокой; ведь все могло бы случиться и по-другому»⁶⁹.

Из этого мы можем заключить, что технические аппараты и технологии, куда относятся в том числе и ставшие в науке почти автоматическими процедуры отбора истинного знания, никак не способствуют более точному «отображению природы», но являются познавательными конструкциями.

«Встраивание науки в мир, в такой, какой он есть, не может опираться на гарантированную познанием согласованность мира и науки. Речь идет здесь об экстернализированной коммуникации. Чем большее значение приобретает проблема последствий развития техники, тем менее убедительным выглядит понятие истины, в котором последняя предстает в виде верного отображения реальности.

Достижением познания является вызов со стороны невероятного, а не верно-отображенного, которое было и остается неизвестным... При всем необъятном расширении познания и его техническом воплощении мы знаем лишь то, что мы знаем, и не знаем того, что мы не знаем» (там же).

* * *

Подведем итог. Функция медиума — связывать через различия, медиум выступает *средством конструирования, выстраивания систем*:

«Познание работает не тогда, когда то, что оно обозначает, существует так же или приблизительно так же, как оно его обозначает. Познание функционирует благодаря тому, что оно производит зависимости в циркулярном отношении медиума и формы. Слабо связанное связывается более прочно. При этом способность тематического анализа или разложения предмета на составляющие проникает все глубже и завоевывает все большие сферы — вплоть до незримых субатомных регионов. Химия, физика, биогенетика, лингвистика формулируют мир как область рекомбинационных возможностей и соответственно представляют себе эволюцию в виде производителя форм, который выбрасывает их на рынок и смотрит, какая из них хорошо пойдет. Новое открытие медиума в вещах вновь производит новый медиум в его дифференциальном отношении к форме и открывает новые возможности по оформлению формы. Лишь в этом смысле становится понятным мощнейший эффект современной техники. Речь здесь не идет о следствиях открытия до сих пор неизвестных законов природы. Речь идет о конструктивном выстраивании все новых отношений между медиумом и формой»⁷⁰.

Таким образом, медиум — средство конструкции, средство познания и «онтологический» носитель (субстрат) всего познаваемого. Это означает примерно следующее: конструктивистское познание состоит не в характеристике того, что существует, так как оно уже до этого существовало. Оно конструирует познаваемое в том смысле, что открывает все новые медиумы, разлагая свои предметы, а затем превращает открытые ею медиумы в новые формы, обращаясь к более глубоким медиумам. Конструктивное познание означает «открытие» (конструкцию) медиумов, на фоне которого этот предмет получает форму или смысл. К примеру, атомы, пока не была выяснена их структура, сами являлись основанием сущего (то есть средством объяснения и одновременно носителем, субстратом всего сущего), объясняли явления макромира, но сами не объяснялись. Познание и особен-

но конструктивистское познание представляет собой все более глубокое развитие дифференциацию медиум-форма, «конструктивное выстраивание все новых отношений между медиумом и формой».

К рефлексивной функции ложного

В рамках конструктивистской концепции истины очень важное место занимает понимание функции *негативных значений* вообще и ложности — в частности. Ложное оказывается важным ориентиром, ведь оно делает возможным присоединение следующих истинностных системных операций, осуществляющихся как бы «вопреки» или по крайней мере «на фоне» ложных предложений. И это «вопреки» в каком-то смысле значит «благодаря». Знание неправильной дороги ведь тоже является знанием и способствует приобретению знания истинностного. Истинное определяется *благодаря* исключению ложного.

Символизация этого «ложного», оказывается, принимала разное, *традиционное*, обличье, например, в религии она проявлялась в форме так называемой «дьявольской генерализации»: наблюдения целого как различного. Дьявол наблюдает целое (Бога) и поэтому вынужден ограничивать себя от него, отличать себя от него или отделять себя от Бога с его позитивной суммой качеств (истина, добро), а значит, в своем самоописании вынужден приписывать себе противоположные, то есть негативные, предикаты (ложь и зло).

Тот, кто ищет истину, фиксирует все возрастающее число ложных предложений, вынужден обращаться к ним и их тематизировать. Поэтому критика (экспликация именно ложного, а не истинного) носит самооценный характер и не должна легитимироваться предложениями каких-то «позитивных» достижений.

Но отношение истины (как внутрисистемной стороны кода истины) и ложности, как другой стороны этого кода, является принципиально асимметричным. Значение истинного (внутренняя сторона кода) отвечает за присоединительную способность системы, то есть за отбор «своих», внутрисистемных, ориентированных на истину действий как элементов системы. Напротив, значение не-истинного (ложного) репрезентирует *рефлексивную* функцию системы⁷¹.

Эта рефлексивная функция состоит в сущности в упрощении мира: то, что казалось вариативным (возможным по-разному), оказалось единственно-возможным. С другой стороны, ложное «содействует» присоединительной функции истины, обозначение чего-либо

как неистинного повышает вероятность (то есть обеспечивает присоединение) других утверждений. В-третьих, экспликация ложного блокирует последующие утверждения, основанные на этой неистинной предпосылке. Данный позитивный потенциал в негативном значении (неистинного) и истолковывается Луманом как рефлексивная функция. *Итак, истина — негативна, отмечает чужое, обеспечивает закрытость, а ложность несет в себе позитивный потенциал.*

Истина «конденсирует» в своем регионе свои содержания: случаи, понимания, предложения, она не меняется при переходе от одного случая какого-то данного истинностного описания к другому точно так же описываемому случаю. В области не-истинного ничто не способно «конденсироваться»⁷². Речь, таким образом, не может идти о каком-то *противоположном анти-мире не-истинных утверждений*, ведь двузначность кода истина/ложь вовсе не должна, по мысли Лумана, нести с собой какие-то онтологические импликации. Это отделение двузначной логики от онтологии, или скорее требование понимать, что каждая логика привносит свою онтологию, а следовательно, не существует каких-то последних онтологических утверждений, очень важно для Лумана. Остановимся на этом подробнее.

Когда о — независимом от высказывания — предмете высказывается предположение, что он обладает свойством А и свойством не-А, это часто интерпретируется как «онтологическое» противоречие. Но проблема в том, что эта функция двузначности или «вытеснения противоречий из универсума рассуждения» состоит в процессуализации коммуникации, а не в экспликации онтологии, она просто обеспечивает присоединение системных событий. В этом смысле «исключенное третье» в каком-то отношении уже и не исключено, хотя бы потому, что выполняет свою функцию. Ведь, в сущности, исключается второе (то есть не-истинное). А «третье», «пустое место», возможность того или другого, различных конфигураций (то есть — медиум) в этом смысле является условием присоединения следующих непротиворечивых высказываний и именно в этом состоит его функция. В качестве функциональных аналогий противоречия как исключенного третьего могут представлять тишина (для говорения), белый цвет бумаги (для написания). Другими словами, можно сказать, что *само* различие между «идет снег» (истинное) и «не идет снег» (ложное) является *формой*, и поэтому требует для себя этого «исключенного третьего», ведь именно по отношению к нему она имеет форму. Форма по своему определению имеет внешнюю сторону, имеет определенную конфигурацию на фоне «чего-то», то есть медиума как усло-

вия форм. В логике такой формой и выступает противоречие («исключенное третье»), по отношению к которым или на фоне которых «профилируют» логически корректные высказывания.

Случай критянина: перфекционизм и самоприменимость истины

Мир, если его рассматривать с позиций «перфекционизма» (то есть с точки зрения достижения им состояния «покоя» и «совершенства»), должен был бы объединять в себе все возможности (все истинные и все не-истинные высказывания) и таким образом превращаться в носителя *единства* данной дифференции. Парадокс возникает в случае самоприменимости, то есть в том случае, если мы спрашиваем об истинности этого совершенного мира, — то есть об истинности комплекса всех истинных и всех неистинных предложений одновременно. Попробуем пояснить.

Под перфекционизмом Луман понимает классическую, то есть корреспондентскую, теорию истины, которая сменила представления, где целостность мира представлялась другой целостностью (Брахман в индийской философии) и стала, по Луману, промежуточным семантическим этапом в развитии концепций истины. Корреспондентская теория полагалась на координацию с действительным миром, исследование которого должно было *завершиться в некоем состоянии покоя, совершенного соответствия*, которое Луман и называет «состоянием перфекции». Но корреспондентская теория опиралась на слишком сильную предпосылку: предпосылку *константности* сущностей мира, а также на «континуум рациональностей»: рациональность мира и рациональность мышления.

Эта перфекционистская и корреспондентская модель истины постулировала не-истинное как *недостаточное*, дефективное, а не как *техническое познавательное средство* и недооценивала его *рефлексивное* значение. Констатация ложности не являлась «частью истины» (уже у Сократа) и считалась «неудовлетворительным» познавательным достижением. Эта «традиционная» установка практикуется, например, и сегодня, когда говорят «вы только критикуете и не предлагаете ничего позитивного». Критика как *позитивность в выявлении ложного* не имела собственной ценности. Не-истинное рассматривалось не в его отношении с истинным, а в его отношении к «Совершенному». Конститутивной «преднаучной» дифференцией являлось различие *несовершенное/совершенное* или выражалось в коррелятивном различении *усилия (действия) и покоя*. Другими словами, корреспон-

дентская теория базировалась на константности описываемых объектов, что является особым рода идеализацией. Одним из таких «перфекционистских» суждений являлся знаменитый парадокс лжеца.

Как только мы формулируем перфекционистское суждение «все критяне (все, что лжет и не-лжет, перфекционистское единство истинного и не-истинного) лгут», то есть соотносится с не-истинным, то в этом случае различие (=единство) *истинного/не-истинного* соотносится сам с собой, подвергается проверке на истинность и мы оказываемся перед парадоксом.

Мир («все критяне») проводит *свое внутреннее различие с помощью своей наблюдающей эти дифференции под-системы*, которую представляет один из жителей Крита. Этот «высказывающий» критянин (под-система) словно выделен, но, в сущности, входит (re-entry) в этот перфекционистский мир. Критянин наблюдает мнимо-внешнее по отношению к нему единство, к которому он все-таки сам принадлежит. Критянин находится в состоянии перманентного колебания, не в силах решить, то ли он отдельный, отграничивший себя от мира индивид (не лжет), то ли он — сам этот мир (а значит, и лжет, и не лжет). Вопрос о том, принадлежу ли я миру, звучит так: предположим, я не лгу, но я вхожу в сообщество, объединяющее лгущих (остальных) и не-лгущих (меня самого).

Этот парадокс символизирует реальные процессы социальной дифференциации, выхода из сообщества особых институтов, в особенности системы науки с функцией наблюдения всего остального (социального) мира, но и себя самой как его части. Констатация этого парадокса одновременно указывает и на разложение «перфекционистского» единства.

Итак, в основе парадоксов лежит перфекционистская модель целого мира, который должна в совершенстве познать истинностная инстанция (наука, критянин), включая *саму* эту истинностную инстанцию, без которой мир оставался бы *несовершенным*.

Истина связывает и символизирует научные коммуникации, но сама истина не тематизируется, а — как и всякий медиум — составляет задний план коммуникации, на фоне которого эти последние и *профилируют*, как бы оперируя «*в сфере*» истины. Социальная от-дифференциация науки — это выделение истинностной инстанции из совершенного мира, в который она больше (по видимости или как бы) не входит и который она сама посредством кода истины *конструирует* как будто-бы-внешний. (Но этот ее «внешний» мир становится «внутренним внешним миром» — для мета-наблюдателя, в которого эта истинностная инстанция в конечном счете и трансформирует-

ся. Внутри нее далее от-дифференцируется новая мета-наблюдающая система: социология в конечном счете теория познания. От-дифференцировавшаяся, и сама оказывающаяся внутренне-дифференцированной, наука, скажем социология, обнаруживает в качестве своего предмета *все общество, составной частью которого является она сама, а значит, она не может без того, чтобы себя саму не тематизировать как часть того, к чему она и сама принадлежит.*)

И поскольку в основе социальной дифференции лежит появление обособленных, успешно циркулирующих и соотносящихся друг с другом (научных) коммуникаций, оказывается, что одним из критериев истины и выступает успешная циркуляция, воспроизводство элементов научной коммуникации, называемый *аутопойезисом*. В этом смысле аутопойезис оказывается *синтетическим* критерием истины, поскольку, с одной стороны, вбирает в себя критерий (научной) практики, с другой стороны, подразумевает критерий теоретической «согласованности», «консеквентности», «когерентности».

Истина и время

Дифференция нового и старого

Оставалось вопросом, почему на смену прежним конструктивным различениям (знакомому/незнакомому или близкого/далекого и других), которые служили прежде для агрегации знания, пришла дифференция истинного/не-истинного? Объяснение генезиса истины из предшествующих ей конструктивных дифференций требует рассмотрения нового фактора, а именно *времени* — как конститутивного условия возможности истины.

Как уже говорилось выше, от-дифференциацию истины от знания (последнее как раз и конституировалось различием «известного/не-известного») делает возможным *фактор времени*, возможность (на время!) «отложить» — предлагающее себя в какой-то конкретной ситуации — знание, снять его непосредственность, что в конечном счете и было реализовано благодаря изобретению письменности. Поэтому, не противореча Луману, истину можно интерпретировать как *временную переработку* ядра указанного различия *известное/не-известное*. Это значит, что истина символизирует процесс *перехода* от известного к неизвестному, являясь мотиватором в предпочтении *невероятного*, удивительного, всего того, что можно объединить понятием *Нового*. Она является механизмом, позволяющим

преодолеть привычное и удобное, несмотря на весь комфорт и достигнутый уровень ориентации в уже известном знании. Без такого коммуникативного мотиватора оказался бы *невероятным* подобный процесс перехода от прошлого и известного к будущему и неизвестному, но, возможно, истинному, если только в нем как следует разобратся. Истина — одно из средств сделать вероятной коммуникацию, которая сама по себе, т.е. вне этого кода, оказалась бы невероятной. Другими словами, вне коммуникативной системы науки (скажем, в системе хозяйства) не имело бы шансов на успех коммуникативное предложение в виде тематизации теории относительности. Только научная коммуникация может позволить себе растрачивать драгоценный временной ресурс в надежде, что новое, сложное, неизвестное *в будущем* окажется еще и истинным.

Институционализация *Нового* требовала становления когнитивной спецификации (специализации) наблюдателя на *когнитивных* ожиданиях и ослабления ожиданий нормативных. Разочарование в когнитивных ожиданиях не приводило к (скажем, ритуальному) укреплению нормы или представлению о регулярности, а вело к разрушению и формированию новой. Применительно ко времени это означает, что в основе когнитивных ожиданий лежит уверенность, что в будущем все может быть иначе; что двусмысленность истины не властна над суждениями о предстоящих событиях. Ведь в противном случае, в случае нормативных ожиданий, разочарование в них требует возвращения в прошлое, к заведенному порядку вещей, к тому, что уже было и должно повториться⁷³.

Фактор времени (различное отношение ко времени) лежит в основе дифференции нормативное/когнитивное, которое может служить основанием для различения и конституирования науки и политики (права). Если в случае разочарования в ожиданиях (например, аномальное поведение) отказываются от прежних ожиданий и формируют новые (например, меняются представления о нормальном и аномальном), речь идет о научной ориентации, где *будущее может изменяться, быть другим*. Если, несмотря на разочарование в ожиданиях, продолжают упорствовать в прежних представлениях, речь уже идет об ориентации, конститутивной для политической или правовой системы. Вообще, для политической и правовой систем характерны пространственные установки и различения, практически потерявшие свое значение, применительно ко всем остальным социальным системам. Религия, любовь, хозяйство, искусство не признают архаических пространственных ограничений. Другими словами, в отличие от ориентированной *на время* истины и вытекающих из нее

когнитивных ожиданий — конститутивная для истинностно-неопределенного знания — дифференция *знакомое/незнакомое* по сути своей носит *квази-пространственную* природу и в принципе сводима к различиям, лежащим в основе конструкций знания в родовых общностях. Речь идет о различениях центрального, внутреннего, огороженного, жестко-нормированного, с одной стороны, и чужого, периферийного, дикого, нормативно-неопределенного — с другой.

Несколько свободно интерпретируя Лумана, такую трансформацию или переход от нормативной к когнитивной ориентации (конечно, в рамках науки) можно было бы назвать распространствливанием времени. Эта трансформация означает общую смену ориентации, которая выражается в овременении всех процессов и представлений и отказе от их опространствливания. Этот процесс находит отражение и в развитии семантики. Так со временем слово *оригинальность* теряет свой первичный смысл «нормального», основу которого составляла (пространственная) близость к источнику происхождения («origo»), а соотносится с Новым, отличным от всего ранее виденного, то есть «не-укорененным». Поэтому «пространственно» определяемая граница между известным (заселенным, профанным, освоенным) и неизвестным (сакральным, таинственным, диким) теряет смысл. Эта граница овременяется. Пространство универсализируется, а время (как возможность обновления) получает власть над *всеми* регионами, ранее дифференцированными на известные и неизвестные (близкие — далекие). Однако сначала новое обнаруживается *вдали, в ранее незнакомых регионах* (например, в новых землях), поэтому пространственная *ориентация на дальнее* — стало первой своеобразной *легитимационной* процедурой для внедрения Нового в его пока еще «опространствленном» виде. Другими словами, если бы Гераклита спросили, почему «все течет», если все окружающее остается на своих местах, он всегда мог бы прибегнуть к такой *легитимирующей процедуре* и сказать: расширьте *поле* зрения до размеров космоса и вы увидите, что все течет. Со временем Новое отбрасывает эту свою «пространственную опору» коренящейся в *предметном измерении* коммуникации: то есть в характерной для коммуникации ориентации на неподвижное, не-текущее, синтетическое, на то, что мы в обиходе называем «вещами», то есть устойчивые комплексы качеств.

Новая ориентация на Новое преобразуется в функционально-закрытую систему через спецификацию на переживании, т.е. она отказывается принимать во внимание *действия и интересы*, которые понимаются как нечто *внешнее, вмешивающееся и коррумпирующее истину*. При этом переживание становится главной легитимацией

истинностного знания. Результаты эксперимента, измерения должны переживаться одинаково всеми, кто задействован в научной коммуникации. К новому и неожиданному добавляется требование общезначимости и универсальности переживаний — «все *остальные* так же переживают». Тем самым открытие Нового хотя и совершается ученым лично (и поэтому оно — Новое), но приписывается самому миру, поскольку Новое удостоверяется *интерсубъективными* переживаниями всех.

Важно, что ориентация на новое в рамках дифференции новое/старое — это лишь интерпретация со стороны самой современной (новой) инстанции. Меняются не ориентации (предпочтения) *внутри* данной дифференции, а сами различения, то есть не ориентация на Новое сменяет ориентацию на Старое, а дифференция *нового/старого* сменяет различение *знакомого/незнакомого* (или *коррелятивные* ему «пространственные» различения *внутреннее-внешнее, близкое-далекое, сакральное-профанное, центральное-периферийное, закрытое-открытое, которые являлись конститутивными для знания, еще не отдифференцировавшегося от истины*).

Истина как прерывание восприятия: дифференция одновременное / последовательное

В поле зрения Лумана остаются и классические проблемы соотношения чувственного и рационального, хотя в контексте концепции истины они приобретают специфические (естественно, определяемые временем) оттенки. Луман доводит до конца так называемую тенденцию «маргинализации восприятия»: система вообще не способна ничего воспринимать, а использует чужие (т.е. телесные, фиксируемые психически) «раздражения лишь для того, чтобы сообщить о чувственном, если это осмысленно в коммуникационном контексте»⁷⁴. Для отдифференциации истины (и как следствие — науки) проблема восприятия важна в его значении критерия общезначимости научных предложений.

Луман (как и Кант) обосновывает восприятие временем, но он исходит не из дифференции рассудок/чувственность (Кант), а из различения одновременное/последовательное (=симультанное/секвенциональное). Это означает то простое обстоятельство, что восприятие *одновременно* тому, что воспринимается, т.е. внешнемировому событию, попавшему в поле восприятия. Функция восприятия — синхронизировать динамику системы и внешнего мира. Оттого-то

восприятие никогда не обманывает, «обман» восприятия — лишь представляет другую реальность: то, что *впоследствии, на следующем шаге*, будет интерпретировано как «обман», т.е. в момент самого акта означает, что внешнемировое событие именно так «открылось» восприятию системы, представало ему именно в такой специфической версии или редакции. Однако *обработка* данных восприятия осуществляется *не одновременно, а последовательно*. Обсуждение восприятий требует *времени*, но, значит, в этот период система не способна что-либо воспринимать.

С другой стороны, научная коммуникация, которая как раз и специализируется на обработке восприятий, как бы освобождается от временного давления, как это имеет место в нормативно-регулируемых процессах (скажем, ритуалах — концертах, парадах, похоронах и т.д.). Течение времени определяется в ней не *нормативным порядком*, который тогда регулировал бы содержание коммуникаций. Время в науке какое-то другое. Другими словами, у научной системы коммуникаций имеется в распоряжении больше «свободного» времени. А следовательно, есть время на то, чтобы отвлечься от актуальных процессов и требований и «призадуматься».

Рассмотренная выше и конститутивная для истинностного отбора знания временная дифференция *прошлое/будущее* (в разных ее проявлениях: *старое/новое, стабильное/вариативное*), собственно, и определяло специфические предпочтения или ориентации на когнитивный полюс в дифференции нормативное/когнитивное и поэтому являлось конститутивным для научных коммуникаций и для конструирования научного знания.

Второе рассмотренное различие *единовременного/последовательного* обеспечивает дифференциацию между восприятием и коммуникацией по поводу восприятия. Ведь первое — симультанно, а второе последовательно. В конечном счете оно делает возможным различать между наукой и ее симбиотическим механизмом, т.е. между теоретическими предложениями и интерпретациями, с одной стороны, и чувственным удостоверением теоретических положений — с другой. Вот как об этом пишет сам Луман.

«Своеобразие сопряженного с одновременностью восприятия состоит в том, что различения могут быть использованы лишь в том случае и постольку, поскольку Различенное может наблюдаться в его *обоих* моментах, к примеру, как Большое и Малое. Восприятие требует, чтобы различие выступало в качестве *контраста*. Различенное должно восприниматься симультанно или в непосредственной сопряженности различенного, а иначе оно потеряет свою способность быть

воспринимаемым. Этим особенно озабочено искусство. Оно способно искусственно симультанализировать и тем самым интенсифицировать компакт-впечатления, или как в случае музыки, так расширить пространство-время одновременности, что даже значительно позднее прозвучавшие тона или фазы все еще способны образовывать контраст. ...Эта симультанность воспринимаемого впечатления утеряна в коммуникации, ...которая оказывается не в состоянии симультанализировать компакт-впечатления. Однако у нее есть другая заслуга: она темпорализует комплексность, переводя ее в последовательные различия. ...На этой основе могут быть уточнены и определены различия во мнениях, утончается внимание, ...но цена за все эти преимущества — утеря очевидности взаимосвязанного. То, что в единстве восприятия выявлялось как взаимопринадлежащее и взаимосвязанное, секвенциально разлагается. И в этом обращении ко времени как раз и заключена возможность прерывания, то есть вероятность того, что нечто разорвет непрерывность восприятия, что делает вероятным открытие ошибок»⁷⁵.

Темпорализация комплексности мира делает возможным ввести в рассмотрение и тематизировать в коммуникации — *последовательно* — гораздо больше, чем актуально или «симультанно» дано в восприятии, однако за это мы должны платить большую цену, поскольку оказывается утерянной *очевидность*. Остановимся на этом подробнее.

Как уже отмечалось, очевидность является следствием симультанности восприятия. Очевидность не допускает ошибок. Ведь условием ошибок является время: ошибок не может быть там, где *что-то непосредственно дано*. В симультанности восприятия действительна Юмова формула, где нет причин и следствий, а есть простая смена состояний восприятия. Но эта континуальность восприятия должна быть разорвана. Схематично дело можно представить так: акт восприятия одного состояния сменяется актом восприятия второго непосредственно примыкающего состояния, а следом *перерыв восприятия*, прерывание непрерывного потока актов восприятия, например, в виде предположения о «причинности» двух последовательных событий, или сомнения в их «реальности». Соотношение чувственного и рационального теперь интерпретируется Луманом с помощью понятия *прерывания*, которое является своего рода мгновением бифуркации в континуально-симультанном восприятии и это мгновение способно направить процесс восприятия по какому-то другому пути, сделать возможным его (конечно, всегда потенциальное) разветвление и контингентность.

Лишь с приходом последовательного разбора симультанно воспринятых данных (чем, собственно, и занимается наука), что в конечном счете делает возможным разветвление континуальных линий восприятия, бифуркацию, возникает вариативность знания. В процессе эволюции эта вариативность может стать основой для отбора истинных и исключения ложных знаний. Так из *необходимой* последовательности актов восприятия возникает контингентность, предполагающая изначальную *многозначность, множественность, многолинейность, разветвление* восприятия.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СМЫСЛ КАК КОННЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ В ЯЗЫКЕ, СОЗНАНИИ И КОММУНИКАЦИИ (К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫМ ПЕРСПЕКТИВАМ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ)*

Еще раз о понятии коммуникации

В заключении мы попытаемся выявить тот междисциплинарный синтез, который утвердился в ходе развития системно-теоретической версии⁷⁶ теории социальных систем и усвоения ею некоторых результатов из области логики, семиотики и психологии. Соответственно мы касаемся трех междисциплинарных перспектив: логической (Дж.Спенсер-Браун) и лингвистической (Ф.Соссюр, Е.Эспозито) конституэнт коммуникации, а также той функции, которую в коммуникативном процессе играет сознание (подход Ф.Хайдера).

Рассматривая этот междисциплинарный характер коммуникативной теории, мы тем не менее не собираемся детально проблематизировать само понятие коммуникации, а принимаем как данное ее ниже следующее понимание.

Коммуникация представляет собой синтез трех селекций: выбора выражения (сообщение первого коммуниканта), его информации вторым коммуникантом и тематизация различий между первой и второй селекцией (понимание коммуникации ее участниками)⁷⁷. Такое понимание (как различение-сравнение между выражением и информацией) коммуникации, несмотря на всю его проблематичность, оказывается главной предпосылкой *продолжения* коммуникации, т.е. формирования их в системы или неслучайной последовательности. И их подсоединение друг к другу на регулярной основе может осуществиться лишь в случае утверждения специфического механизма селекции, помогающего отбирать лишь те из коммуникаций, которые представляются релевантными для данной системы и отклонять те из них, которые не отвечают определенному критерию или обобщенному символическому (=смысловому) коду коммуникации. Образование системы есть, таким образом, редукция комплексности возмож-

* Работа осуществлена при поддержке РФФИ в рамках гранта «Феноменологическая эпистемология в системе междисциплинарных исследований № 06-06-80425а, а также при поддержке РГНФ в рамках гранта «Сознание как системообразующая философская категория» № 05-0303247а.

ных коммуникаций (=возможных тематизаций внешнего мира) с помощью смысла, под которым понимается механизм интеграции коммуникаций в систему, их подсоединение друг к другу. К самым известным смыслам, кодирующим или распределяющим коммуникации по позитивным и негативным значениями, относятся: истина в научной системе, деньги в экономической системе, любовь в системе интимных коммуникаций, etc.

Для такого рода подсоединения (коннективности) полностью безразлична вышеупомянутая внутренняя структура коммуникации (селекции выражения, информации и понимания). Лишь адекватный смысл (т.е. подсоединимость) той или иной коммуникации и соответственно ее содержание определяют развитие социальных систем.

В первой части заключения мы, обращаясь к аксиомам логики Д.Спенсера-Брауна, рассматриваем самые общие основания *смысла*. Во второй части смысл полагается в качестве *означаемого* в структуре *знака*, понимаемого как дифференция *означающее/означаемое*. Здесь смысл, с одной стороны, анализируется в узком смысле, как «чистая коннективность» знаков, способность элементов языка (фонем) подсоединяться друг к другу и образовывать более сложные образования (монемы). С другой стороны, мы рассматриваем и более широкое его понимание в качестве семантической коннективности языковых элементов. В третьей части, основываясь на двух предыдущих, мы исследуем роль смысла в качестве коннективного механизма в психике, понимаемой как линейная последовательность переживаний (ментальных актов в самом широком смысле). Таким образом, мы попытались выявить и сравнить функции, которые смысл выполняет в языке, сознании и коммуникации.

Законы формы Дж.Спенсера-Брауна

В работе «Законы формы»⁷⁸, получившей большой резонанс, в том числе и за пределами математики и логики, Спенсер-Браун предложил аксиоматическую систему пропозициональной логики, состоящую из двух аксиом, причем в ней отсутствуют такие обычные логические операции, как конъюнкция и дизъюнкция, а в качестве переменных выступают сами логические функции. Интерес к данным аксиомам был вызван тем обстоятельством, что они будто бы описывали некоторые самоочевидные когнитивные процедуры, в первую очередь — операции наблюдения и описания, различения и именова-

ния, самонаблюдения и самоописания, — и в этом смысле могли бы послужить фундаментом, в том числе и ряда социальных или гуманитарных дисциплин.

Спенсер-Браун пишет: «Мы принимаем как данные идею дистинкции и идею индикации, а также то, что мы не способны осуществить индикацию, не осуществив дистинкции. Поэтому форму дистинкции мы и считаем формой»⁷⁹. Здесь речь идет о почти тривиальном факте, что всякое указание на что-либо, подразумевает процедуру его отличия от чего-то иного.

Аксиома 1. Закон наименования.

Значение именования произведенного повторно остается (тем же) значением именования.

Помимо своего формального, логико-математического смысла этот закон может быть проинтерпретирован как — обобщенное, насколько это возможно, — описание познания. Назвать что-нибудь дважды означает остаться на том же самом месте — внутри замкнутой границы, не пересекая ее. Эта аксиома указывает на продолжение некоторого процесса, не предполагающего трансформации или приобретения нового знания.

Мы, конечно, можем обратиться и к другой стороне границы — ко всему остальному миру — и тем самым покинуть индигированный (= названный) объект (см. вторую аксиому). Эта крайне абстрактная интерпретация аксиом Спенсера-Брауна будет уточнена ниже применительно к семиотике и психологии.

Первая аксиома была названа аксиомой конденсации, подразумевающей подтверждение однажды данного имени или смысла. Повторное произнесение названия увеличивает вероятность индикации некоторой вещи, ситуации или лица в будущем и формирует нормативные ожидания в коммуникации или сознании. Эта аксиома выглядит как ассоциация маркера с самим собой. В каком-то смысле этот закон аналогичен логическому закону тождества.

Аксиома 2. Закон пересечения границы.

Значение пересечения границы, сделанного повторно, более не является тем же значением пересечения.

Данная аксиома представляется аналогом логического закона противоречия⁸⁰. Маркер маркирует только внутреннюю сторону границы, от которой и сам этот маркер должен быть отличен, ограничен от остального мира, а следовательно — маркирован маркером. Это предполагает вопрос о том, возможно ли указать на что-то без помощи некоторого индикатора или маркера. Согласно Спенсеру-Брауну, это возможно при помощи пустого места или отсутствия знака. Данная аксиома представляется аналогом логического закона противоречия, где двойное маркирование оказывается тождественным отсутствию какого бы то ни было маркирования, своего рода отрицанием отрицания. Так, беря какое-либо слово, которое всегда само является маркером, в кавычки, т.е. маркируя его при помощи другого символа, предполагается, что данное слово уже не обозначает своего прежнего смысла. За «стол» уже невозможно сесть.

Это исчисление может интерпретироваться как самое общее описание коммуникации. Так операция отличия (дистинкция) понимается Спенсером-Брауном как инструкция, согласно которой осуществляется коммуникация. В результате осуществленной дистинкции возникает маркированное пространство (ограниченная область или внутренняя сторона различия), которое может коммуникативно истолковываться как *мотив* и в то же время как *содержание* коммуникации. Последнее оказывается исходным пунктом, который делает возможность подсоединения следующих коммуникаций, образование системы.

Однако две указанных аксиомы указывают и на возможные типы такого продолжения: во-первых, речь может идти о повторении, усилении однажды осуществленного различия, рекурсии к тому же самому содержанию коммуникации. Во-вторых, возможно переключение на другую сторону проведенного различия, переход от индигированного к отличенному — к тому, что маркировано при помощи пустого пространства. Такое обращение к внешней стороне границы (вещи, лица, ситуации) подразумевает новый раскол, отказ от прежних значений и ценностей, мотивов и содержания коммуникации, но всякие новые дистинкции впоследствии, конечно же, в свою очередь потребуют подтверждения наименования, превращения дистинкции в индикацию. Пересечь границу означает оказаться в немаркированном или неопределенном состоянии, что многие конструктивистки ориентированные теоретики нередко уподобляют медитативной практике Буддизма⁸¹.

Одновременно указанные аксиомы предполагают наличие некоторого наблюдателя, способного отличить и выделить *само проведенное различие*, которое тем самым может получить имя и

функционировать в качестве индикации — как отправной пункт коммуникации. Спенсер-Браун назвал подобную способность наблюдателя *повторным вхождением* формы в форму, т.е. вхождением различения в то, что благодаря ему было отличено. Граница, которая конституирует объект, разводя его внутреннюю и внешнюю сторону, и сама может быть отличена от обеих этих ее сторон. Таким образом, форма словно «замораживается», теряя свою функцию — ускользающего от наблюдения — раскола мира на внутреннее и внешние стороны, на объекты и то, от чего они отличены. Различения конвертируются в наблюдаемые, словно объективируемые знаки, и сами помещаются на внутренней стороне формы. Теперь о них можно говорить, но они уже не функционируют как различения.

Проиллюстрируем этот парадокс, часто использующийся в качестве эффектного литературного приема. «Дон Кихот», конечно, служит здесь парадигмальным примером, когда во второй части романа сам роман (как медиум раскола мира на фиктивное и реальное) неожиданно входит в повествование, в фиктивный мир, в свое собственное содержание. И «Сто лет одиночества» Г.Маркеса выстраивается на такого рода повторном вхождении⁸².

Итак, форма включает в себя три элемента:

- включенное маркированное состояние (внутренняя сторона);
- исключенное немаркированное состояние (остальная часть мира);
- само различение (форма) между сторонами, которое не является ни внутренней, ни внешней стороной.

В случае повторного вхождения формы в саму форму возникает ситуация, когда различение теряет свою функцию, превращаясь всего лишь в репрезентированный знак, и более не выполняет реальную операцию различения.

После этого довольно схоластического представления «Законов формы» попробуем дать им конкретное семиотическое, психологическое и социологическое истолкование.

Семиотика и коммуникация

Вышеупомянутое трехчленное понятие формы соответствует некоторым понятиям, предложенным Ф.Соссюром. В самом общем смысле понятие *знака* как единства означающего и означаемого как раз и подпадает под указанное понятие формы Спенсера-Брауна.

И в семиотике Ч.Пирса, и в семиологии Ф.Соссюра всякая реальность рассматривалась как мыслимая и доступная исключительно в форме знаков. Пирс вводит понятие реитерации (аналог *конденсации* Спенсера-Брауна). Возникновение реальности это реитерация или переработка однажды использованных знаков (tokens). Очевидно, что речь здесь идет о той же первой аксиоме Спенсера Брауна. Р.Барт радикализирует этот подход, настаивая на том, что у знаков вообще нет референтов⁸³.

Но ведь тогда сам знак — просто в силу того, что он есть единство двух сторон, означающего и означаемого — уже никак не может иметь внешней стороны, и действительно не имеет внешних референтов в смысле Р.Барта. Обратить внимание можно на означаемое (скажем, на яблоко) или сфокусироваться на означающем (скажем, на констелляции последовательности звуков (й, а, б, л, о, к, о) и даже возможно сконцентрироваться на отношении и различии между двумя этими сторонами знака. Однако сама эта дифференция *смысл/звук* (т.е. знак как единство двух сторон) уже не может иметь никакой противоположности, или другими словами внешним референтом этой дифференции будет неопределенное пространство (см. вторую аксиому Спенсера-Брауна, где неопределенное пространство оказывается следствием отграничения (маркирования) самой границы, или различения различия).

Например, с одной стороны, яблоко (как внутренняя сторона) может быть отлечено от всего остального внешнего мира, от не-яблока (скажем, от яблони); с другой стороны, некоторая последовательность звуков *й, а, б, л, о, к, о* отличается от констелляции *й, а, б, л, а, к, о*. И, конечно же, ничто не мешает провести третье различие — между первой и второй дифференциями: между яблоком/яблоней и *й, а, б, л, о, к, о / й, а, б, л, а, к, о*. Между тем уже невозможно обнаружить референт этого последнего различения и сфокусироваться на том, от чего это третье различие может быть отлечено.

Понятие формы Спенсера-Брауна (различение *внутреннее/внешнее* или *индикация/дистинкция*) обобщает понятие знака: с одной стороны, индикация одного знака, всегда подразумевает его отличие от других (дистинкция), причем только так некоторые знаки (а именно фонемы) и могут получить определенность. С другой стороны, понятие формы Спенсера-Брауна предстает и в другом лингвистическом облачении — в виде различения *самореференция/инореференция*.

Применительно к языку *самореференция* имеет место в том случае, если сам язык оказывается в фокусе обсуждения, если, к примеру, возникает вопрос о том, насколько корректно написано или про-

изнесено некоторое слово или предложение. В этом случае различие проводится внутри *означающего*, скажем, между констелляциями *й,а,б,л,о,к,о* и *й,а,б,л,а,к,о*. Здесь дифференция *индикация/дистинкция* актуализируется в рамках процесса самореференции языка, где *й,а,б,л,о,к,о* (как корректное выражение) выступает индикацией, а *й,а,б,л,а,к,о* (и все остальные лингвистически некорректные звуковые или оптические констелляции) образует дистинкцию, отличаясь от которого и на фоне которого оно получает свою (корректную) форму в звуковом или оптическом медиуме.

Под *инореференцией* мыслится обращение к *означаемому* или, другими словами — к *смыслу* означающего. Таким образом, различие *индикация/дистинкция* может быть проведено и в рамках вневингвистической — внешней по отношению к языковым обозначениям — референции, если, к примеру, различают между «реальными» яблоком и яблоней, т.е. между *означаемыми* как смыслами соответствующих *означающих*.

Поскольку упомянутые различия задействуются и в рамках самореференции, и в рамках инореференции, дифференция *индикация/дистинкция* реализуется в обоих случаях. И поскольку данное различие является базовым описанием всякого познания или наблюдения (где наблюдение понимается как концентрация внимания и выбор в пользу некоторой *индцированной* стороны, при выпускании из вида дистинкций), здесь мы можем подступить к семиотическому понятию *смысла* и семиотическому понятию *наблюдения второго порядка*. В подобном наблюдении внимание концентрируется не на смысле («объекте» выражения) и не на самом его выражении (или его «корректности»), фиксируется само различие между этими сторонами формы — между индикацией и дистинкцией, между означающим и означаемым, между внутренним и внешним, между словом и его смыслом.

В этом смысле сама семиотика как учение о знаках оказывается наблюдением второго порядка, ведь именно эта наука отличает знак как таковой от обеих его внешних сторон (т.е. от его смысла и от его «некорректных» выражений) и способна концентрироваться на самом различии между знаком и «знаком».

Понятие *формы* Д.Спенсера-Брауна делает возможным дальнейшее уточнение некоторых понятий семиотики. Выше мы говорили о форме формы, т.е. о ее возможной изоляции и отличении от обеих ее сторон. Ф.Соссюр как раз и подразумевал такого рода «сепарацию», говоря о «произвольности» знака. Подразумевается то обстоятельство, что означающее означает исключительно означаемое и ничего

больше. Согласно Ф. Соссюру, это отношение абсолютно произвольно или случайно, причем означающее полностью свободно относительно своего означаемого. Поясним эту несколько загадочную формулировку.

Источник этой «свободы» означающего от своего означаемого кроется в том факте, что некоторое означающее может быть определено *лишь посредством другого означающего*, а не средствами сопровождающего означаемого (или смысла означающего). Отношение между знаками — это всегда отношение между участниками коммуникации, но хотя переработка информации в ходе коммуникации непременно осуществляется, по меньшей мере, двумя сознаниями (или личностными системами), данные системы сознания лишь исчисляют — всегда внешние для сознания — уже установившиеся алгоритмы взаимодействия знаков, т.е. *устойчивые* отношения между знаками, между прошлыми и возможными в будущем выражениями, так что эти отношения получают собственную логику и историю, не совпадающую с историей и логикой констелляций переживаний в системах сознания. Лишь сами коммуникативные вклады (означающее) способны — в подлинном смысле слова — лимитировать или определять друг друга, но никак ни интенции участников коммуникации, которые словно «обслуживают» коммуникации, предлагая возможные ответы на прошлые высказывания, и именно эти прошлые высказывания являются подлинно-каузальными факторами последующих знаковых конфигураций. Всякая интенция остается ненаблюдаемой и может быть выражена исключительно в виде некоторого означающего, т.е. в виде используемого в коммуникации знака.

Если знак может рассматриваться как случай формы в смысле Дж. Спенсера-Брауна, то означающее в таком случае предстает внутренней стороной того или иного знака, а означаемое могло бы интерпретироваться как смысл знака. При этом у знака всегда обнаруживается и вторая внешняя сторона (помимо означаемого, т.е. смысла-референта-дискрипции означающего) Эта вторая внешняя сторона знака и является миром.

Таким образом, может быть введено понятие *мира* — как всего того, что не является знаком, т.е. различием *означающее/означаемое*, как все то, что не является системой как различием внешнего и внутреннего, себя самого и своего внешнего мира. Излишне говорить, что то, что лежит по ту сторону знака как единства означающее/означаемое, всегда остается когнитивно недоступным. Мир, в таком случае, в его отличии от внешнего мира системы, как раз и есть

то, что в логике Дж. Спенсера-Брауна предстает в виде пустого пространства или отсутствия референта у знака, понимаемого как единства двух его сторон (см. вторую аксиому Дж. Спенсера-Брауна)⁸⁴.

Семиотическое понятие смысла: индикация/дистинкция vs. самореференция/инореференция

В самом общем смысле понятие *смысла* в коммуникации (и в переживаниях сознания) может определяться как различность между актуальной и потенциальной коммуникациями (в сознании — между данным и будущим возможным опытом); или другими словами, между тем, что индцировано в данный момент (внутренняя сторона), и тем, что может подсоединиться — оказаться опытом сознания или содержанием коммуникации в следующий момент, т.е. стать *осмысленным продолжением* в контексте прошлого и будущего.

*Осмысленность невозможно мыслить иначе, как коннективность*⁸⁵.

Итак, поскольку так понятия смысловые механизмы оказываются предпосылками селекции и принятия коммуникации, то обращение именно к семиотике может дать более конкретное определение смысла коммуникации как коннективности.

С точки зрения семиотики именно означаемое может мыслиться как смысл. Под означаемым мы, собственно, понимаем то основание, предпосылку или причину, почему одно означающее подсоединяется к другому. Смысл означающего всегда сопровождает это означающее как его другая сторона. Но он не способен подсоединиться к означающему — к произнесенным звукам или написанным буквам, к словам или предложениям. Другими словами, смысл или означаемое — это всегда объяснение (в свою очередь возможное лишь в форме означающего) того, почему одно означающее потребовало другого; того, почему некоторые означающие существуют в виде кластеров.

Таким образом, смысл в семиотике (см. ниже) выступает в качестве механизма связи знаков (или означающего) друг с другом. Смысл воплощает символическую⁸⁶ природу знака. Рассмотрим это более конкретно.

Мы уже указали на два типа семиотических дифференций, на которые раздваивается⁸⁷ логическое понятие *формы* Спенсера-Брауна. Эти две объясненные ниже семиотические дифференции можно рассматривать как правила коммуникации. Речь идет о различениях *самореференция/инореференция* и различении *индикация/дистинкция*.

Функцию смысла мы видели в обеспечении коннективности. Законы формы Спенсера-Брауна формализуют конкретные случаи наблюдения (скажем, выбор следующего «предложения о», появле-

ние следующего «переживания о» в сознании) как процесс одновременной индикации и дистинкции. Одним словом: если имеет место операция указания на что-либо, это одновременно создает отличие этого процесса от всего остального мира и от того, на что тематизируется в ходе этого процесса. Благодаря этой отличимости самих операций указания на что-либо от этого «что-либо», от того, что индизировано посредством этих операций, и осуществляется замыкание системы коммуникаций или переживаний.

Конечно, такая коннективность, или осмысленность, различна в знаковых системах и в социальных системах. Во втором случае речь может идти, скажем, о замкнутости коммуникаций, ориентированных на власть как на медиум политических коммуникаций⁸⁸. Власть и перспективы ее усиления определяют каждый следующий политический шаг — т.е. коннективность политической коммуникации (и только такие шаги — *осмысленны*, т.е. принадлежат политической системе коммуникаций). При этом эта власть не направлена на какие бы то ни было реалии внешнего мира (потребности людей, экономики, культуры, образования или науки). Для политической коммуникации безразличен этот ее внешний мир (ее возможное содержание), важно лишь обязательность подчинения решению. Только коммуникации, осуществляющиеся под «эгидой» такой обязательности, (безотносительно к их содержанию — к тому, «о чем в них идет речь») имеют *смысл* в системе, то есть ей принадлежат. При этом сама власть никогда не индизирована как коммуникативный медиум, всегда оставаясь «слепым пятном» всякой политической коммуникации.

Эта замкнутость как раз и должна обеспечиваться различием, асимметричным характером системы, выделенным статусом внутренней, т.е. индизированной, стороны. В политике одно коллективно-обязательное решение требует другого и безразлично к своей другой стороне — ко всем остальным коммуникациям, основанным на другом способе связи, скажем, на коннективности посредством различий *любовь/нелюбовь* или *вера/неверие* и осмысленным именно в контексте этих коммуникативных кодов.

Но в обсуждаемом здесь случае мы имеем дело с особой, более фундаментальной, *лингвистической коннективностью* и асимметрией, и как следствие — с замкнутостью языка. Подход Ф.Соссюра иллюстрирует дифференцию *индикация/дистинкция*. Его концепция смысла вытекает из того, что всякий лингвистический элемент получает свое значение посредством его интеграции в сеть оппозиций к другим элементам того же самого языка.

Согласно Ф.Соссюру, лингвистические элементы являются исключительно дифференциальными и определяются не по их позитивному содержанию, а негативно — посредством их отношений с другими терминами системы⁸⁹. В языке нет ничего кроме различий. Ф.Соссюр назвал это дифференциальным характером языка, под которым мыслится различность лингвистических элементов — безотносительно к сопровождаемому их смыслу (означаемому). Любой элемент задействован в языке в той степени, в какой он противопоставлен некоторым другим элементам, и свою определенность получает именно благодаря этим противоположностям. Можно показать два пути выражения такой структуры различий в языке⁹⁰.

С одной стороны, утверждается, что есть единицы, обладающие своим собственным смыслом (морфемы, монемы). Монемы — мельчайшие единицы смысла, составляющие более комплексные знаки (предложения и их комплексы), в свою очередь обладающие своим собственным смыслом. Однако принципы интеграции предложений и их комплексов (текстов), их семантические координации (=образование социальных систем) должны изучаться не в рамках лингвистики, а скорее в рамках теории коммуникации, где смысловые схемы (или, что то же самое, упорядочивающие коммуникацию коммуникативные коды подобно власти, любви, деньгам, истине) задают консистентность текстов или дискурсов. Именно эти коды обеспечивают консистентность коммуникативных вкладов участников той или иной специфической коммуникации и отклонение всех прочих содержаний коммуникации.

Между тем отношение между монемой и смыслом (в лингвистике) это разновидность отношений между означающим и означаемым (в более общем случае семиотики) или одна из ипостасей формы в смысле Спенсера-Брауна, а именно разновидность различения самореференция/инореференция (далее С/И).

С другой стороны, существуют и «далее неделимые» знаки (фонемы — отдельные звуки, буквы), которые образуют структуру языка, не обладая своим собственным означаемым (или смыслом в его широком — семантическом — смысле). Поэтому смысл фонем состоит в чистом, словно «бессмысленном» коннективном потенциале. Здесь воплощается другая ипостась формы Спенсера-Брауна, а именно дифференция *индикация/дистинкция* (далее И/Д). Именно отношение И/Д делает возможным замыкание языка как системы и его независимость от означающего (т.е. от смыслов его элементов). Например, в акустическом медиуме смысл такой констелляции фонем как *г,о,л,о,в,а* может быть только дифференциальным, что означает

следующее. Во-первых, смысл (=коннективность) фонемы «о» и ее определенность возникают исключительно благодаря ее негативным определениям как «не-а», «не-б» и т.д., вплоть до последнего из возможных звуков, причем безотносительно к какому бы то ни было озвучаемому, ведь оно у фонем просто отсутствует. И уже одно это делает возможным независимость языка в целом от его референтов во внешнем мире, его системную замкнутость и самоотнесенность. Во-вторых, дифференциальный смысл этого «о» также определяется его контекстом: «после “г”» и «перед “л”». Благодаря этому некоторые констелляции звуков (в данном случае *г, о, л, о, в, а*), определяемые как совокупности таких оппозиций и устойчиво воспроизводимые как совокупности таких оппозиций, в свою очередь, оказываются независимыми от своих референтов, скажем, тех или иных голов во лингвистической реальности.

Уже здесь мы сталкиваемся с важной системной особенностью языка, названной редувантностью (избыточностью). Так наша фонема «о» является редувантной, поскольку она может быть задана перечислением приблизительно двадцати звуков (как конъюнкция «не-а», «не-б», «не-в», etc.). Как раз это свойство и подразумевается под «дифференциальным характером» простейших лингвистических элементов.

Это лингвистическое свойство в то же время является случаем общей *логической* дифференции *индикация/дистинкция*. Одна фонема требует подсоединения другой (тем самым указывая или индицируя ее и проводя дистинкции в отношении всех прочих), если их определенности заданы дифференциально — перечислением множеств их оппозиций (дистинкций — «не-а», «не-б», «не-в» и т.д.).

Как уже было замечено, эта дифференция И/Д обеспечивает системную лингвистическую функцию — коннективность. И язык как целостная система способен сохранить свою идентичность лишь в той мере, в какой внутренняя сторона формы акцентуирована асимметрично — как выделенная и контрастирующая по сравнению с другими — не реализованными — возможностями произнесения (или написания). (Корректно соединенные звуки, слова, состоящие из корректных последовательностей «дифференциальных» лингвистических элементов, и мыслятся здесь как внутренняя сторона, как то, на чем концентрируется внимание, и как то, что служит отправной точкой для продолжения конструирования знаковых комплексов.)

Этот случай *асимметричного* применения И/Д-дифференции существенно отличен от другого типа реализации или ипостаси формы Спенсера-Брауна, а именно от *симметричной* дифференции *самореференция/инореференция* (выраженной как различения *знак/смысл* или

означающее/означаемое). Здесь всякое произнесение (или написание) означающего в то же время актуализирует и *подтверждает* и другую, внешнюю, сторону этой формы, а именно — означаемое или смысл, т.е. внешний мир, внешнюю референцию той или иной коммуникации. Произнесенное «яблоко» симметрично яблоку, которое вовсе не является заднеплановым контекстом, фоном, или горизонтом не актуализированных возможностей, каковым является «другая сторона» в случае различия И/Д⁹¹.

Всякая индикация, конечно, является референцией к чему-то внешнему по отношению к языку коммуникации. Но в то же время эта индикация может быть осуществлена *исключительно в рамках* системы коммуникации и только средствами этой системы. В мире самом по себе не существует отличий яблока от «яблока». Это различие между внутренним «яблоком» и внешним яблоком может быть порождено только самой системой и соответственно внутри нее, при всем том, что яблоко индицируется как часть ее внешнего мира и локализуется системой (но именно ею самой) вовне актуально протекающей коммуникации, как самостоятельная независимая от коммуникации реалья. При всем «внешнем» характере данная реалья все-таки остается *частью* (или *другой стороной*) различия, «автором» или «творцом» которого является сама коммуникация. В этом смысле индицированный внешний мир принадлежит системе как часть дифференции, порожденной самой системой.

Дифференция И/Д характеризовала способность системы к *наблюдению*⁹² и *коннективности*. Для продолжения коммуникации система нуждается в том, чтобы свои простые знаки превратить в более сложные образования. Индикация монемы в контексте других, уже произнесенных монем требует индикации следующей монемы. Не который данный выбор имени (и, конечно, одновременно «внешнего» по отношению к знаку объекта, т.е. смысла) подразумевает отрицание всех остающихся возможных знаков и смыслов (дистинкция) и подсоединения лишь одного следующего знака (индикация). Различение И/Д выполняет эту функцию коннекции автономных знаковых образований посредством их смыслов — как средств или механизмов соединения, как коннективных медиумов⁹³.

У логической формы Спенсера-Брауна, как отмечалось, есть и еще одна лингвистическая манифестация — различение *самореференция/инореференция*. Применительно к языку оно интерпретируется как различение монем (или более комплексных единиц) и их смыслов. В случае различия С/И индицируется сама монема (или языковая операция). При этом слова не просто произносятся, но используются

«рефлексивно». Под «рефлексивностью» здесь мыслится то обстоятельство, что слово обозначается как свой собственный смысл. Например, это может принимать форму вопроса — «А почему вы использовали именно это слово или именно это предложение?». Самое важное свойство этой дифференции С/И (отличающее его от его старшего собрата И/Д) состоит в том, что внешняя референция (другая сторона логической формы Спенсера-Брауна, т.е. смысл монемы) не отрицается (как это имеет место в случае И/Д), а подтверждается. Произнесенное или написанное слово подтверждает свой смысл: «яблоко» указывает и подтверждает, а не отрицает яблоко, в то время как в случае дифференции И/Д индигированное яблоко отрицает свою другую сторону, т.е. требует отклонения всего того, от чего оно отличается, но именно поэтому и определено.

Мы помним, однако, что данная дифференция С/И (как всякая дифференция) одновременно все-таки остается частным случаем вида И/Д и, следовательно, должно иметь еще одну внешнюю сторону, которая, собственно, должна подвергнуться отрицанию или оказаться отличной от индигированной внутренней стороны. Эта еще одна *другая* включает в себя все остающиеся, но не актуализированные возможности произнесения и написания. У «яблока» есть свои counterparts — «яблоко», «облако» и т.д. Другая внешняя сторона есть проявление в различии С/И свойств различия И/Д, частным случаем которого является первая дифференция. Именно это свойство отвечает за функцию редундантности. Всякий знак может быть замещен другим знаком⁹⁴.

Для облегчения понимания различности двух типов различений — И/Д и С/И — сведем их в таблицу.

Тип формы	Операция на внутренней стороне формы	Операция на внешней стороне	Логическое отношение сторон	Функция в системе	Языковые проявления	Наличие симметрии между сторонами
И/Д	Индикация	Дистинкция	Противоположность	Коннективность	Фонемы	Асимметрично
С/И	Самореференция	Внешняя референция	Подтверждение	Дифференциация, автономия	Монемы, морфемы	Симметрично

Итак, обеспечивая автономию коммуникации, язык должен обеспечить изоляцию и редундантность знаковой системы. Изоляция и системная замкнутость знаков состоит в том, что слово, по-

нимаемое как означающее, абсолютно непохоже на обозначаемое, и в том, что смысл знака — или означаемое — не способен подсоединяться к конstellациям слов или предложений. Хорошей метафорой сопряженности смысла и слова служит сопряженность дорожной сети и сети дорожного освещения. Освещение обеспечивает движение по дорогам, возможность менять пути и направления, но одна дорога подсоединяется к другой, разветвляется и заканчивается в тупике, в то время как сеть освещения всегда лишь сопровождает и обеспечивает движение, т.е. делает возможной коннективность дорожной сети, сама оказываясь не способной влиться в собственно дорожную сеть.

Домен знаков закрыт в этом смысле именно потому, что он не включает в себя смысловые коннекции, всегда остающиеся внешней стороной системы знаков. Использование знаков в этом смысле суть операции закрытой системы материальных объектов, особые формы в звуковых и оптических медиа, обособившиеся от остального мира (остальных шумов etc.). В то же время регистр и резерв потенциальных подсоединений этой системы знаков формируется как горизонт всякого актуализированного знака (означающего), и этот горизонт обеспечивает открытость и произвольность в подсоединении знаков друг к другу и соответственно возникновение системы коммуникаций.

* * *

Эпистемологические выводы из такого подхода к языку состоят в следующем. Всякий знак понимается как двусторонняя форма с внутренней и внешней сторонами. В более привычной терминологии, это двухместный предикат или функция: знак (означающее, означаемое). При этом внутренняя сторона (означающее) репрезентирована собственно подсоединяющимися друг к другу элементами системы — оптическими и акустическими формами в оптических и акустических медиа. Внешняя сторона репрезентирует внешний мир системы, в отношении которого система и получает свою автономию и который не может войти в число элементов системы. За автономию отвечает системное свойство редундантности, обеспечивающее возможность замещения всякого знака любым другим знаком, а следовательно, их независимость от внешнего мира — от мира смыслов или мира означаемого.

Эта автономия, или произвольность в порядке подсоединения собственных элементов системы знаков, обеспечивает более общую автономии системы коммуникаций, которая благодаря автономии знаков не нуждается в том, чтобы следовать логике событий внешнего мира. В свою очередь смыслы, всегда сопровождающие, но неспособные к коннекции с последовательностями знаков, могут отождествляться с внешним миром, миром объектов или референтов знаков.

Произвольность и изоляция сферы означающего обеспечивается тем обстоятельством, что слово (как знак языка) сохраняет свою идентичность (и независимость от смысла) благодаря конститутивной дифференции *индикация/дистинкция*, т.е. благодаря его составленности из дифференциальных элементов, а именно — из фонем, взаимно-оппозиционных структур, требующих подсоединения одной фонемы к другой. Смысл фонем (в отличие «семантического» смысла монем) состоит в «чистой коннективности», не требующей референции к внешнему миру. Именно различие и отвечает за закрытый характер языка. Эта чистая коннективность и закрытость обеспечивается словарями, грамматикой, идиоматикой и т.д.

В отличие от фонем монемы являются подлинными языковыми знаками, поскольку реализуют не только различия *индикация/дистинкция*, но и используют другую ипостась формы Спенсера-Брауна, а именно дифференцию *самореференция/инореференция*, которая снабжает обозначающее подлинным — семантическим — смыслом. Теперь смысл, сохраняя первичную функцию коннективности, неслучайного подсоединения знаков друг к другу, сообщает языку и функции инореференции, отсылает к внешнему миру языка. Внешний мир может быть обозначен только посредством дифференции С/И. Знаки на этом уровне могут указывать на все что угодно, включая себя самих как часть их внешнего мира, от которого они обособились. Речь идет о повторном вхождении формы в эту форму.

Итак:

1. Знаки как *фонемы* получают двойное «дифференциальное» определение: во-первых, благодаря их другой стороне — их полной определенности через конечный набор остальных фонем («а» как идентичное «не-б», «не-в», «не-г» и т.д.); и во-вторых, благодаря идентичности слова, в которое они включены, т.е. благодаря их устойчивому месту в данном слове, как воспроизводимой последовательности фонем («о» как то, что должно стоять после «д» и перед «м» в слове «дом»). *Смысл* каждой следующей фонемы в их последовательности определяется этими двумя требованиями подсоединения. Индикация одной фонемы требует ее отличия (дистинкций) от других фонем.

2. Знаки как *монемы*, в свою очередь, получают двойное определение. Во-первых, их идентичность обеспечивается неслучайной последовательностью составляющих фонем, что обеспечивает закрытый и автономный (т.е. независимый от смыслов-референтов) характер знаковой системы. На этом уровне сопровождающие смыслы (означаемое) не могут осуществлять интервенции и жестко определять последовательности их материальных носителей (означающее). Во-вторых, каждое слово или монема способно получать свой смысл в ситуации или контексте, и таким образом индицирует и подтверждает свой собственный смысл, хотя последний и не может входить в последовательности знаков, а может артикулироваться (скажем, как дефиниция или дескрипция) исключительно в форме других знаков, т.е. в виде означающего.

Используя этот подход, мы теперь можем начать разговор и о междисциплинарном статусе лингвистики как отрасли семиотики. В той мере, в какой исследуется различие И/Д, лингвистика выполняет свои собственные задачи, состоящие в экспликации коннективных механизмов языковых элементов (или смысла как принципа чистой коннективности знаков без их референции к внешнему миру языка). Но в той мере, в какой лингвистика интересуется отношением означающего и означаемого, она играет подчиненную роль и интегрируется в теорию коммуникации. Другими словами: если она вовлечена в составление словарей и экспликацию грамматических правил, т.е. средств обеспечения идентичности языка безотносительно к различению С/И, она сохраняет свой самодостаточный дисциплинарный статус.

Означающее как *смысл, обеспечивающий коннективность через отсылку к внешним референтам*, делает возможным подсоединение монем друг к другу. Но в той мере, в какой слова или монемы могут сопрягаться относительно независимо от их смыслов, т.е. свободно от мира, индицированного посредством этих монем (функция редундантности знаков), — здесь реализуется важная функция контингенции коммуникации. Причем эта функция уже выходит за пределы лингвистики. Рожденная как свойство знака и следствие изоляции и автономии языка контингентность коммуникативных вкладов исследуется теорией социальных систем. И поскольку даже в случае строгих нормативных ожиданий (задаваемых отчасти и структурами языка) языковая автономия делает возможным языковую мутацию и эволюцию, здесь уместно применение эволюционной теории.

Коммуникация и сознание

В этой части мы коснемся проблемы той меры, в какой сознание соучаствует в коммуникативном процессе и какие коммуникативные функции оно способно реализовывать (конечно же, помимо тривиального поддержания диалога). Начав с этой проблемы, мы рассмотрим коррелятивную проблему того, как теория сознания (и особенно теория восприятия) может быть интегрирована в теорию коммуникации.

Особое внимание мы уделяем пониманию восприятия в межличностной психологии, например, в том виде, в каком оно было развито австро-американским психологом Фрицем Хайдером в его концепции перцептивных медиа⁹⁵. Наше обращение к этой концепции обусловлено, с одной стороны, *логической* сопряженностью теории восприятия и теории коммуникации, и во-вторых, вызвано историческими узами этой теории с коммуникационной теорией Никласа Лумана, труды которого в значительной степени основываются на хайдеровской доктрине перцептивных медиа⁹⁶. Сформулируем два тезиса.

1. Сознание во многом выполняет функции, схожие с языковыми, а именно делает возможным — на более высоком уровне *восприятия восприятия* — контингентный характер коммуникации. Ведь лишь восприятие чужого восприятия оказывается условием «разложения» привычных и устоявшихся идентичностей — того, что называется объектами, «паттернами восприятия», которые воспринимаются реципиентом первого порядка, как правило, нереклексивно, как нечто естественно-данное и непроблематичное. Если бы не это — пусть всегда фиктивное — восприятие чужого восприятия и вытекающая из этого проблематичность разного рода идентичностей и объектов, коммуникация была бы вынуждена следовать жесткому порядку нормативных ожиданий⁹⁷.

2. Собственный интерес теории восприятия в психологии межличностных отношений направлен на внутреннюю структуру коммуникаций, т.е. не на подсоединения коммуникаций друг к другу и проблему их интеграции в социальные системы (что должно составлять предмет теории социальных систем как социологической дисциплины), а на узы, связывающие внутренние элементы коммуникации, на интеграцию *сообщения, информации и понимания* (см. выше определение элементов коммуникации во введении к этой главе).

Психологическое понятие смысла

Чтобы эксплицировать понятие смысла, как оно может пониматься в психологии, выделим те его функции, которые коррелируют с рассмотренным выше семиотическим пониманием смысла. Речь идет о

- 1) интегративной или коннективной функции;
- 2) функции редундантности;
- 3) медиальной функции, обеспечивающей контингентный характер переживаний.

Поскольку смысл в нашем понимании есть механизм, обеспечивающий продолжение операций и сознания (переживаний), и коммуникаций (коммуникативных актов), то в обоих этих случаях данные смысловые механизмы могут быть сведены к общей функции: редукции сложности внешнего мира.

Интегративно-коннективная функция

Понятие смысла в психологии может быть непосредственно связано с интегративной функцией сознания. И хотя интеграция содержаний сознания в форму линейной последовательности или потока переживаний, возможно, является жизненно важным для самой психики (хотя для меня это и не очевидно), представляется в высшей степени вероятным, что формирование такой интегрированности, в первую очередь, отвечает потребностям упорядочивания коммуникаций⁹⁸.

Для иллюстрации этого смыслового характера сознания приведем тривиальный пример⁹⁹. Такие паттерны (здесь: отношение контур-свет-тень) обеспечивают неслучайную ассоциацию восприятий друг с другом и подсоединение к ним их не-произвольных интерпретаций. Существование контура поверхности и света требует коннекции с переживанием тени, тем самым делая возможным консистентную последовательность переживаний в хаосе и многообразии восприятий.

Порядок в восприятиях как раз и возникает благодаря смыслу (=воспроизводимому паттерну как механизму связи переживаний). Ф.Хайдер называет этот процесс переходом от поля стимулов к полю феноменов. Смысл организует восприятие в психике наподобие того, как социальные смысловые механизмы организуют коммуникации.

Функция редундантности

В дополнение к интегративной функции смысл в системе переживаний (т.е. в психике или системе личности) выполняет функции *редундантности*, т.е. актуализации некоторого ментального акта в горизонте некоторых потенциально-аналогичных (=редундантных) переживаний, которые «обещают» более «экономичный» или более «элегантный», или хотя бы более простой путь интеграции¹⁰⁰.

При всех этих аналогиях системой коммуникации и системой сознания в смысловых функциях интеграции и редундантности все-таки и потоки коммуникаций, и потоки переживаний существенно различны. В социальных системах задача блокировки чуждых, т.е. внесистемных, коммуникаций выполняется посредством специальных обобщенных коммуникативных кодов (таких, как истина, власть, деньги), понимаемых как ориентиры, требующие устойчивого подсоединения друг к другу лишь «родственных» (скажем, научных, ориентированных на поиск истины, коммуникаций) коммуникаций. Так в научном дискурсе аргументы, вызывающие к авторитету (или даже к репутации), не говоря уже о власти или деньгах, а не к истине (или символизированной ею и коррелятивным ей механизмам тестирования и верификации научных предложений), должны пониматься как внешние по отношению к системе собственно научных коммуникаций и как лишенные собственно научного содержания. Но при всем этом сама истина понимается как нерелексивный ориентир научного дискурса, который не может оказаться объектом того же самого научного исследования, использующего истину как медиум селекции научных предложений. Исследователь, принимающий и отклоняющий те или иные подтвердившиеся или не подтвердившиеся предположения посредством смыслового механизма *истины* и организующий удостоверенное знание в упорядоченные комплексы или теории, действительно не нуждается в дополнительном анализе своего наиболее общего селекционного инструментария — структуры различения истина/ложь, поскольку подобный анализ был бы абсолютно индифферентен к его непосредственной научной задаче. Этот механизм допускает и даже требует его *нерелексивного* применения.

Однако в сознании (в отличие от коммуникаций, канализированной в вышеупомянутом смысле), кажется, нет ничего, чтобы могло сколько-нибудь жестко препятствовать ситуативно-необходимому переключению или диссипации потоков переживаний. Последовательности ментальных событий действительно представляются гораздо более разветвляющимися, гораздо менее канализированными

ми и соответственно — менее стабильными, чем последовательности коммуникаций. Поэтому-то ключевая проблема здесь состоит в экспликации некоторой суммы смысловых, т.е. коннективных механизмов, которые могли бы быть признанными в качестве селекционных направляющих для потока сознания. Что же может функционировать в качестве такого рода нерелективных (т.е. недоступных для переживания в процессе переживания) ориентиров психики, которые могли бы рассматриваться как функциональные аналоги языковых кодов или медиа коммуникации?

Очевидно, что главная задача сознания состоит в переработке давления со стороны огромных массивов восприятия, многообразия входящих сигналов. Соответственно и смысл в сознании в самом общем виде понимается как медиум редукции поля воспринимаемых импульсов и упорядочивания их соответственно каким-то психическим кодам. Это можно назвать самоконструированием сознания. Представляется, что эти искомые ориентиры или медиа ментальной интеграции, в свою очередь, могут быть чрезвычайно многообразными по их типологии. Ф.Хайдер характеризует их функцию как «кодирование в терминах *мотивов, сентиментов, полаганий*¹⁰¹, *индивидуальных личностных паттернов*». Очевидно, что этот список претендентов на роль смысловых организаторов психики, обеспечивающих непрерывность и относительную консистентность переживаний, можно продолжить.

Эта проблема может быть сопоставлена с проблемой сложности возможных коммуникаций, которая в социальных системах решается благодаря генерализированным смысловым кодам¹⁰². Перечисленные типы редукции (мотивы, чувства, полагания и паттерны личности) являются диспозиционными. Они сообщают психике стабильность уже только потому, что оказываются самыми экономичными, т.е. вбирают в себя или интегрируют максимум — возможных в будущем — конкретных ситуаций. Скажем, если некоторый мотив, некоторая индивидуальная черта или ожидание атрибутируются — как врожденное или глубоко укорененное — тому или иному лицу, то набор его переживаний получает большую или меньшую определенность, несмотря на все их многообразие, ситуативность и контекстуальность.

В качестве одного из простейших смыслов может быть рассмотрена, скажем, геометрическая форма — как простейший способ интеграции ментального содержания. Так крыша дома всегда остается той же самой (например, является равнобедренным треугольником и полагается таковым безотносительно к передвижениям и позициям

реципиента, хотя «реальное» восприятие предлагает ему целую гамму возможных геометрических форм в зависимости от местоположения наблюдателя). Очевидно, здесь манифестирована упомянутая редукция восприятия посредством смысловых механизмов, обеспечивающих кодирование (селекцию переживания «равнобедренной» крыши и отклонение всех отклоняющихся ее форм), посредством — нерелексивно осуществляющейся — типизации. При этом сознательная перцепция возможна исключительно через отбрасывание сознанием большинства перцепций (вспомним различие И/Д в понятии формы Дж. Спенсера-Брауна), т.е. благодаря невниманию к преобладающей доли внешних импульсов.

Здесь принимает отчетливость понятие *медиума* восприятия. Медиум представляет собой «грубый материал» возможностей восприятия, в данном примере — многообразие «реально» воспринимаемых треугольников крыши. Но благодаря определенной форме (в нашем случае — геометрической), накладываемой сознанием на этот сам по себе неоформленный медиум, на поток непрерывно варьирующихся — в зависимости от меняющейся позиции реципиента — перцептивных данных, эта крыша сохраняет свою стабильность, оставаясь равнобедренной, неважно, насколько искусственно это может выглядеть. Это отношение *медиум/форма* обладает тем же значением и применительно к межличностным отношениям.

В отличие от общества, где социальные подсистемы оперируют параллельно и одновременно друг другу, подсистемы личностной системы (или психики) словно замещают друг друга. Кажется, что одна прекращает свои операции, когда начинается другая. (Так, скажем, даже еще не закончив писать эту главу, последовательность переживаний моего сознания уже переключилась на размышления о приеме приглашенных гостей.) Эти переключения оказываются в высшей степени восприимчивыми и зависимыми от того обстоятельства, насколько данная персональная система ангажирована коммуникативными системами. В психике буквально каждое переживание может конвертироваться в некоторую генерализацию, т.е. в такую оценку, которая в долгосрочной перспективе смогла бы послужить ориентиром для коннекции переживаний. (В предшествующем примере роль такого обобщающего ориентира берет на себя идея «главы», «подчиняющая» и канализирующая на долгое или короткое время все остальные мои переживания. Однако после упомянутого ментального переключения генерализируемое переживание или идея «гости» берет на себя ту же самую функцию, упорядочивающую мои переживания в линейную последовательность.)

Поэтому система сознания выглядит гораздо менее «экономичной», нежели система коммуникаций. По крайней мере, «растрачивать впустую» мысли не может санкционироваться так же жестко, как «напрасные речи», т.е. коммуникативные вклады участников коммуникации, которые не могут сходу интерпретироваться как адекватные системе, т.е. как предполагаемые соответствующими коннективными смысловыми механизмами.

Очевидно, что такие ментальные бифуркации зачастую вызываются «интервенцией смысла» в сознание из коммуникации, сопровождающей ментальные потоки, и именно в силу того обстоятельства, что и системы сознания, и системы коммуникации используют *язык* как общий для них медиум (в вышеупомянутом смысле «грубого материала», хюле, резервуара возможностей, оформляемого посредством смысловых коннективных механизмов).

Здесь важно видеть, что вопреки тому, что каждый коммуникативный акт имеет свой коррелят в сознании участников коммуникации, и несмотря на то, что определенные переживания часто предстают в виде эксплицитных вербальных выражений, такие корреляции всегда остаются в высшей степени проблематичными. Произнесенное слово (или предложение) всегда оказывается фрагментом некоторой замкнутой в сознании истории переживаний, но одновременно является и фрагментом — принципиально иной, но столь же замкнутой — истории коммуникаций, и эти истории имеют разную историю.

Медialная функция смысла

В нашем анализе языка мы уже указали на функцию контингентности, которую берут на себя определенные языковые структуры, обеспечивающие контингентный, т.е. жестко заранее не предопределенный, характер коммуникаций. Эта функция гарантирована медialным характером языка, если под ним понимать тотальность слабо связанных элементов, допускающих почти любую конфигурацию благодаря наложению самых разнообразных форм (предложений, идиом, общих мест, грамматических правил).

Исходя из ко-эволюции коммуникации и сознания, их схожей организации посредством смысла и общего для них медиума языка, можно предположить, что и в структуре психики обнаруживается такой функциональный аналог, который бы обеспечивал контингент-

ность сознания, и как следствие — контингентность коммуникации, ведь последняя в высшей степени зависит от «интервенции смысла» из сознания.

Собственный медиум психики — это «грубый материал» возможных перцепций, совокупность слабо связанных элементов, на которую могут накладываться жесткие отношения между некоторыми из них.

Например, зайдя в комнату к незнакомому человеку, мы обнаруживаем богатую библиотеку и картины на стенах. Сначала мы имеем дело с тотальностью воспринимаемых, но не жестко не связанных данных (медиум). На этот медиум накладывается паттерн (смысловой механизм-различение) *книги/начитанность*, требующий коннекции с представлением об образованности хозяина. Но поскольку элементы медиума взаимосоотнесены не очень жестко, они легко могут принять и другую форму, если, скажем, поступает информация или возникает предположение, что книги принадлежат прежнему владельцу комнаты.

Гипотетические личностные черты (скажем, образованность и художественный вкус) были медиированы восприятием комнаты, наполненной книгами и картинами на стенах. Но кое-что оказалось скрытым от этого восприятия, и этим «кое-что» является *само восприятие*. Сам медиум не подвергался рефлексии. Причем попытка анализа медиума приводит лишь к его переконфигурации — наложению других форм или дифференций. Форма или дифференция *книги/начитанность* замещается различием *прежде/после*¹⁰³, по-новому оформляющим медиум восприятия. Осмысленным становится подсоединение совсем иных ментальных актов в потоке сознания. Эти нерелексивные смысловые дифференции, обеспечивающие коннективность потока сознания, выполняют для систем переживаний (психики) ту же функцию, которую коммуникативные коды (власть, истина, любовь, вера) играют в отношении систем коммуникаций (политических, научных, интимных, религиозных и т.д.).

Итак, для того, чтобы огромные массивы воспринимаемых данных могли выступить в упорядоченном виде (= в виде линейной последовательности переживаний), возможности восприятия должны получить то или иное оформление посредством накладываемых на эти возможности форм или дифференций. И именно эти формы или различия делают возможным коннективность (подсоединимость, смысловой характер) переживаний. Но именно медиальность восприятия, т.е. возможность его разных конфигураций, делает возможным общую свободу коннекции ментальных актов и их коммуникативных экспликаций.

Конечно, такая формулировка все еще слишком обща и тривиальна. Для лучшего понимания контингентности систем сознания следует обратиться к восприятию второго порядка, что могло бы дать возможность проиллюстрировать некоторые более конкретные предпосылки этой контингентности.

Декомпозиция объектности в восприятии второго порядка

Восприятие чужого восприятия до некоторой степени возможно лишь через обращение к самому медиуму восприятия¹⁰⁴. Чтобы услышать то же самое, что в данный момент слышит партнер, необходимо сконцентрировать внимание на возможных формах медиума, т.е. на его возможных жестких конфигурациях, на чем-то выдающемся или бросающемся в глаза на фоне чего-то незаметного и непроблематичного. В отличие от воспринимаемого воспринимающего (реципиента первого порядка), который концентрируется на *внутренней* стороне формы (т.е. на явно выделяющемся в различении *явное/неявное*), воспринимающий воспринимающего способен обратить внимание и на само это различие между чем-то выделяющимся (внутренняя сторона, служащая основанием для подсоединения его следующих переживаний) и всем остальным — фоновым — миром (внешняя сторона).

Именно потому, что реконструкция чужого восприятия всегда проблематична для реципиента второго порядка ввиду недоступности переживаний первого реципиента, он с необходимостью сталкивается с многообразием возможных форм и вынужден делать осознанный выбор, что и делает «зримой» границы между теми или иными паттернами восприятия. В своей реконструкции он должен увидеть не только «видимое» для первого реципиента, но в то же время и то, что последний в данный момент воспринимать не в состоянии, и главное — способен постулировать границу между «ощущаемым» и «неощущаемым» применительно к чужому восприятию.

Именно это обстоятельство ведет к тому, что в восприятии чужого восприятия может разлагаться (или, по крайней мере, становится проблемой) сама объектность воспринимаемого мира, его дифференциация на устойчивые комплексы — вещей или объектов. Ведь второй реципиент вынужден постоянно решать ряд проблем. Так, например, он никогда не может быть полностью уверен в том, концентрируется ли наблюдаемый реципиент на некоторой целостности или видит лишь фрагмент чего-то более «большого». Как следствие, це-

лое и его часть приобретают симметричность, а целостность воспринимаемых объектов именно в ситуации восприятия восприятия теряет свою самоочевидность и непроблематичность.

То же самое касается пространственно-временных характеристик тех или иных событий и привычных каузальностей. Степень внешнего воздействия на определенные события (и автономия реципиента первого порядка от такого рода воздействий) становится проблемой именно в переживаниях реципиента второго порядка. Как правило, первый реципиент, ощущающий внешнее влияние на него, не обращает внимания на различие между внутренними и внешними каузальными факторами, воздействующими на его поведение. Он нерелексивно и словно автоматически приписывает причины или авторство своих действий либо своей воле (своему сознанию или себе как автору), либо «необходимости» «объективной» ситуации или действиям своих партнеров и контрагентов.

Проблематичность же такого рода атрибуции возникает лишь в силу неопределенности и дефинитивной недостоверности восприятия всегда неуверенного реципиента второго порядка. Лишь в восприятии чужого восприятия может быть выявлена парадоксальность и неустранимая проблематичность того обстоятельства, что несмотря на самоприписываемое авторство своих действий и переживаний первый реципиент всегда остается субъектом внешних влияний, и наоборот, несмотря на строжайшие ограничения поведения, накладываемые внешними условиями и ситуативным контекстом действия, воспринимаемый реципиент тем не менее остается последней инстанцией, принимающей автономные решения, даже и в том случае, если это решение есть всего лишь решение «подчиниться обстоятельствам».

Итак, лишь в восприятии чужого восприятия может быть выявлена контингенция перцептивных паттернов в форме различий между чем-то «зримым» и «незримым», остающихся недоступными для простого восприятия и реципиента, способного увидеть лишь то, что он может видеть.

Из всего следуют некоторые выводы относительно связи психологии, социологии и теории коммуникаций.

Упомянутая способность второго воспринимающего разлагать объектность (непроблематичную структурированность воспринимаемого мира), исчезновение самоочевидной пространственно-временной и каузальной интеграции его перцептивного поля, осознание контингентности восприятия и парадоксальность авторства мыслей и действий — все эти «трудности» оказываются результатами восприятия чужого восприятия.

Именно это предопределяет расходящиеся перспективы коммуникации: различие *сообщения и информации*, которая как раз и оказывается, таким образом, восприятием второго порядка. *Собственно тема такой конверсии сообщения участника коммуникации в информацию и является собственной задачей межличностной психологии в рамках теории коммуникации.*

Приведем простой пример такого сопряжения сообщения и информации. Реципиент видит расплывчатый объект и вербализует свое переживание (сообщение). И данный объект, и его неотчетливость принадлежат данному переживанию. Однако реципиент второго порядка атрибутирует эту расплывчатость близорукости первого реципиента, а самому объекту приписывает четкость контуров. Эта конверсия сообщения в нечто такое, что в это сообщение не было вложено и в нем не содержалось, как раз и представляет собой процесс информации, т.е. наложение формы на медиум, в данном случае — различения четкое/нечеткое (=объектное/субъектное) на «грубый материал» возможных перцепций¹⁰⁵.

Все это предстает как психологическая или эпистемическая проблематика, но поскольку речь здесь идет об экспликации внутренней структуры коммуникации, о сопряжении сообщения, его информации и сравнении последней с сообщением (=понимании), то она вызывает и социологическую релевантность.

Вскрываемая здесь дифференция *объекты-в-себе/перцептивные возможности* может быть прослежена исключительно на уровне восприятия второго порядка, причем в расчет здесь должны приниматься не только сенсорные особенности (недостаточности, их «слепые пятна», как в нашем простом примере) реципиентов, но их гораздо более широкие диспозиционные качества (мотивации, полагания, уровни интеллекта) — словом, все то, что может служить смысловыми механизмами (=паттернами, формами, средствами интеграции психики), обеспечивающими выстраивание линейных последовательностей переживаний, т.е. все то, что может быть объединено в понятии *смысла* — механизмов связи переживаний друг с другом.

Именно на этом уровне восприятия второго порядка становится явной контингентность восприятия, понимаемая как произвольность в атрибуции перцепций и качеств (скажем, опасность всегда может быть произвольно приписана вторым реципиентом как некоторой «опасной» ситуации, так и восприимчивости первого воспринимающего, а воспринимаемые в качестве «возлюбленной» могут произвольно «извлекаться» из суммы личностных черт возлюбленной и атри-

бутироваться «слепоте страсти» любящего; или трудности в прочтении данной книги можно произвольно приписывать интеллектуальной недостаточности читателя).

Итак, на уровне перцепции перцепции в некотором смысле¹⁰⁶ становится доступным сам медиум восприятия, как правило, остающийся «невидимым» на уровне простого восприятия.

* * *

Как мы видели, именно восприятие чужого восприятия оказывается источником контингентности коммуникации, расходящихся перспектив сообщения, его интерпретации как информации и возможности их сравнения.

Межличностная психология и исследует эту внутреннюю структуру коммуникации и в этом смысле входит в теорию коммуникации, в той мере, в какой последняя понимается как трансформируемое единство трех упомянутых элементов — сообщения, информации и понимания. Но для социологии так понятая коммуникация предстает уже как элементарный, единый и неделимый атом, который может вступать в коннекции со сходными элементарными единствами. Собственный интерес социологии направлен не на внутреннюю структуру коммуникаций, но на их интегрированность в сеть суперструктур (т.е. в социальные системы), на их ориентированность на прошлое и будущее этих систем как на контекст каждой индивидуальной коммуникации. В то же время составляющие конституэнты коммуникации (т.е. всегда проблематичные экспликации Эго смысла сообщения Альтера и его реконструкции на базе собственных проекций Альтера) безусловно являются предметом психологии.

Тем не менее здесь мы наталкиваемся на общую для обеих дисциплин территорию, поскольку всякое коммуникативное выражение (сообщение), его информация и ее сравнение с сообщением непременно имеют дело с двойным контекстом — контекстом сознания и контекстом собственной логики коммуникации.

Примечания

- ¹ Сознание, субъект, системы переживаний не могут быть предметом социологии, ибо не принадлежат обществу, коммуникациям. Их определение как внешнего мира коммуникации вытекает из того, что они не способны «подсоединяться к коммуникациям», привносить в них свои операции, скажем, организовать коммуникативную последовательность *мысль-речь-мысль-речь*. Мысли идут своим чередом, образуя свой аутопойезис, «подсоединяясь» друг к другу, а коммуникации — своим. Однако сознание или система переживаний представляют собой необходимое условие коммуникаций. И все-таки между ними устанавливаются отношения «соприжения», медиумом которого является, прежде всего, язык, равным образом использующийся и сознанием, и коммуникацией.
- ² Конечно, эти предметы репрезентируются и сознанием, однако пока они не станут предметом коммуникативного обсуждения, они не просто иррелевантны, но и вообще — когнитивно недоступны.
- ³ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 34.
- ⁴ Понятие «собственных значений» ввел в оборот Хайнц фон Ферстер, система представлений которого послужила источником многих лумановских идей.
- ⁵ Как мы увидим ниже, различие — фундаментальная когнитивная операция, делающая возможным наблюдение и соответственно обозначение чего-то в качестве такового (в качестве предмета, идентичности, различия и т.д.), является «слепым пятном», но само ускользает от наблюдения.
- ⁶ Так ее определяет английский логик и математик Джордж Спенсер Браун, логико-математический аппарат которого служит Луману для формализации его идей (*Brown G.S. Law of Form, L., 1954*). Эту формулировку развивает американский биолог и психолог Г.Бейтсон, популяризирующий в своих бестселлерах сложные кибернетические идеи. Бейтсон приводит такие примеры: трещина, уже наличествующая на стекле (различие, негомогенность), в случае попадания в него камнем порождает другую трещину (другое различие), протекающую параллельно первой, а не «звезду», направление лучей которой было бы невозможно предсказать. Мы не можем предсказать момент и температуру кипения (то есть указать временные и температурные дифференции, выделенные точки), если воду тщательно отфильтровать, то есть создать гомогенную среду. Лишь наличие неравномерности, различия позволяет зафиксировать также и другие различия (например, определенную точку кипения, определенный временной параметр). На русском языке см.: *Бейтсон Г. Экология разума. М., 2000*.
- ⁷ Представление о том, что *носитель* потенциальной информации ею и является, возникает, видимо, потому, что само различие *информативное/неинформативное* как всегда является «слепым пятном», исключенным третьим двух различаемых данностей. Благодаря этому различию мы видим только информацию («внутреннюю сторону формы») и отбрасываем (точнее, видим краем глаза) неинформативное («другую сторону формы»), тогда как сам этот «код-различение», оставаясь «исключенным третьим», уходит от рефлексии.
- ⁸ *Foerster H.v. Wissen und Gewissen. Versuch einer Brücke. Suhrkamp, 1993.*
- ⁹ Простым примером могут служить некоторые математические функции. Скажем, функция $f(x/2+1)$ в случае ее самоприменения (при x , стремящемся к бесконечности, и при любом x_0) получает «собственное значение», равное 2. Пусть $X_0 = 0$. Тогда

значение функции $(X_0/2+1)$ равно 1. Последнее значение (т.е. результат предшествующей операции) берем в качестве X_1 . Тогда значение функции $(X_1/2+1)$ равно 1,5. Последнее значение (результат прошлой операции) берем в качестве X_2 . Тогда значение функции $(X_2/2+1)$ равно 1,75. Нетрудно понять, что при любых X_0 при многократном самоприменении функции ее значение приближается к граничному значению 2, что и является ее «собственным значением» — результатом множества рекурсивных операций.

¹⁰ Foerster H.v. Wissen und Gewissen. Versuch einer Brücke. Suhrkamp, 1991. S. 107.

¹¹ Под внешним миром коммуникации вообще в первую очередь следует понимать человека (участника коммуникации, его организм, его сознание).

¹² Этот подход к пониманию закрытого характера социальных процессов как основания для их автономии, дифференцированности, очевидно, является выражением более общей методологии. Для демонстрации этого обстоятельства фон Ферстер предлагает пример с волнами Де Бройля. Эта иллюстрация показывает, как *рекурсивность может служить основой дифференциации*. Рекурсивность, ориентация будущего события на прошлое состояние и лежит в основе автономии системы.

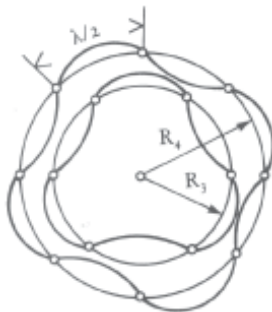

Рис. 1

Если число волн (с соответствующей длиной) является целым числом, а следовательно, конец и начало волн совпадают друг с другом, то каждая орбита получает свой собственный радиус («собственные значения»: R_3, R_4) и именно такой, который не позволяет волнам усилить или погасить друг друга, а это и обеспечивает сохранение «автономии», «дифференцированности» орбит электронов. См.: Foerster H.v. Op. cit. S. 242.

¹³ Слова «познание», «обдумывания» — здесь, естественно, применяются метафорически.

¹⁴ До образования аксонов:

Рис. 2

После образования аксонов:

Рис. 3

- ¹⁵ Ответственные за самореференцию слои нейронов отделяются от внешних рецепторов, функция которых состоит в инореференции:

Рис. 4

Так у человека «всего» сто миллионов рецепторов, «имеющих дело» с внешним миром организма и отвечающих за «инореференцию», соответствуют десяти миллиардам синаптических щелей, которые могут пониматься как «внутренние внешние миры» организма, осуществляют «описание описания описания...» и актуализируют его «самореференцию».

- ¹⁶ *Maturana H.R., Uribe G., Frank A* Biological Theory of Relativistic Colour Coding in the Primate Retina. Archivos de Biología y Medicina Experimentales, Santiago de Chile, 1968.

- ¹⁷ Мир — это та «единственная сущность, которая не определяется через различения». В традиции, по мнению Лумана, этому пониманию мира как горизонта предшествовало (функционально-эквивалентное) теологическое описание. Другими слова-

ми: прежде мир интерпретировался традицией с помощью понятия бога. Ведь бога нельзя ни от чего отличить. Он включает все, даже дьявола. И поскольку вне бога ничего не существует, он допускает только внутренние различия. (Примерно так же понимается пространство у Аристотеля). Бог — последнее основание для различений, а сам не может быть ни от чего отличен. Но является ли тогда Бог — *бессмысленной* схемой, не имеющей своей «другой стороны»? Ведь всякая смысловая схема (различение) должна являть собой двустороннюю форму. Апофатическое богословие занималось определением Бога через его «другую сторону», выискивая такие признаки, которые Богу не принадлежат. Теперь на место такого абсолютного, независимого от различений Бога заступила семантика мира — «неразмеченного пространства» для будущих различений. Функция и у Бога и у Мира-горизонта осталась та же: обеспечить внутреннюю дифференциацию (различения), селективность, возможность будущих актуализаций. Но теперь нет смысла настаивать на единстве, абсолютности и других свойствах мира или заниматься их поисками. Напротив, как только мы к этому приступим, мы поставим мир в центр внимания, актуализируем какой-то его фрагмент или аспект, но сам мир останется за скобками, ускользнет от описания.

- 18 Если одним глазом смотреть на определенную точку на расстоянии примерно сорока сантиметров, то изображение, помещенное справа от нее, становится невидимым.
- 19 Матурана, Р., Варела, Ф. *Древо познания*. М., 2001. С. 16.
- 20 Luhmann N. Das Erkenntnisprogramm des Konstruktivismus und die unbekannt bleibende RealitKt // *Soziologische Aufklärung*. Bd. 5: Konstruktivistische Perspektiven. Westdeutscher Verlag, 1991.
- 21 Bateson, G. *Mind and Nature. A necessary unity*. New York, 1980. p. 143.
- 22 Так если бы такое адаптивное соматическое изменение, как учащение пульса на высоте 4000 тысяч метров, передавалось бы по наследству и генетически фиксировалось, то это отрицало саму возможность адаптации.
- 23 «*Конечные репрезентации (описания), которые производятся некоторым организмом, воплощаются в его движениях; логическая структура описаний вытекает, следовательно, из логической структуры движений*. Известно, что присутствие воспринимаемого источника активности (Agens) в слабой концентрации может побудить организм к движению ему навстречу (приближение). Появление того же источника в сильной концентрации может побудить этот организм от него удалиться (отдаление). Это означает, что «приближение» и «отдаление» суть предвестники выражений «Да» и «Нет». Эти две фазы элементарного поведения, «приближение» и «отдаление», составляют операциональный источник обеих фундаментальных аксиом двужначной логики, а именно «закона исключенного противоречия»: $\neg(x \& \neg x)$ или словами «неверно, что X и не-X», а также закона исключенного третьего: $x \vee \neg x$ или словами: «X или не-X». Поскольку во внешнем мире ничего не соответствует отрицанию, то отрицания — как и другие «логические частички» (конъюнкция, дизъюнкция, импликация) — возникают внутри самого организма. Описания могут быть не только подтверждающими или отрицающими, но также истинными и ложными. Тем самым не только смысл (*Да* или *Нет*) описаний, но и их истинностное значение (истинно или ложно) сопряжено с движением (поведением)» (*Foerster H.v. Bemerkungen zur Evolution des Lebens // Wissen und Gewissen. Versuch einer Brücke*. Surkamp, 1991. S. 130).
- 24 Луман говорит об осуществляющейся в ходе коммуникации селекции, которую можно, видимо, понимать, как функциональный эквивалент естественного отбора.

- 25 Bateson G. Mind and Natur. A necessary unity. N.Y., 1980. P. 176.
- 26 Каждый знает, что в условиях личного общения согласиться проще, чем возразить.
- 27 Нужно всегда отдавать себе отчет, что такой пространственный язык описания всегда условен и применяется скорее как метафора.
- 28 Форма означает проведение различения или отграничений в какой-то однородной среде, где все внимание сосредоточивается на том, что это отграничение отграничивает, а не на том, от чего оно отграничено и тем более не на самом проведении разграничения. Мы видим саму крону дерева, а не границу между ней и фоном. Всякое имя, слово, название предмета — это, таким образом, нерелексивно проведенное различение.
- 29 См.: Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 1993 [Далее: Докинз Р. (М., 1993)].
- 30 Лоренс К. Агрессия. М., 1994.
- 31 Докинз Р. (М., 1993).
- 32 «Допустим, каждый строительный блок обладал родством с другими блоками одного с ним рода. В таком случае всякий раз, когда какой-нибудь строительный блок, находившийся в бульоне, оказывался подле той части репликатора, к которому у него было родство, он там и оставался... прикрепляющиеся строительные блоки автоматически располагались бы в той же последовательности, что и блоки репликатора... они соединялись бы друг с другом, образуя стабильную цепь» (Докинз Р. (М., 1993)).
- 33 Мейоз у человека представляет собой образование половых 23-хромосомных клеток путем деления 46-хромосомной клетки.
- 34 Загадочное понятие «структурных сопряжений» (сознания и коммуникации, активности мозга и сознания, активности организма и нейронной активности, проблема *mind/body*) всегда волновало исследователей. Эволюционная теория дает ему свою интерпретацию. Скажем, в отношении селекции и возвращаемой культуры селекционер *обуславливает* возможности произрастания: отбирает подходящие посевные образцы, устраняет сорняки, «возделывает» поле. Культуры, в свою очередь, «кондиционируют» селекционера, словно задействуют его потенциал, используют его как свою «машину выживания» для конкуренции с другими сельскохозяйственными культурами.
- 35 Луман Н. Эволюция. М., 2005. С. 31–32.
- 36 Там же. С. 63.
- 37 Вспомним здесь, что и строительство генами их биологических машин выживания — организмов, начиналось с белковых границ, защищающих молекулы ДНК.
- 38 Луман рассматривает исторические формы критериев убедительности. Различению и соответственно отбору убедительных и неубедительных вариаций (т.е. попросту новых интерпретаций) поочередно служили — «более совершенная природа» высшего слоя, онтологические различия (неба и земли, высокого и низкого), скептическая установка, догматика, статистика, а с XVIII в. — здравый смысл, смехотворность и формирующаяся критическая установка, пока, наконец, убедительность и очевидность как критерии селекции не отдаются окончательно на откуп массмедиа.
- 39 Луман Н. Эволюция. С. 158.
- 40 Там же. С. 162.
- 41 Поэтому письменность — это не только «бумажная» или какая-то аналогичная запись слов (предстающих в виде сконцентрированных в единство, т.е. редуцированных к единому, «генерализованному» символу, разнообразнейших ситуаций).

Письменность следует понимать как все многообразие «памятников» — дороги, памятные места, маршруты, выдающиеся фрагменты естественного ландшафта, связанные с воспоминаниями.

42 Луман Н. Эволюция. С. 204.

43 Докинз Р. (М., 1993).

44 Лишь тот генерирующий систему коммуникативный код, который обладает таким удостоверяющим «выходом» в базовую для него сферу внешнего мира оказывается конкурентоспособным в создании своих машин выживания — социальных систем. У системы интимных отношений и коммуникативного кода *любви* — это удостоверяющие позитивную сторону любви физические сексуальные отношения. У экономики и кода *денег* — это процесс реального потребления; основание системы политики — возможность обращения к физическому насилию. В системе науки, как уже говорилось, «легитимирующим» основанием кода *истины* является процесс восприятия, обеспечивающий возможности эмпирического удостоверения теоретических предложений.

45 Докинз Р. (М., 1993).

46 Организмическую метафору можно свести к следующим пунктам: институты общества оказываются взаимосотнесенными, подобно органам тела, и сохраняют континуальность несмотря на изменения в составе индивидов; клетки уподоблялись индивидам, централизованное управление — мозгу; разделение труда между институтами общества аналогично специализации функций органов; обществу, как и организму, свойственны самосохранение, адаптивный ответ на воздействия внешнего мира, обратная связь. Передаче вещества, энергии в организме в обществе соответствуют коммуникации, торговля, транспортная система и т.д.

47 Huxley J. Kingdom of the Beast. N.Y., 1956. P. 9.

48 Chr. R. Hallpike. The Principles of Social Evolution. Oxford, 1989. P. 49.

49 Впрочем, и в биологии прекрасно известно явление кооперации генов, что никак не отрицает факта их конкуренции за место в хромосоме. Проблема же лучшей адаптации и частоты появления «более совершенных», «лучше адаптированных» форм социальности вообще не является актуальной для Лумана.

50 «По моему мнению, — пишет фон Берталанфи, — нет никакого проблеска научного доказательства в том, что эволюция в смысле прогресса от менее сложных к более сложным организмам имеет что-то общее с более успешной адаптацией, селективными преимуществами или производством большего числа отпрысков. Адаптация возможна на любом уровне организации. Амеба, червь, насекомое или не-плацентарное млекопитающее приспособлены так же, как и плацентарные; если бы это было не так, они бы уже давно вымерли» (*Bertalanffy L. v. Robots, Men, and Minds: Psychology in the Modern World* 1969. P. 67.). Другой вопрос, что Луман (*на том же самом основании*) вовсе не соглашается с пониманием эволюции как движения от простых систем или организмов к более сложным.

51 Луман Н. Эволюция. С. 22.

52 Такое понимание эволюции очевидно нереалистично и весьма напоминает теорию заговора и приводит к комичным импликациям. Так ошибка при переводе Библии (перевод «молодой женщины» как «девы») вполне могла бы интерпретироваться как специально задуманная вариация с целью введения, скажем, культа непорочной Девы.

53 Луман Н. Эволюция. С. 31.

54 Murdock G.P. The Ethnographic Atlas. Univ. of Pittsburgh Press, 1967.

- ⁵⁵ Так, с точки зрения Мердока, *эволюционно-необъяснимым* в контексте «рэндомного» варьирования выглядит тот факт, что африканский тип государственности воспроизводится снова и снова практически во всех своих индивидуальных чертах: абсолютистская монархия; божественное происхождение и ритуальная изоляция монарха; знаки монаршей власти (барабаны, трон); основание каждым монархом новой столицы; монарший гарем; особый престиж королевы-матери, королевы-жены и королевы-сестры; территориальная бюрократия; государственные министры одновременно являются правителями провинций; последние выбираются из слоев, «недостойных» наследовать монарший трон; наследование трона не урегулировано; анархия в период междоцарствия; человеческие жертвоприношения на похоронах монарха. См.: *Murdock G.P. Africa: Its Peoples and Their Culture History. McGraw Hill Text. 1959. P. 37.*
- ⁵⁶ *Blum H. Time's Arrow and Evolution. Princeton, 1963.*
- ⁵⁷ *Boulding K.E. Primer On Social Dynamics. Free Press, 1970.*
- ⁵⁸ *Blum H. Time's Arrow and Evolution.*
- ⁵⁹ Приведем цитату, репрезентирующую эти всегда соотносимые с сознанием человека представления о культурных генах: «В социальных системах генами являются образ или идея в сознании человека: идеи — такие, как планы-эскизы, по которым создаются здания или автомобили; идея или образ будущего, которые создают новое предприятие; предложение брака, которое создает новую семью; образ нового способа жизни в учении, создающем новую религию. Параллель с геном весьма отчетлива. Сущностная структура обоих состоит в информации — такой, которая в благоприятствующей среде способна сотворить телеологический процесс для производства соответствующего фенотипа» (*Boulding K.E. Primer On Social Dynamics. Free Press, 1970. P. 21–22*).
- ⁶⁰ Неструктурированность гипотетических генов культуры, по мнению Холпайка, якобы возвращает нас к старой проблеме дефицита исторического времени, недостаточного для опробования всех языковых комбинаций, а значит, не позволяющего выявить (посредством социальной селекции) действительно эффективные комбинации. «Если наш социальный внешний мир составлен из бесструктурных мириадов крошечных культурных генов, то конкретный индивид никогда бы не смог вообще усвоить культуру.. Мы знаем, что язык не усваивается исключительно в форме изолированных мимов (слов словаря, морфем, фонем, букв алфавита?), но мы упорядочиваем эти звуки и слова посредством ограниченного числа общих правил и категорий, — так, что мы можем произносить и постигать выражения, с которыми мы никогда не сталкивались ранее» (*Hallpike Chr.R. The Principles of Social Evolution. Oxford, 1989. P. 46*).
- ⁶¹ *Патнем Х. Разум, истина, история. М., 2002.*
- ⁶² *Куайн У. Слово и объект. М., 2001.*
- ⁶³ *Luhmann N. Wissenschaft der Gesellschaft. 1992., S. 167.*
- ⁶⁴ *Ibid. S. 170.*
- ⁶⁵ *Куайн У. Слово и объект. М., 2001. С. 54.*
- ⁶⁶ Понятие «отложения знания» («Sedimentierung des Wissens») играет ключевую роль в социологии знания, в особенности в феноменологической социологии и в какой-то мере оно пришло на смену гегелевскому понятию «снятию». Но если у Щюца — речь идет об «отложении знания» как накоплении его запаса (Wissensvorrat), то у Лумана — это такое отложение, которое реально (если не актуализировано в ситуации) нигде не присутствует (в виде «запаса»). Оно лишь всегда актуально конструируется и, потеряв актуальность, словно угасает (до следующей своей актуализации). См.: *Schuetz A. Struktur der Relevanz.*

- ⁶⁷ См.: Луман Н. Власть. М., 2002.
- ⁶⁸ Wissenschaft der Gesellschaft. S. 184.
- ⁶⁹ Luhmann N. Wissenschaft der Gesellschaft. 1992. S. 259–261.
- ⁷⁰ Ibid. S. 280.
- ⁷¹ Но истина — всего лишь *символ* процессуальной интеграции (то есть присоединения событий, в данном случае актуализации (присовокупления, но не аккумуляции) подразумеваемого знания. *Реальную* процессуальную интеграцию (символизируемую истиной) осуществляют программы (теории и методы — для науки, цены — для экономики).
- ⁷² *Конденсация* — это механизм конструкции идентичностей (например, понятий или вещей), служащий для того, «чтобы иметь возможность проследить, как возможна идентификация, — а вместе с ней и системообразование. Если система осуществляет присоединяющуюся операцию, то первая и вторая операции могут быть «*сконденсированы*» в одну-единственную. Референция полагается идентичной. Если тот, к кому обращено приветствие, его не замечает, следует еще одно приветствие. Мы подтверждаем приветствие, благодаря тому, что приветствуем еще раз. Смотря по направлению взгляда, два акта конденсируются в один, или один и тот же акт расширяется и подтверждается благодаря своему первому и второму воплощению. В одной перспективе видно, что идентичность образуется как конденсат множества операций. В другой перспективе видно, что подтверждение требует второй, а значит, — другой операции. Второе приветствие не является первым. Оно не просто другое, дальнейшее приветствие. Оно второе — как второе по отношению к первому, как первое и второе приветствие» (Luhmann N. Identität. Soziologische Aufklärung. Bd. 4.
- ⁷³ Подробная схема «пространственного» конструирования знания в родовых обществах. См.: Антоновский А. Ю. Пространство в первобытных обществах / И. Т. Касавин (ред.). М., 2002.
- ⁷⁴ Luhmann N. Wissenschaft der Gesellschaft. 1992. S. 231.
- ⁷⁵ Ibid. S. 235–236.
- ⁷⁶ См.: Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004; *Его же*. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. *Его же*: Эволюция. М., 2005; Дифференциация. М., 2006.
- ⁷⁷ Это осознает, что его партнер (Альтер) производит именно сообщение, а не отправ-ление естественного акта, как, например, поедание пищи (хотя и оно может быть *выбрано* Альтером в качестве коммуникативного выражения). Это конвертирует сообщение в информацию — отбирая в нем то, что существенно именно для Эго. Это *понимает* коммуникацию, если различает между данными двумя селекциями — между самим выражением и (скрытой для него) гипотетической интенцией Альтера. Эта гипотетическая интенция и есть та ин-формация, которую в себе формирует Эго. Так, приветствуя Эго, Альтер осуществляет селекцию своего выражения (скажем, кивок) как одну из опций в массиве возможных телодвижений. Затем и Эго осуществляет селекцию — выбирая между признанием этого кивка как выражения рутинного приветствия или как выражения особого отношения к себе, скажем, уважения. Как видно, никакой *передачи* информации между ними в таком случае не происходит. Альтер не теряет своего выражения, а вывод из последней информации (скрытой интенции) является собственным достижением Эго — выбором среди многих возможностей, не допускающим никакой верификации в силу закрытости сознания Альтера. Конечно же, остается возможность того, что коммуникация будет тематизировать саму себя — если Эго задаст Альтеру вопрос о «подлинном» смысле кивка. Но это *понимание* коммуникации в свою очередь остается всего лишь

одной из возможных опций в сопоставлении сообщения-выражения и информации (как всегда недостоверной экспликации интенции). Но таковое понимание (как различения-сравнения между выражением и информацией) коммуникации, несмотря на всю его проблематичность оказывается главной предпосылкой продолжения коммуникации, а значит — выполняет свою функцию.

⁷⁸ *Spencer-Brown G. Laws of form. N.Y., 1969.*

⁷⁹ Являться формой — значит быть границей двух сторон, внутренней и внешней, где внутренняя сторона обладает большим значением.

⁸⁰ Та операция весьма похожа на примитивный миф о сотворении мира. Если вторая аксиома может быть представлена проведением границы в некотором пустом пространстве и соответственно интерпретироваться как творение в пустоте, первая аксиома в свою очередь возвращает нас к «креационизму» платоновского номотета, творящего мир через наименование.

⁸¹ См.: *Valera F. Truth is what works // Poerksen B. The Certainty of Uncertainty. Imprint Academic, 2004. P. 86—107.*

⁸² Предпоследний Аурелиано читает на доставшемся ему пергаменте историю своего рода, в котором отражено, конечно же, кульминационное событие истории рода — расшифровка и прочтение им самого этого пергамента. Реальная история рода Буэндия и писаная история рода Буэндия, т.е. осуществление процесса и его описание-наблюдение, в момент «прочтения прочтения» (когда Аурелиано, читая, доходит до места о том, как он расшифровывает и читает пергамент) коллапсируют в своего рода сингулярность. Но в пергаменте все наличествует единомоментно, а в реальной истории для этого понадобилось сто лет. Реальная история событий в каждом следующем поколении и инцестуальной экзогамии. Но эта же история записана в пергаменте. Реальная история рода — постоянно воспроизводящаяся дистинкция, т.е. различение между собой и чуждым, недостижимым внешним миром. Пергамент — наблюдение-описание, индикация самого этого различения и именно на нем сосредоточивает внимание предпоследний Аурелиано, посвятивший себя его расшифровке и прочтению. Этот пергамент лишь индицирует внешний мир, но не дает возможности его достижения. Но почему? Трагедия рода Буэндия в отсутствии возможности преодолеть свое одиночество, пересечь границу формы, выйти за пределы предначертанного в пергаменте, т.е. обратиться к миру самому по себе — ведь все события рода *уже записаны*. Пергамент-история — это программа их одиночества или, говоря на нашем жаргоне — системной замкнутости.

Их подлинная история, их одиночество, то, что, собственно, и делает их Буэндия, доступно только в виде индикации — как записанный, а следовательно, как не допускающий изменений *текст*. Записанная история рода не является их реальной историей, ведь это только книга, но она как раз и становится самым важным фрагментом реальной истории, когда вводится (ре-ентри) в саму реальную жизнь рода Буэндия. И так их одиночество (системная замкнутость) как способ существования и воспроизводства рода, как латентное (нерефлексивное) воспроизводящееся *различение* своих и чужих, оказывается *явным* в записанном тексте пергамента, собственно в самой книге Г.Маркеса, но будучи записанным, теперь оно уже не может действовать как различение, *теряет свою функциональность*, ведь теперь — в запи-

санном виде — это уже не способ воспроизводства рода, а всего лишь репрезентация, различие, введенное в то, от чего оно отличается. И именно прочтение рукописи означает конец рода. Конец одиночества — конец жизни рода.

83 Н.Луман подмечает здесь парадокс, указывая на то, что тогда и у «знака» нет своего референта, а именно — знака, а следовательно, знаков будто бы не существует.

84 Позволим себе небольшую «онтологическую» интерпретацию. Здесь мы можем указать на функцию, которую выполняют знаки для системы коммуникаций. Знаки делают возможным возникновение и систем коммуникаций, и систем сознания именно потому, что делают возможным само-отделение, самоизоляцию и замыкание упомянутых систем, их отделение от всего остального мира, понятого как вторая внешняя сторона знака. Этот — когнитивно-недоступный для указанных систем — мир может, правда, постигаться как своего рода хаос, как место, где *пока еще* не произведены различия и границы — как «дикое» в понимании примитивных обществ, как трансцендентный бог в религии или ноуменальный мир в философии, и, может быть, даже — как первичная сингулярность в современных научных интерпретациях. Но при всем этом этот мир не может служить референтом никакого коммуникативно-используемого знака.

85 Потом, конечно, можно говорить, что переход к новому содержанию не имел под собой никакого смысла, являлся «ошибкой», но поскольку данный переход осуществился именно к этому, а не другому содержанию сознания или коммуникации, то «именно эта», а никакая другая речь (и мысль) реализовала функции коннективности, и стала, таким образом, *единственной* реальностью. Коннективность (подсоединенность) — критерий осмысленности, а не наоборот, как может показаться на первый взгляд.

86 Хотя означающее указывает на означаемое как на свой собственный смысл, последнее как означаемое не может быть доступным как таковое, как «чистый» смысл — вне знаковой формы. Как метафору этого отношения можно рассмотреть отношение божества и его воплощения или символизации в статуе. Божество всегда является недоступным вне своего символического выражения, вне его «объектной» формы. В примитивных обществах статуи воспринимались как реальные божества и различение между символом и чем-то символизируемым при его посредстве является сравнительно поздним эволюционным достижением. Эта метафора раскрывает то обстоятельство, что эволюция знаков есть обособление смыслов от своих «материальных» носителей. Или что то же самое — эволюция знаков есть появление все более устойчивых отношений между знаками и их кластерами, и эта все более устойчивая воспроизводимость тех или иных знаковых конфигураций и выводимость одних знаков из других, или коннективность, получает название смысла.

87 См. замечательную работу: *Esposito E. Two-sided Forms in Language*. Елена Эспозито проделала серьезную работу по разведению двух ипостасей формы у Спенсера-Брауна. Но в отличие от нее нам представляется, что о смысле можно говорить в обоих случаях — т.е. в том числе и в случае дифференции *индикация/дистинкция*, а не только в случае дифференции *самореференция/инореференция*. Это более широкое понимание смысла предполагает, что смысл повсеместно сопровождает знаки, в том числе и фонемы, а не только «более притязательные» монемы и морфемы. Смысл сразу же появляется там, где возникает функция коннективности. Такое понятие смысла более фундаментально, чем его более узкое представление в виде различения самореференция/инореференция. Также см.: *Baecker D. (ed.). The problem of form*. Stanford, 1999. P. 76–98.

- ⁸⁸ Медиум коммуникаций — это большой массив возможных коммуникативных событий, «грубый материал» на которые может накладываться форма — различение, придающее тому или иному следующему событию осмысленность в контексте данного различения (коннективность). Если медиумом коммуникаций выступает власть, т.е. такой совокупностью выступают все коммуникации, предполагающие коллективную обязательность в подчинении решениям, такой формой выступает различение или смысловой механизм *власть/безвластие* (или коррелятивная дифференция *большая власть/меньшая власть*).
- ⁸⁹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2006.
- ⁹⁰ Martinet A. Elements of general linguistics. Chicago, 1982.
- ⁹¹ Инореференция знака, конечно, все равно отлична от самореференции, и в этом смысле выступает дистинкцией, а иначе бы речь не шла об одной из ипостасей формы, т.е. различия внутреннее/внешнее. Но тем не менее здесь внешняя сторона всегда актуализируется благодаря внутренней и одновременно с ней.
- ⁹² В таком понятии *наблюдения* еще не подразумевается активности *сознания*. Под наблюдением здесь мыслится лишь простая селекция следующего шага (индикация) в контексте других потенциальных, но не реализованных возможностей (дистинкций). В этом более простом, но и более фундаментальном, смысле даже амеба способна к наблюдению в том случае, если, скажем, она осуществляет выбор между движением по направлению к добыче и от источника опасности.
- ⁹³ Точно так же, как проблема в психологии коннективность переживаний в сознании обеспечивается посредством смысла в его психологическом смысле (см. ниже).
- ⁹⁴ Как известно, Ф. Соссюр выделял *синтагматический* уровень, где каждый элемент зависит от суммы оппозиций. Таким образом, слово в предложении зависит от предыдущих и последующих слов. Но именно уровень парадигматических отношений обеспечивает редундантность монем. Непременно существует сеть соотносящихся и взаимозаменяемых слов с различными смыслами, но общими «нуклеусами» (пусть и с различными степенями этой общности). Поэтому то или иное слово получает на этом уровне свое второе определение и вторую идентичность именно благодаря его месту в ряду потенциальных конкурентов на актуализацию в коммуникации. Редундантно слово, допускающее его смысловое замещение. И именно это свойство создает широкий горизонт возможных коммуникативных подсоединений, отменяя узкую запрограммированность коммуникации, каковая имеет место в «высоких языках» (в примитивных языках и в поэзии). Очевидно, что редундантность обеспечивает произвольность выбора знаков, замкнутость знаковой системы, их свободу от их смыслов, ведь последние не способны жестко обуславливать выбор той или иной — всегда редундантной, а значит, допускающей ее замену, — монемы.
- ⁹⁵ Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. N.Y., 1958.
- ⁹⁶ Ding und Medium. Kulturverlag Kadmos, 2004.
- ⁹⁷ О такого рода «ригидной» коммуникации и соответствующем ей «чистом языке» в примитивных обществах см.: Gossen G.H. Chamulas in the World of the Sun. Time and Space in a Maya Oral Tradition. Cambridge, 1974.
- ⁹⁸ Понятие смысла в психологии сопряжено с далеко не тривиальным вопросом о том, почему возможность двух или более параллельных потоков ментальных актов не была реализована (по меньшей мере, в норме). Мы, конечно, можем предположить, что если бы такой случай реализовался, это привело бы к неконсистентным сообщениям содержаний психики в форме противоречивых высказываний и вообще противоречивого поведения организма. Поэтому в самом широком смысле смысл

можно понимать как механизм сведения информации (параллельно текущей и перерабатываемой мозгом) в единую последовательность *осознанных* (=отобранных) переживаний. И хотя существует большое количество трудов о возможностях параллельной переработки информации различными модулями мозга, трудно себе представить, что таковая параллельная переработка могла бы получить эксплицитную вербальную форму в коммуникативной ситуации — скажем, как множество одновременно актуализирующихся и инконсистентных возгласов. Тем не менее такие редкие случаи обнаруживаются, например, в случае разрушения *corpus callosum* — балки, соединяющей полушария мозга, если правое полушарие обладало развитыми речевыми способностями. См.: *Jaynes J.* The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Princeton Univ. (1976, 1990); *Lenk H.* Kleine Philosophie des Gehirns. Primusverlag. 2001. И, конечно: *Gazzaniga M.S.* Psychological science: Mind, Brain, Behavior. 2005.

⁹⁹ «Такие переменные визуального мира как дистанция, размер, цвет и форма объектов, оттенки, отношения объектов друг к другу — все это взаимосоотнесено таким образом, что если даны определенные значения некоторых из них, это требует определенных значений и других переменных... Если некоторые контуры задают отношения поверхностей и если источник света находится в определенном месте, уже это имплицитно ожидание определенных конфигураций теней» (*Heider F.* A.a.o. P. 48).

¹⁰⁰ Ф.Хайдер предлагает следующую иллюстрацию. На рисунке изображены два человека, один из которых преследует другого. Реципиент вынужден выбирать из двух редундантных вариантов интерпретации: между «следованием за...» и «преследованием». Если последний выглядит более сильным и агрессивным, то более «экономичным» переживанием, интегрирующим комплексность ситуации, будет соответствующий выбор и переживание ситуации как «преследования».

¹⁰¹ Под полаганиями (*beliefs*) подразумеваются типичные *clause-sentences*: «думаю, что...», «верю, что...», «надеюсь, что ...».

¹⁰² Безусловно, в дополнение к отбору средствами обобщенных медиа всегда осуществляется и некоторая предварительная селекция «коммуникативных вкладов» — потенциальных соперников за участие в том или ином дискурсе (причем, конечно, конкурируют не люди и не их сознания, а именно их вклады в коммуникацию, всегда принимающие вербальную форму). Такая селекция осуществляется «программами» социальных систем. В науке, например, в качестве таких программ могут выступать уже признанные теории, задающие набор «релевантных» или «интересных» (в рамках той или иной теории) фактов, гипотез или методов, что, очевидно, составляет всегда лишь самую незначительную часть всего того гигантского объема возможных научных предложений, которые тоже могли бы аранжироваться согласно значениям истина и ложь, но все-таки не попадают в фокус научного исследования. В экономике эту роль предварительно-селегирующих программ выполняют цены. Некто желает нечто приобрести (или продать) не только потому, что обладает (или не обладает) *деньгами*, но и в силу растущих (или падающих) цен. Так (ориентации на) цены в системе экономических коммуникаций представляются первичным медиумом редукции экономической комплексности, гигантских объемов возможных, но никогда не осуществляющихся платежей.

- ¹⁰³ Многочисленные попытки выявить «фундаментальные» различия (или измерения) психики обычно предполагают выделение в качестве таковых — временных, пространственных, социальных дифференций: до/после, здесь/там, Эго/Альтер.
- ¹⁰⁴ Очевидно, что такое восприятие всегда остается в высшей степени гипотетическим и не предполагает наличия сколько-нибудь надежных средств верификации достоверности полученных данных.

Научное издание

Антоновский Александр Юрьевич

Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Т.М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 21.02.07.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 7,78. Тираж 500 экз. Заказ № 003.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор автора

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119992, Москва, Волхонка, 14